

ISSN 1998-1627

Economics and Management

ЭКОНОМИКА и управление

российский научный журнал | russian academic journal

**ТЕМА
НОМЕРА**
№6 (164)
2019

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ КНДР

Цифровая трансформация управления,
экономики и социальной сферы

Производительность труда:
проблемы и перспективы

экономика и управление

Редакционная коллегия

Главный редактор

О. Г. СМЕШКО
д-р экон. наук, доцент

Заместитель главного редактора

Г. А. КОСТИН
д-р техн. наук, доцент

Научные редакторы

В. А. ПЛОТНИКОВ
д-р экон. наук, профессор
С. А. БЕЛОЗЁРОВ
д-р экон. наук, профессор

Начальник издательства

О. В. ЯРЦЕВА

Литературный редактор-корректор

Е. С. ЧУЛКОВА

Перевод

при участии ООО «ЭКО-ВЕКТОР АЙ-ПИ»
<http://eco-vector.com>

Верстка

Е. О. ЗВЕРЕВА

Дизайн обложки

Т. Л. МИСНИК

Фото для обложки

Река Тэдон с Башней Чучхе, Северная Корея (2012 год), автор Jen Morgan через Flickr.
Лицензировано в соответствии с CC BY-ND 2.0

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

28.11.2016 г. ПИ № ФС 77-67819

Учредитель издания:

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий

управления и экономики»

© Все права защищены

ISSN 1998-1627

Издается с 1995 года. Выпускается ежемесячно (12 номеров в год).

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Экономика и управление» обязательна

Адрес редакции и издательства

Россия, 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44А

Тел. редакции: (812) 448-82-50, 363-11-69

E-mail: izdat-ime@yandex.ru, izdat@spbume.ru

URL: <http://www.spbume.ru>

Подписано в печать 28.06.2019 г.

Отпечатано в типографии ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП».

198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21. Заказ №148.

Тираж 1000 экз. Цена свободная

Журнал «Экономика и управление» получают по адресной рассылке:

Администрация Президента РФ и Правительство РФ, Совет Федерации, Государственная дума, министерства и ведомства РФ, полномочные представители Президента РФ в федеральных округах, главы административных субъектов РФ, Российская академия наук, научные институты, российские и зарубежные вузы, предприятия, организации и учреждения отраслей народного хозяйства, краевые, областные и районные библиотеки

Подписной индекс 29996 — по каталогу «Роспечати»,

41039 — по объединенному каталогу «Пресса России».

Электронная подписка — <http://www.elibrary.ru>

Редакционный совет

А. Г. АГАНБЕГЯН

заведующий кафедрой экономической теории и политики
РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

Л. А. АНОСОВА

начальник Отдела — заместитель академика-секретаря
Отделения общественных наук РАН по научно-организационной
работе, д-р экон. наук, проф.,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. БЕРГМАНН

вице-президент Европейской академии наук и искусств,
член правления Форума «Петербургский диалог», д-р юрид. наук,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Берлин, Германия)

Р. С. ГРИНБЕРГ

научный руководитель Института экономики РАН, д-р экон. наук,
проф., член-корреспондент РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА

заведующий сектором Социологического института РАН,
д-р экон. наук, проф., член-корреспондент РАН, почетный
профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

В. В. ИВАНТЕР

научный руководитель Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. Л. КВИНТ

руководитель Центра стратегических исследований ИМИСС МГУ
им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой финансовой стратегии
МШЭ МГУ, д-р экон. наук, проф., иностранный член РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

А. А. КОКОШИН

декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова,
д-р истор. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. Л. МАКАРОВ

научный руководитель Центрального экономико-математического
института РАН, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. В. ОКРЕПИЛОВ

руководитель Центра региональных проблем экономики качества
ИПРЭ РАН, член Бюро Отделения общественных наук РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

Б. Н. ПОРФИРЬЕВ

директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

О. Д. ПРОЦЕНКО

советник ректора РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф.,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. СТРИЕЛКОВСКИ

профессор Карлова Университета в Праге, д-р экон. наук (Прага, Чехия)

Р. М. ЮСУПОВ

научный руководитель Санкт-Петербургского института
информатики и автоматизации РАН, д-р техн. наук, проф.,
член-корреспондент РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПОД НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

Журнал «Экономика и управление» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки РФ при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Журнал рекомендован экспертными советами по экономике; управлению, вычислительной технике и информатике

СВЕДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ИЗДАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ, ВКЛЮЧЕНЫ В РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ И БАЗЫ ДАННЫХ ВИНИТИ, ИНИОН РАН И ЕЖЕГОДНО ПУБЛИКУЮТСЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СПРАВОЧНОЙ СИСТЕМЕ ПО ПЕРИОДИЧЕСКИМ И ПРОДОЛЖАЮЩИМСЯ ИЗДАНИЯМ «ULRICH'S PERIODICAL DIRECTORY». С 2005 ГОДА СТАТЬИ ЖУРНАЛА ВКЛЮЧАЮТСЯ В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ), ДОСТУПНЫЙ В ИНТЕРНЕТЕ ПО АДРЕСУ: [HTTP://WWW.ELIBRARY.RU](http://www.elibrary.ru) (НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА). РИНЦ — БАЗА ДАННЫХ, СОДЕРЖАЩАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИЮ, ИЗВЛЕЧЕННУЮ ИЗ ТЕКСТА СТАТЕЙ, А ТАКЖЕ ПРИСТАТЕЙНЫХ ССЫЛОК (СПИСКОВ ЛИТЕРАТУРЫ).

Ekonomika i upravlenie (Economics and Management)

Editorial office

Editor-in-Chief

Doctor of Economics, Associate Prof.
O. G. SMESHKO

Deputy Editor

Associate Prof.
G. A. KOSTIN

Editor-in-Science

Prof. V. A. PLOTNIKOV,
Prof. S. A. BELOZEROV

Head of Publishing House

O. V. YARTSEVA

Literary Editors, Corrector

E. S. CHULKOVA

Translation

with the assistance of Eco-Vector Ltd
<http://eco-vector.com>

Makeup

E. O. ZVEREVA

Cover Design

T. L. MISNIK

Cover Photo

Taedong River with Juche Tower, North Korea (2012) by Jen Morgan via Flickr.
Licensed under CC BY-ND 2.0.

Russian Academic Journal Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information Technologies
and Mass Media ROSCOMNADZOR ПИ № ФС77-67819 28.11.2016.
The Russian scientific journal is owned by Saint-Petersburg University
of Management Technologies and Economics.
Publication Frequency: Monthly

Published since 1995. It is published by Publishing house
of Saint-Petersburg University of Management Technologies
and Economics.

Any correspondence relating to editorial matters should be sent
by e-mail to Oleg Smeshko
(E-mail: izdat-ime@yandex.ru)

Contact Details:

Lermontovskiy Ave 44, St.-Petersburg, Russian Federation, 190103
URL: <http://www.www.spbume.ru>

© Saint-Petersburg University of Management Technologies
and Economics
ISSN 1998-1627

The regular readers of Economics and Management are the members
of the Administration of the President and the Government
of Russian Federation, the Council of the Federation, the State Duma
of the Russian Federation, Russian President's plenipotentiaries
in Federal Districts, Russian Academy of Sciences,
Heads of Administrations of all levels and areas, State institutions,
Research Centers and libraries

Editorial Council

PROF. A. G. AGANBEGYAN

*Head of Department of Economic Theory and Politics of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

PROF. L. A. ANOSOVA

*Head of Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Deputy Academician Secretary of Department of Social Sciences of RAS,
Doctor of Economics (Moscow, Russia)*

PROF. W. BERGMANN

*Vice-President of European Academy
of Sciences and Arts Letters, Doctor of Law (Berlin, Germany)*

PROF. R. S. GRINBERG

*Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. I. I. ELISEEVA

*Head of Department of Sociology Institute of the Russian Academy
of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)*

PROF. V. V. IVANTER

*Scientific Director of Economic Forecasting Institute of the Russian
Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. V. L. KVINT

*Head of the Center of Strategic Researches of M. V. Lomonosov Moscow
State University, Head of the Department of Financial Strategy of MSU,
Foreign member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. A. A. KOKOSHIN

*Dean of the Department of M. V. Lomonosov Moscow State University,
Academician of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. V. L. MAKAROV

*Scientific Director of Central Institute of Economics and Mathematics
of the Russian Academy of Sciences,
Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

PROF. V. V. OKREPILOV

*Deputy Chairman of St. Petersburg Scientific Centre of the Russian
Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)*

PROF. B. N. PORFIR'EV

*Director of Economic Forecasting Institute of the Russian Academy
of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

PROF. O. D. PROTSENKO

*Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Doctor of Economics (Moscow, Russia)*

W. STRIELKOWSKI

*Assistant Professor of Economics, Ph. D., Charles University in Prague
(Prague, Czech Republic)*

PROF. R. M. YUSUPOV

*Scientific Director of St. Petersburg Institute of Informatics
and Automation Control of the Russian Academy of Sciences,
Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences,
Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)*

**ECONOMICS AND MANAGEMENT IS PUBLISHED UNDER THE GUIDANCE OF DEPARTMENT OF SOCIAL SCIENCES,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**The journal is indexed RISC, listed in the list of HAC
The full text of the journal is placed on EBSCO's Business Source databases**

Содержание

Актуальные проблемы развития экономики 4

И. А. Коргун, Г. Д. Толорая. Влияние санкций на внешнюю торговлю КНДР с точки зрения теории сравнительных преимуществ 4

Цифровая экономика 16

А. В. Бабкин, Н. С. Алексеева. Тенденции развития цифровой экономики на основе исследования наукометрических баз данных 16

Л. В. Ачба, Л. Г. Ворона-Сливинская, Е. В. Воскресенская. Цифровая трансформация управления, экономики и социальной сферы: реальность и перспективы 26

Институционализация экономики 32

В. А. Цветков, М. Н. Дудин, Н. В. Лясников, К. Х. Зоидов. Неинституциональная и поведенческая концепция производительности труда 32

Государственно-экономическая политика и менеджмент организации 43

В. К. Потемкин, С. Г. Михайлов, С. Б. Мурашов. Социальные ресурсы стратегии развития промышленных предприятий 43

Ю. В. Вертакова, А. С. Евтюхин. Проблемы реализации политики импортозамещения в нефтяной промышленности 50

Н. Н. Молчанов, Н. И. Галай, Ян Цзяньфэй. Сравнительный анализ восприятия инструментов нейромаркетинга покупателями в России и Китае 58

А. В. Лебедев, С. А. Стручкова. Факторы, влияющие на приобретение «зеленого» молока 69

Финансово-кредитная сфера 81

А. М. Аббасов, З. Ф. Мамедов, С. А. Алиев. Цифровизация банковского сектора: новые вызовы и перспективы 81

А. А. Горовой, В. А. Сорокина. Потребности государственно-частного партнерства в инфраструктурных облигациях для муниципального развития 90

Научные исследования аспирантов 95

Д. В. Вельмисова. Ценностно-мотивационные смыслы работников финансово-кредитной сферы 95

А. В. Семенов. Государственно-частное партнерство: вложения в транспортную инфраструктуру 102

События и факты 108

Представители СПбУТУиЭ приняли участие в Петербургском международном экономическом форуме 108

В СПбУТУиЭ прошла Международная научно-практическая конференция «Современные аспекты состояния и перспективы развития государственной региональной политики России и Германии» 111

Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление» 112

Contents

Actual Problems Development of Economics . . .	4	A. V. Lebedev, S. A. Struchkova. Factors Influencing the Purchase of Green Milk	69
<i>I. A. Korgun, G. D. Toloraya.</i> The Impact of Sanctions on North Korea's Foreign Trade from the Perspective of the Comparative Advantage Theory	4	Finances and Credit	81
Digital Economics	16	<i>A. M. Abbasov, Z. F. Mamedov, S. A. Aliev.</i> Digitalization of the Banking Sector: New Challenges and Prospects.	81
<i>A. V. Babkin, N. S. Alekseeva.</i> Trends in the Development of the digital Economy Based on a Study of Scientometric Databases	16	<i>A. A. Gorovoy, V. A. Sorokina.</i> Demand of Public-Private Partnerships for Infrastructure Bonds for Municipal Development	90
<i>L. V. Achba, L. G. Vorona-Slivinskaya, E. V. Voskresenskaya.</i> Digital Transformation of Management, Economy, and Social Sphere: Reality and Prospects	26	Post-graduates' Research Efforts	95
The Institutionalization of Economics	32	<i>D. V. Vel'misova.</i> Value and Motivational Aspects of Employee Personality in the Monetary and Financial Sector.	95
<i>V. A. Tsvetkov, M. N. Dudin, N. V. Lyasnikov, K. Kh. Zoidov.</i> Neo-Institutional and Behavioral Concept of Labor Productivity	32	<i>A. V. Semenov.</i> Public-Private Partnership: Investments in Transport Infrastructure	102
State Economic Policy and Business Management	43	Events and Facts	108
<i>V. K. Potemkin, S. G. Mikhaylov, S. B. Murashov.</i> Social Resources in the Industrial Enterprise Development Strategy	43	Representatives of SPB UMTE take part in the International Economic Forum	108
<i>Yu. V. Vertakova, A. S. Evtyukhin.</i> Problems of Implementation of an Import Substitution Policy in the Oil Industry	50	SPB UMTE hosts the International Scientific and Practical Conference "Modern Aspects of the Current State and Development Prospects of the National Regional Policy in Russia and Germany".	111
<i>N. N. Molchanov, N. I. Galay, Yang Jian-Fei.</i> Comparative Analysis of the Perception of Neuromarketing Tools by Consumers in Russia and China.	58	Basic Conditions and Requirements for Research Articles Submitted to the Russian Academic Journal "Economics and Management"	114

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ КНДР С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-4-15

УДК 339.5

Коргун Ирина Александровна

старший научный сотрудник Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН (Москва)
117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32, e-mail: irinakorgun@yandex.ru

Толорая Георгий Давидович

заведующий Центром российской стратегии в Азии Института экономики РАН (Москва),
доктор экономических наук, профессор
117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32

Исследование направлено на анализ возможностей реализации КНДР конкурентных преимуществ во внешней торговле в условиях санкций.

Цель. Выявить механизмы, позволяющие КНДР вести внешнюю торговлю в обход санкций ООН, и проанализировать, как это влияет на национальную экономику.

Задачи. Провести анализ структуры национального хозяйства КНДР и оценить исходные конкурентные преимущества; выявить особенности внешней торговли КНДР в условиях санкций; определить последствия для национальной экономики незаконной торговли в обход санкций.

Методология. В статье применен междисциплинарный подход, объединяющий классическую теорию сравнительных преимуществ и концепцию погони за рентой, а также системные методы анализа внешнеторговых потоков.

Результат. В исследовании продемонстрировано, что, несмотря на наличие ограничений в виде санкций, Северная Корея стремится реализовывать свои преимущества в ресурсообеспеченности и дешевой рабочей силе в мировой торговле. Она выстраивает собственные экспортно-импортные цепочки в обход санкций. Эти цепочки довольно мобильны и гибки и контролируются элитами. В итоге выгоды от торговли, которые могли бы более равномерно распределяться среди населения, концентрируются среди узкой прослойки населения. «Погоня за рентой» позволила сформулировать негативные последствия указанных процессов для экономики КНДР и мирового сообщества.

Выводы. Для решения северокорейского вопроса необходимо запустить процесс экономической трансформации страны посредством смены ограничительных санкций на более конструктивные. Исключение КНДР из открытой мировой торговли ведет к маргинализации государства и наносит урон прозрачности мировых товарных потоков.

Ключевые слова: санкции, международная торговля, сравнительные преимущества, экономическое развитие, Северная Корея, погоня за рентой.

Для цитирования: Коргун И. А., Толорая Г. Д. Влияние санкций на внешнюю торговлю КНДР с точки зрения теории сравнительных преимуществ // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 4–15. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-4-15.

THE IMPACT OF SANCTIONS ON NORTH KOREA'S FOREIGN TRADE FROM THE PERSPECTIVE OF THE COMPARATIVE ADVANTAGE THEORY

Irina A. Korgun

Center of the Russian Strategy in Asia of Institute of Economics of the Russian Academy
of Science (Moscow)

Nakhimovskiy Ave 32, Moscow, Russian Federation, 117218, e-mail: irinakorgun@yandex.ru

Georgiy D. Toloraya

Center of the Russian Strategy in Asia of Institute of Economics of the Russian Academy
of Science (Moscow)

Nakhimovskiy Ave 32, Moscow, Russian Federation, 117218

The presented study analyzes the opportunities for North Korea to capitalize on its competitive advantages in foreign trade in the context of sanctions.

Aim. The study aims to identify mechanisms that allow North Korea to engage in foreign trade in circumvention of UN sanctions and to analyze their impact on the national economy.

Tasks. The authors analyze the structure of North Korea's national economy, its initial competitive advantage, identify the specific features of North Korea's foreign trade in the context of sanctions, and determine the consequences of illicit trade in circumvention of sanctions for the national economy.

Methods. This study uses an interdisciplinary approach that combines the classical theory of competitive advantage with the concept of rent seeking, with the concept of rent seeking and analysis of trade flows.

Results. The study shows that, despite the restrictions imposed by sanctions, North Korea strives to make the most of its advantages, such as resource availability and cheap labor, in global trade. The country builds its own export-import chains in circumvention of sanctions. These chains are rather mobile, flexible, and controlled by the elite. As a result, benefits from trade that could be evenly distributed among the population are concentrated in the hands of a narrow segment of society. 'Rent seeking' makes it possible to formulate the negative consequences of these processes for the North Korean economy and the international community.

Conclusions. Solving the North Korean issue requires an economic transformation in the country through the replacement of restrictive sanctions with more constructive ones. The exclusion of North Korea from open global trade leads to the country's marginalization and impairs the transparency of international commodity flows.

Keywords: *sanctions, international trade, comparative advantage, economic development, North Korea, rent seeking.*

For citation: Korgun I. A., Toloraya G. D. Vliyanie sanktsiy na vneshnyuyu trgovlyu KNDR s tochki zreniya teorii sravnitel'nykh preimushchestv [The Impact of Sanctions on North Korea's Foreign Trade from the Perspective of the Comparative Advantage Theory]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 4–15. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-4-15.

1. Введение

В рамках классической экономической науки ответ на вопрос о том, что заставляет страны вступать в торговые отношения, дается в контексте теории сравнительных преимуществ, впервые разработанной Давидом Рикардо. Страны получают выгоды от торговли путем реализации своих сравнительных преимуществ в производстве каких-либо товаров или услуг. С точки зрения рациональности использования ресурсов в рамках национального хозяйства производить весь набор товаров экономически невыгодно, поскольку торговля позволяет оптимально их использовать и получать выгоду.

Одним из важных допущений теории является свобода торговли и отсутствие импортных пошлин. В большинстве случаев страны, вступающие в торговые отношения, принимают решение об установлении пошлин и выборе партнеров самостоятельно. Они не ограничены в своем выборе извне, например, санкциями, которые можно условно сравнить с заградительными пошлинами на экспорт и/или импорт.

Сегодня в мире существуют страны, в отношении которых действуют санкции, и они не имеют свободы торговли, постулируемой в теории сравнительных преимуществ. В связи с этим возникает вопрос о том, применимо ли объяснение торговых отношений теорией сравнительных преимуществ к странам, которые находятся под санкциями. В частности, в рамках данной статьи необходимо установить, имеет ли возможность Северная Корея реализовывать

свои преимущества в условиях международных санкций [1, с. 131–132]¹, как она выстраивает свои торговые отношения с миром, не имея полной свободы выбора товаров, которые она могла и хотела бы продавать на международных рынках, и торговых партнеров.

Северная Корея традиционно является объектом пристального внимания и изучения со стороны корееведов, специалистов по безопасности, ядерного разоружения, внешней политики, и в гораздо меньшей степени экономистов, специалистов по международной торговле или экономическому развитию. Такое положение вещей, на наш взгляд, неоправданно, так как частный случай Северной Кореи тесно связан с рядом ключевых проблем экономической науки. Как реализуется конкурентное преимущество страны, живущей в санкционном режиме, — это не менее важный вопрос, чем вопрос о причинах, побуждающих государства к торговле, поскольку он тесно связан с ролью международной торговли в экономике страны. Более того, изучение внешней торговли Северной Кореи способно расширить понимание об эффекте санкционных мер, принимаемых мировым сообществом.

2. Ресурсы и промышленность КНДР как основа для сравнительных преимуществ в торговле

В данном разделе рассматриваются предпосылки для сравнительных преимуществ, которые Северная Корея потенциально могла бы реали-

¹ После ядерных испытаний 12 июня 2009 г. СБ ООН принял резолюцию №1874, а в 2016 г. резолюцию № 2270, устанавливающие жесткий санкционный режим, ограничивающий экспорт Северной Кореи в части угля, золота, ванадия, титана, железной руды и редкоземельных металлов.

зовывать во внешней торговле с точки зрения обеспеченности ресурсами. Под ресурсами понимаются географические факторы, трудовая сила и ее характеристики, особенности сложившихся производительных сил. Сформулированная английским экономистом Д. Рикардо, теория сравнительных преимуществ объясняет выгоды от торговли с точки зрения специализации на тех товарах, в производстве которых страна имеет меньшие альтернативные издержки, выраженные в трудозатратах. Труд определяет относительную стоимость производства товара(-ов) в стране и, согласно допущениям теории, абсолютно мобилен [2].

Дешевая рабочая сила является одним из ключевых преимуществ Северной Кореи в международном разделении труда. Имеющиеся скудные сведения указывают на то, что уровень ежемесячного дохода может быть в пределах 30–40 долл. США [3]. При этом ее потенциал весьма высок. С одной стороны, он складывается из численности трудовых ресурсов: в 2018 г. в стране насчитывалось 16,4 млн трудоспособного населения [4], что при низком уровне развития экономики предполагает практически неограниченное предложение труда. С другой — стоит отметить образованность, обучаемость, дисциплинированность северокорейских рабочих в сочетании с добросовестным отношением к работе, прививавшимся конфуцианской этикой на протяжении столетий¹.

С точки зрения классической теории трудовые ресурсы в Северной Корее не мобильны с точки зрения выбора сферы занятости или ее смены, так как государство играет решающую роль в вопросах занятости. При этом именно государство в Северной Корее способно обеспечивать высокую мобильность трудовых ресурсов, направляя потоки в отрасли, требующие внимания на определенном этапе развития. И хотя это не свободная мобильность между секторами экономики, она может быть действенной при решении задач долгосрочного развития. Опыт Южной Кореи является актуальным, так как именно государство обеспечивало мобилизацию труда и направляло его в отрасли, подъем которых стоял на повестке дня, как директивными, так и косвенными методами [6].

Применительно к характеристикам рабочей силы следует обратить внимание на квалифи-

кацию технических кадров. КНДР обладает техническими специалистами, обучавшимися в СССР. В свое время была заимствована система профессиональной подготовки кадров [7]. Данная особенность выделяет Северную Корею на фоне других развивающихся стран, которые сталкиваются с проблемой наличия квалифицированных кадров при реализации программ по развитию промышленности².

Набор товаров, которые Северная Корея могла бы предлагать на внешних рынках, определяется структурой национального хозяйства. Контур современной северокорейской экономики вызревал на протяжении XX в. под воздействием географических факторов³, с одной стороны, и хода исторического процесса — с другой. Ввиду малых размеров страны и природного ландшафта с преобладанием гор, земель пригодных для сельского хозяйства в Северной Корее мало. По данным Всемирного банка [10], возделываемые земли составляют около 20 % территории страны. Этого недостаточно для того, чтобы аграрный сектор принимал активное участие в создании конкурентных преимуществ в международной торговле, как это происходит в странах Латинской Америки или Юго-Восточной Азии. Хаггард, рассуждая о возможных траекториях реформ в Северной Корее в будущем, также обращает внимание на не вполне благоприятные климатические условия для развития сельского хозяйства [11].

Основу ресурсной базы страны составляют запасы угля, природных минералов — магний, цинк и редкоземельные металлы. Северной Корее может принадлежать до 2/3 мировых запасов последних [12]. В 2015 г. ресурсное богатство страны оценивалось в 6 трлн долл. США [13], что является довольно внушительной суммой при небольших размерах страны. В сочетании с низкой стоимостью рабочей силы потенциал ресурсного сектора как основы для сравнительных преимуществ КНДР в международном разделении труда очень высок. Более того, существует опасность формирования ресурсозависимой модели развития в будущем, если у Северной Кореи появится более свободный доступ на мировые рынки.

В структуре экономики Северной Кореи добывающая промышленность занимала 11,7 % в 2017 г. (табл. 1). На тяжелую промышлен-

¹ В научной литературе, как правило, рассматривается феномен влияния конфуцианской этики на отношение к труду применительно к индустриализации в Южной Корее. Однако можно утверждать, что эти принципы применимы к Северной Корее, которая до 1945 г. имела общую историю с Югом, следовательно, испытывала воздействие аналогичных исторических и культурных факторов. Более подробно о влиянии конфуцианства на трудовую этику см. [5].

² В частности, в докладе Всемирного экономического форума «О конкурентоспособности в Африке — 2017» отмечается, что африканские страны по-прежнему сталкиваются с проблемой нехватки специалистов, несмотря на достигнутый прогресс в области образования [8].

³ Влиянию географических факторов на экономическое развитие и необходимости их учета в вопросах экономического развития посвящен ряд работ П. Кругмана. См., например, [9].

Структура ВВП Северной Кореи разных лет, %

	‘90	‘98	‘06	‘08	‘10	‘14	‘15	‘16	‘17
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1) сельское хозяйство	27,4	29,6	23,3	21,6	20,8	21,8	21,6	21,7	22,8
2) промышленность:	40,8	25,6	29,6	34,6	36,3	34,4	32,7	33,2	31,8
добывающая	9,0	6,6	10,2	12,1	14,4	13,1	12,2	12,6	11,7
обрабатывающая:	31,8	19,0	19,5	22,5	21,9	21,3	20,4	20,6	20,1
легкая	6,2	6,4	6,7	6,7	6,6	6,9	7,0	6,9	6,8
тяжелая	25,6	12,6	12,8	15,8	15,3	14,4	13,4	13,7	13,3
3) распределение электричества, газа, воды	5,1	4,2	4,5	3,4	3,9	4,3	4,5	5,2	5,0
4) строительство	8,6	5,1	9,0	8,3	8,0	8,2	9,0	8,8	8,6
5) услуги:	18,0	35,6	33,6	32,2	31,0	31,3	32,2	31,1	31,7
правительство	11,0	25,3	23,7	22,8	22,4	22,7	23,3	22,4	23,2
6) прочее	7,0	10,3	9,8	9,4	8,6	8,6	8,9	8,7	8,4

Источник: [15].

ность приходилось 13,3 %, а совокупная доля всех отраслей промышленности, включая добывающую и легкую, была на уровне 31,8 %. Примерно столько же приходится на сектор услуг — 31,7 %. Северокорейская промышленность характеризуется неоднородным развитием производственных сил: преобладанием отраслей тяжелой и военной промышленности, узким набором производств, ориентированных на потребительский спрос. Неоднородность вызвана тем, что отрасли формировались в различные временные периоды и в различных условиях. Так, тяжелая промышленность создавалась при поддержке СССР, соответственно, она несет в себе технологический потенциал того периода (1970–1980-х гг.), который не обновлялся, а был законсервирован. Легкая промышленность стала развиваться в 2000-е гг. в рамках проектов межкорейского сотрудничества.

Следует отметить такую особенность отраслей северокорейской промышленности, как анклавность. Прежде всего имеется в виду искусственное развитие отраслей промышленности, которые переносились в северокорейские условия извне, а не органично вырастали из потребностей экономики под влиянием факторов рационального использования ресурсов. Как результат, между отраслями практически отсутствуют внутренние связи, увязывающие отдельные производства в единый комплекс. Данная обособленность отраслей еще больше усилилась под негативным воздействием деиндустриализации 1990-х гг., когда за очень короткое время доля тяжелой промышленности, лишившейся поддержки СССР, упала вдвое, с 25 до 12,6 % (табл. 1), и многие предприятия были закрыты.

Анклавность северокорейской промышленности подтверждается данным Массачусетско-

го проекта, посвященного сбору и репрезентации данных о структуре экономик стран мира и установлению внутренних связей между отраслями [14]. В случае Северной Кореи такие связи единичны, что указывает на слаборазвитые смежные производства. Отрасли зависят от внешних источников технологии, капитала и ноу-хау. Для предприятий, созданных в рамках межкорейского сотрудничества, также добавляется зависимость от рынков сбыта, так как южнокорейская сторона контролировала продажу товаров. Продукция, произведенная с участием южнокорейских компаний на территории КНДР, маркировалась как произведенная в Южной Корее.

На основании данных о структуре экономики Северной Кореи можно сделать несколько общих замечаний применительно к сравнительным преимуществам. Несмотря на принадлежность к странам с низким уровнем доходов и избытком дешевой рабочей силы, КНДР не является аграрной экономикой. С учетом природно-географических особенностей сельского хозяйства не может служить солидным источником экспортных доходов. Потенциально Северная Корея могла бы играть роль поставщика товаров легкой промышленности ввиду дешевизны рабочей силы. Однако легкая промышленность — это анклав, зависимый от иностранного капитала и технологий, поэтому в настоящих условиях сравнительные преимущества имеют ограниченные возможности для реализации. Встраивание в цепочки начисления стоимости будет довольно непросто. Точечно сравнительные преимущества задействованы в отраслях тяжелой промышленности, которые удалось сохранить несмотря на деиндустриализацию. Но торговля ими ограничена санкциями ООН. Принимая во внимание

Рис. 1. Внешняя торговля Северной Кореи 2009–2017 гг., тыс. долл. США

Источник: [15].

отмеченное, обратимся к текущему состоянию внешней торговли Северной Кореи.

3. Сравнительные преимущества и торговые реалии Северной Кореи

В данном разделе анализируются динамика, товарная и географическая структура внешне-торговых потоков Северной Кореи, выявляется схема, выстроенная страной для реализации своих сравнительных преимуществ.

В 2017 г. внешнеторговый оборот КНДР составил 5,5 млрд долл. США, из которых примерно 1,8 млрд долл. США пришлось на экспорт и около 3,8 млрд долл. США на импорт. В целом показатели за 2017 г. существенно ниже своих максимальных значений, достигнутых в 2014 г.: в 2017 г. торговый оборот сократился на 24 % по сравнению с 2014 г., из них экспорт снизился на 40 %, а импорт — на 10 %. Непропорциональное сокращение экспорта привело к тому, что резко возрос дефицит торгового баланса. В 2017 г. он увеличился вдвое по отношению к предыдущему 2016 г. и превысил 2 млрд долл. США (рис. 1).

На показателях экспорта прежде всего сказалось сокращение вывоза угля в брикетах, который является основной товарной позицией для Северной Кореи. В 2014 г. на него приходилось 37,2 % экспорта, а в 2017 г. уже 23,3 %. Специалисты увязывают снижение объемов вывоза с двумя основными факторами. Первый — это падение мировых цен на ресурсы вследствие замедления темпов роста мировой экономики [13]. Второй — международные санкции, ограничивающие закупки угля у Северной Кореи. Однако Китай про-

должает закупать уголь у Северной Кореи, несмотря на санкции.

Помимо угля значимое место в структуре экспорта занимают одежда — 28,2 % в 2017 г., руда и шлаки — 10,6 %, рыба и моллюски — 9,3 %, фрукты — 4,3 % и сталь — 4,5 % (данные составлены на основании южнокорейской статистики по двузначной номенклатуре HS). По данным Массачусетского университета, всего в 2017 г. Северная Корея экспортировала 125 наименований продукции, которые соответствуют ее конкурентным преимуществам [14]. Это значительно превосходит количество, которое можно было бы ожидать при небольших объемах экспорта и малой доле Северной Кореи на мировых товарных рынках. Но объемы экспорта этих товаров незначительны, и на многие из них приходится менее 1 %. Среди этих товаров присутствуют продукция химической промышленности, электронные приборы (табл. 2). В данном случае важны не абсолютные объемы экспорта этих товаров, а тот факт, что при всей специфике положения страны она находит возможности, пусть и весьма скудные, для реализации продукции своей промышленности.

Структура импорта отражает нужды экономики. Первая позиция в структуре импорта принадлежит топливу — 10,9 % в 2017 г., затем следуют электроника, машины и оборудование, товары из пластика. Немалый объем импорта представляет различное сырье (хлопок, синтетические ткани) для легкой промышленности. Импортируются сталь, продукты питания и многие другие потребительские товары в небольших объемах (табл. 2).

**Основные экспортные и импортные товары СК в 2017 г., % к итогу
(с указанием двузначных кодов гармонизированной системы HS)**

	Экспорт 2017		Импорт 2017	
1	62 текстильные товары и аксессуары	28,2	27 минеральное топливо	10,9
2	27 минеральное топливо	23,3	85 электрические машины и оборудование	9,0
3	26 руда	10,6	84 ядерные реакторы, бойлеры	7,2
4	03 рыба и морепродукты	9,3	39 пластик и изделия из него	6,2
5	08 фрукты и орехи	4,5	54 искусственные волокна	5,8
6	72 сталь	4,2	87 автомобили и запчасти к ним	5,4
7	61 одежда и аксессуары (вязаные)	3,7	15 растительные и животные жиры	3,3
8	25 соли, сульфиты, камень, цемент	2,5	61 одежда и аксессуары (вязаные)	3,2
9	85 электрические машины и оборудование	2,3	03 рыба и морепродукты	2,8
10	84 ядерные реакторы, бойлеры	0,9	60 вязаные ткани	2,7
11	12 масличные культуры, зерновые	0,8	72 сталь	2,3
12	44 изделия из древесины, древесный уголь	0,8	55 искусственные ткани	2,1
13	07 овощи	0,8	08 фрукты и орехи	1,8
14	39 пластик и изделия из него	0,6	69 керамические изделия	1,8
15	87 автомобили и запчасти к ним	0,6	48 бумага	1,7
16	67 изделия из перьев, искусственные цветы, парики	0,5	73 изделия из стали	1,7
17	90 оптическое, фотографическое, измерительное оборудование	0,5	56 синтетические ткани, веревки и пр.	1,6
18	29 неорганические химикаты, редкоземельные металлы	0,5	94 мебель	1,6
19	28 органические химикаты	0,4	40 каучук и изделия из него	1,6
20	56 синтетические ткани, веревки и пр.	0,4	62 текстильные товары и аксессуары	1,2
	Прочие	4,6		26,2

Источник: [15].

В исследованиях, как правило, географическая структура северокорейской торговли представляется в высшей степени зависимой от Китая. Это в целом верно: Китай является основным торговым партнером КНДР, причем его доля постоянно возрастала. В 2009 г. на Китай приходилось 75 % северокорейского экспорта и 80 % импорта, к 2017 г. эти доли возросли до 93 и 95,5 % соответственно [15].

Но при высокой концентрации на Китае было бы неверно занижать значение торговых связей с другими странами только на основании того, что объем торговли небольшой. Торговые отношения КНДР были более разнообразны еще в первое десятилетие 2000-х гг. Они сократились после усиления санкций, но северокорейское государство в определенной степени преуспело в развитии обширной географии торговли, пусть и в малых объемах (менее 1 %). В числе стран, стабильно сохраняющих место в числе торговых партнеров, — Россия¹, Индия, Гонконг, Германия, Бразилия. Более подробно география северокорейской торговли представлена на рис. 2 и 3.

Со многими странами торговля носит эпизодический характер, как, например, в слу-

чае с Египтом или Украиной — экспортно-импортные отношения имеют место только в отдельные годы. Объем в таких случаях не превышает 0,5 %, но, принимая во внимание характер внешней торговли КНДР, можно говорить о важности подобных эпизодических связей для северокорейских властей. Число стран, с которыми торговля носит эпизодический характер, довольно велико, и ее анализ требует более пристального внимания в рамках самостоятельного исследования. Ограничимся только общим заключением о том, что Северная Корея встроена в международную торговую систему посредством стабильных отношений с традиционными партнерами и эпизодическими контактами с другими государствами. Это подтверждает заинтересованность и известную активность руководства в использовании сравнительных преимуществ на мировых рынках.

На географию торговой системы, выстроенной КНДР, можно взглянуть с точки зрения ядра и периферии. Есть ядро экспорта, которое занимает Китай и в меньшей степени Россия и Индия — традиционные партнеры, и вокруг них — сеть в виде малых

¹ Несмотря на то что торговля между Россией и СК стабильно сохраняется, ее объемы сильно сократились по сравнению с 2000-ми гг. Сегодня на Россию приходится 2 % внешнеторгового оборота Северной Кореи [16, с. 154].

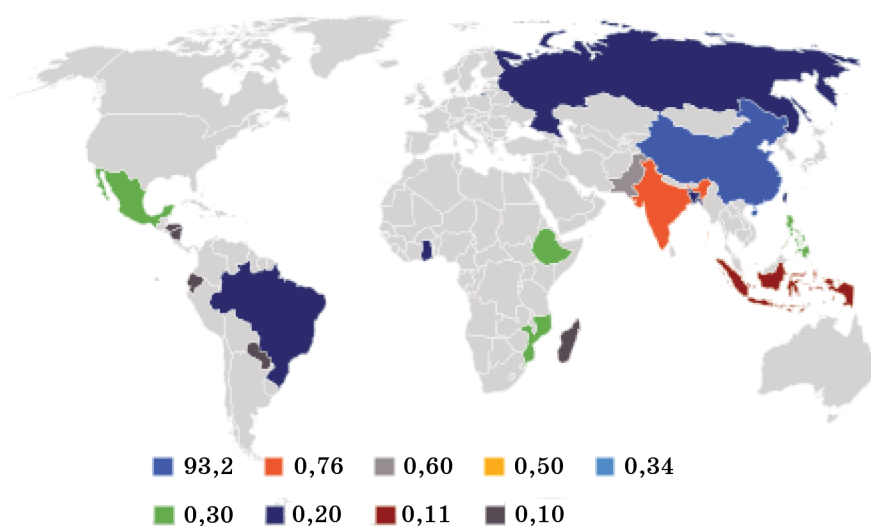

Рис. 2. Карта экспортных потоков Северной Кореи в 2017 г., %

Составлено: авторами на основании данных [15].

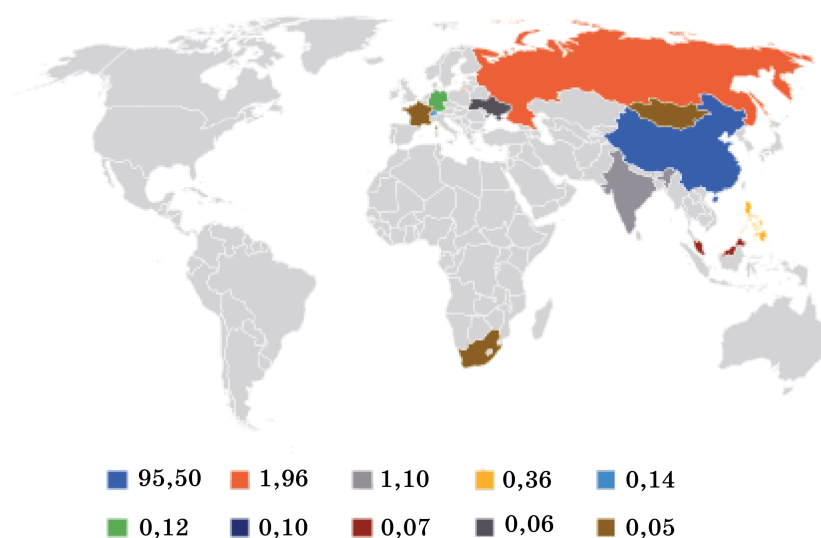

Рис. 3. Карта импортных потоков Северной Кореи в 2017 г., %

Составлено: авторами на основании данных [15].

партнеров. Это довольно разветвленная сеть, охватывающая в основном регионы южного полушария — Юго-Восточную Азию, Африку и Южную Америку, а в некоторые годы и Океанию. Целесообразно провести своего рода аналогию, пусть и условную, с существующими цепочками начисления стоимости в мировой торговле.

4. Внешняя торговля КНДР, санкции ООН и новая экономика КНДР

Рассмотрим вопрос о том, каким образом санкции влияют на возможности Северной Кореи реализовывать сравнительные преимущества. Санкции являются существенным внешним ограничением для внешней торговли страны. Более того, они направлены на то, чтобы ограничить доступы на сырьевые и товарные

рынки и тем самым создать препятствия для развития северокорейской промышленности, особенно отраслей военного комплекса.

В то же время нами установлено, что Северная Корея ведет торговую деятельность и активно вступает в торговые отношения. Для реализации экспортного потенциала в тех секторах, где у нее есть конкурентные преимущества, она выстроила собственную систему торговых отношений. В реальности санкции повлияли на сокращение масштабов торговли, но оказались бессильны в том, чтобы остановить стремление Северной Кореи к реализации своих преимуществ посредством торговли. Но проблема заключается в том, что данная реализация происходит в обход санкционных мер по теневым каналам.

В отчете за 2018 г. комиссия экспертов ООН по Северной Корее указывает на то, что стати-

стические данные о торговле страны и прежде всего ее экспортной деятельности отражают незаконные товарные потоки. Так, минералы, руда, согласно резолюции ООН № 2270, находятся под запретом, однако присутствуют в структуре экспорта [17]. Как правило, цепочки сбыта в случае с Северной Кореей подкреплены соответствующей финансовой и логистической инфраструктурой. Как отмечается в докладе экспертов ООН, страна сформировала механизмы обеспечения поставок и оплаты, также теневого характера, завуалированные многочисленными компаниями и лицами. Для финансовых операций используются азиатские и европейские страны [18]. Например, в морскую торговлю вовлечены суда под флагами Сингапура, Того, Сьерра-Леоне и др., вплоть до Южной Кореи [19].

Доклад экспертов также раскрывает случаи участия Северной Кореи в международной торговле услугами: правительство посылает рабочих и специалистов более высокой квалификации для участия в строительных проектах, оказания консультационных услуг по поставкам техники и для обучения. География проектов обширна для малых размеров национальной экономики и включает в себя Польшу, Россию, Китай, Катар, Кувейт, ОАЭ, Нигерию, Малайзию — всего до 40 государств [20–22]. В разные годы за рубежом трудились от 50 000 до 60 000 северокорейских рабочих, которые приносили доход 1,2–2,3 млрд долл. США.

Подобные отчеты комитета экспертов ООН являются дополнительным подтверждением того, что Северная Корея заинтересована в международной торговле и активно стремится реализовывать сравнительные преимущества, которыми она обладает в добыче ресурсов, квалифицированной и дешевой рабочей силе, производстве некоторых товаров легкой и тяжелой промышленности. Ограниченная внешне международными санкциями и не обладающая полной свободой участвовать в мировой торговле, цепочках начисления стоимости, Северная Корея выстроила собственные цепочки, соответствующие характеру ее экономики и сравнительным преимуществам.

Следует заметить, что она смогла наладить эти торговые контакты, не имея опыта активного экспорта в прошлом, а также поддержки со стороны международных организаций или экспертов. Напомним, что в 1970–1980-е гг. КНДР шла по пути импортозамещения при поддержке СССР¹, а впоследствии придерживалась чучхейской идеологии опоры на

собственные силы. Лишившись поддержки СССР в 1990-е гг., страна практически сразу оказалась под санкциями, т. е. у нее не было переходного периода, который позволил бы ей получить опыт развития экономики через внешнюю торговлю.

Возникает вопрос о том, что позволило и позволяет Северной Корее вести внешнюю торговлю в условиях ограничений. Ответ тесно сопряжен с вопросом об эффективности санкций как меры принуждения к определенному образу действий. Исследования применительно к санкциям США связывают их ограниченную результативность в первую очередь с глобализацией [23]. В мире, где постоянно образуются новые и рушатся старые взаимосвязи, чрезвычайно сложно установить контроль за происходящими процессами. Возникают своего рода вакуумы контроля, используемые Северной Кореей. Особенно многочисленны подобные вакуумы в сфере морской торговли, страхования. Несовершенства в системах слежения и отчетности позволяют КНДР маскировать так называемые сделки с борта на борт² за флагами других стран [10]. Мастерство, с каким происходит фальсификация отгрузочных документов, постоянно возрастает, что дополнительно свидетельствует в пользу высоких адаптационных способностей торговых сетей Северной Кореи к меняющимся «правилам игры» [19].

Отсутствует единство мнений и скоординированность действий между странами, которые принимают участие в санкциях. Это верно и применительно к случаю с Северной Кореей: поддерживая санкции ООН в общих чертах, традиционные партнеры страны оказывают ей помощь. Кроме того, некоторые государства, с которыми у КНДР сложились торговые отношения, также вынуждены решать задачи развития в условиях ограниченных ресурсов. Поэтому они готовы пользоваться услугами Северной Кореи, чтобы экономить на издержках. Так, эксперт по незаконной торговле Севера Гриффитс отмечает, что реализация санкций требует значительных временных и финансовых затрат, которые многие страны не готовы нести [10]. Таким образом, являясь членом мирового сообщества, КНДР вовлечена в процессы глобализации и использует их для своих нужд в той мере, в какой представляется возможным.

Еще одна причина, по которой санкции не оказывают желаемого эффекта, связана с тем, что после вступления их в действие страна,

¹ При поддержке СССР были созданы отрасли по производству химических удобрений, построены система энергоснабжения, производство алюминия, металлургическая промышленность [7].

² Сделки «с борта на борт» — это торговые операции в открытом море, когда груз передается с судна, представляющего продавца, на судно, представляющее интересы покупателя. Несмотря на действующие запреты ООН на осуществление подобных сделок, КНДР продолжает их осуществлять [19].

в отношении которой введены санкции, не теряет крупных партнеров. Так, после принятия санкций ООН Северная Корея сохранила торговые связи с основными партнерами — Россией и Китаем, а с другими странами торговые контакты не были активны на момент их введения. Но санкции заставляют руководство КНДР пребывать в поиске новых торговых путей. Стефан Хаггард и Маркус Ноланд, посвятившие многие годы изучению и анализу незаконной торговли этой страны, отмечают мобильность торговых отношений и способность к их быстрой реорганизации: сокращая интенсивность потоков в одном направлении, Северная Корея интенсифицирует их на других направления [24; 25]. Данная мобильность может быть связана с тем, что Северная Корея прибегает к услугам китайских посредников, особенно в части финансовых и логистических услуг, что позволяет увеличить эффективность торговых операций [26].

Однако стоит задуматься об эффекте такого рода торговли для экономики и дальнейшего развития производительных сил в стране. На наш взгляд, торговлю Северной Кореи следует отнести к разряду непроизводительной деятельности, направленной на извлечение ренты или частных доходов. Непроизводительной деятельности посвящен ряд работ американских экономистов [27; 28], которые исследовали разные типы активности, направленной на извлечение доходов от установления протекционистских тарифов (например, получение лицензий, лоббирование), а также от контрабандной торговли. Санкции, как и тарифы, пошлины и пр., — это меры, ограничивающие свободную торговлю, следовательно, Северная Корея вынуждена прилагать усилия на поиск путей в обход санкций.

Хастингс, например, отмечает, что на каждом уровне необходимо платить ренту за возможность оперировать на рынке [29]. Эти усилия не выражаются в производстве конечного продукта либо промежуточных товаров или услуг, которые входят в состав конечного продукта, и, следовательно, относятся к непроизводительным видам деятельности. Иными словами, положительный эффект для производительных сил и для экономики от таких усилий минимальный, они не ведут к повышению рациональности использования ресурсов. Но при этом доходы от непроизводительной торговли концентрируются в узкой части элит, имеющих административный ресурс и возможность участвовать в подобной активности, а не распределяются среди широких слоев населения, т. е. торговля в условиях санкций приносит выгоду узким группам населения.

Принимая во внимание редкий случай практически полного регулирования торговли и ее осуществления через скрытые каналы, мож-

но предположить, что в Северной Корее существует параллельная непроизводительная экономика, выстроенная на рентных доходах. Действительно, эксперты по стране указывают на разрастание в последние годы торгового сектора экономики квазирыночного характера [30; 31]. Получается, что санкции имеют обратный эффект: они поддерживают статус-кво и способствуют разрастанию непроизводительной экономики и расширению круга вовлеченных в нее людей.

В результате санкций и такого рода торговли потери несет не только северокорейское государство, но и мировое сообщество, их устанавливающее. И речь идет не только о прямых потерях для стран, которые могли бы поставлять в КНДР потребительские и промышленные товары, оказывать логистические услуги. Следует учитывать потери от неполучения информации о процессах, происходящих в стране, а также невозможность налаживать полноценные контакты с теми кругами, которые развивают торговые потоки, так как их деятельность протекает в теневом секторе. Ограничив доступы Северной Кореи на мировые рынки, мировое сообщество заставило искать другие доступы к мировым товарным потокам, используя «серые» схемы. При этом ограничения не учитывают имеющиеся проблемы в международном регулировании и возможности достижения полной координации действий всех стран. Выигрывает тот, кто лучше всего знает и умеет лавировать в данных вакуумах, играя на невидимых струнах мировой торговли.

Сложившаяся ситуация заставляет задуматься о целях санкций. Желаемый итог — это снижение напряжения и повышение мировой стабильности, предсказуемости действий КНДР. Однако складывающаяся ситуация свидетельствует об обратном: из-за невозможности использования законных схем торговли КНДР вынуждена прибегать к услугам заведомо нестабильных и небезопасных схем ведения торговли. Это только усиливает напряжение и без того конфликтной ситуации. В этих условиях было бы уместно обсуждать модификацию санкций таким образом, чтобы они возвращали Северную Корею к общепринятым правилам ведения торговли, предоставляя возможность мониторинга, с одной стороны, и открывая пути для позитивных изменений внутри экономики страны — с другой. Повышение доли внешней торговли в структуре народного хозяйства изменит отраслевой состав и создаст запрос на иные модели экономического регулирования. Экономическая трансформация будет стимулировать стремление к стабильности, позволит более широкому слою населения получать выгоды от торговли.

Подобное развитие событий желательно и для мирового сообщества, которое хотело бы минимизировать риски, ассоциированные с КНДР. Без экономической стабильности в стране этого достичь сложно, если не невозможно. Такой подход прямо противоположен принципам максимального давления. Однако примеры в XX в. показали, что радикальная экономическая трансформация способна сделать страны полноценными и ответственными членами мирового сообщества. Уместно вспомнить о случае с Южной Кореей, которая до экономических реформ, направленных на трансформацию посредством активизации внешнеторгового обмена, не была способна обеспечить население благами первой необходимости. Соответствующий механизм может и должен быть найден в отношении КНДР, что станет вкладом в мировую стабильность.

5. Заключение

Изучение проблемы реализации сравнительных преимуществ в международной торговле на примере Северной Кореи показало, что теория сравнительных преимуществ в генеральном плане работает в условиях санкций. Несмотря на наличие ограничений, которые противоречат исходным допущениям теории, торговля Северной Кореей в целом соответствует тем преимуществам, которыми страна обладает ввиду своих географических особенностей и структуры экономики. В условиях глобализации КНДР получает возможности экспортировать товары в обход санкций и, более того, выстраивать собственные торговые цепочки.

Однако эффект от подобной деятельности нельзя рассматривать с точки зрения клас-

сических выгод от торговли, скорее, наоборот — торговля несет потери как для Северной Кореи, так и для мирового сообщества в целом. Для Северной Кореи потери прежде всего связаны с типом экономики, который возникает для обслуживания внешней торговли. Деятельность, сопряженная с внешнеторговыми операциями, не является производительной и сопряжена с получением доступа к торговым механизмам в обход санкций. Доходы от торговли не влияют на эффективность использования ресурсов и производительность факторов производства. Вместо этого они концентрируются в узких пластах населения, тем самым провоцируя рост неравенства. Неравенство может рассматриваться в широком смысле как неравенство в доходах и в доступе к информации.

Потери мирового сообщества от торговли в обход санкций связаны с утратой возможности экспорта товаров в КНДР и недополучением информации о стране, ее экономике, группах, вовлеченных во внешнеэкономические операции посредством торговых каналов. Промежуточный итог санкций сегодня таков, что обмен информацией между миром и Северной Кореей минимален, страна все больше отодвигается на периферию мировой экономической системы без заметных изменений в ее политическом и идеологическом состоянии. С точки зрения интенсификации обмена информацией и инициации положительных изменений в экономике КНДР целесообразно изменить характер санкций на более конструктивные, позволяющие определенные внешнеторговые операции, и тем самым остановить процесс маргинализации страны.

Литература

1. Толорая Г. Д., Торкунов А. В. Ракетно-ядерная угроза на Корейском полуострове: причины и меры реагирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 131–146. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.11.
2. Теория сравнительных преимуществ [Электронный ресурс] // Электронная онлайн-библиотека. 2019. URL: <https://banauka.ru/539.html> (дата обращения: 07.04.2019).
3. Lankov A. How much money do North Koreans make? [Электронный ресурс] // NK News. 2014. 25 March. URL: <https://www.nknews.org/2014/03/how-much-money-do-north-koreans-make/> (accessed: 24.04.2019).
4. World Bank. 2019 [Электронный ресурс] // Open Data Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/data/home.aspx> (accessed: 24.04.2019).
5. Lew S., Choi W., Wang H. Confucian Ethics and the Spirit of Capitalism in Korea: The Significance of Filial Piety // Journal of East Asian Studies. 2011. Vol. 2, no 11. P. 171–196. DOI: 10.1017/S1598240800007153.
6. Коргун И. А., Попова Л. В. Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950–2000 гг.). СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. 244 с.
7. Корейское урегулирование и интересы России / под ред. В. И. Денисова, А. З. Жебина. М.: Русская панорама, 2008. 344 с.
8. Africa Competitiveness Report [Электронный ресурс] // Geneva: WEF, 2017. URL: <https://www.weforum.org/reports/africa-competitiveness-report-2017> (accessed: 17.04.2019).
9. Krugman P. Geography and Trade. Cambridge: MIT Press, 1991. 142 p.
10. Whalen J. How North Korea's ghost ships sneak past sanctions to ship millions in coal around the world [Электронный ресурс] // National Post. 2019. 25 April. URL: <https://nationalpost.com>

- com/news/world/how-north-koreas-ghost-ships-sneak-past-sanctions-to-ship-millions-in-coal-around-the-world (accessed: 27.04.2019).
11. Haggard S. How North Korea can strike it rich [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2018. June 10. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/06/10/how-north-korea-can-strike-it-rich/> (accessed: 24.04.2019).
 12. Choi Kyung-soo. The Mining Industry of North Korea // Korean Journal of Defense Analysis. 2011. Vol. 23, no 2. P. 211–230.
 13. Fifield A. North Korea digging ever deeper to keep its economy afloat [Электронный ресурс] // The Guardian. 2015. 9 March. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/mar/09/north-korea-economy-commodity-exports-china> (accessed: 27.04.2019).
 14. The Observatory of Economic Complexity [Электронный ресурс] // Massachusetts Institute of Technology, 2019. URL: <https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/prk/> (accessed: 07.04. 2019).
 15. Korea International Trade Association. 2019 [Электронный ресурс] // Inter-Korean trade. URL: www.stat.kita.net (accessed: 24.04.2019).
 16. Zakharova L. Economic cooperation between Russia and North Korea: New goals and new approaches // Journal of Eurasian Studies. 2016. Vol. 7, no. 2. P. 151–161. DOI: 10.1016/j.euras.2016.04.003.
 17. Cohen A. North Korea Illegally Trades Oil, Coal, With China's Help [Электронный ресурс] // Forbes. 2019. 21 March. URL: <https://www.forbes.com/sites/arielcohen/2019/03/21/north-korea-illegally-trades-oil-coal-with-chinas-help/> (accessed: 24.04.2019).
 18. Report of the Panel of Experts established pursuant to resolution 1874 (2009) p5 S/2018/171. Geneva. UN. 2018.
 19. Byrne L. How North Korea's sanctions evasion at sea has evolved over time [Электронный ресурс] // NK News. 2019. 10 April. URL: https://www.nknews.org/2019/04/how-north-koreas-sanctions-evasion-at-sea-has-evolved-over-time/?utm_source=dlvr.it&utm_medium=twitter (accessed: 27.04.2019).
 20. Snyder S. North Korea's Latest Export: Labor [Электронный ресурс] // Forbes. 2015. 22 May. URL: <https://www.forbes.com/sites/scottasnyder/2015/05/22/north-koreas-latest-export-labor/> (accessed: 17.04.2019).
 21. Craw V. Workers in foreign countries generate billions for North Korean state, human rights groups claim [Электронный ресурс] // AMP News. 2018. April 19. URL: <https://amp.news.com.au/finance/work/leaders/workers-in-foreign-countries-generate-billions-for-north-korean-statehuman-rights-groups-claim/news-story/528301948367ce3199cca2755a2fcb4> (accessed: 19.04.2019).
 22. Goodman P. S., Sang-Hun C., Berendt J. Even in Poland, Workers' Wages Flow to North Korea [Электронный ресурс] // NY Times. 2017. 31 Dec. URL: <https://www.nytimes.com/2017/12/31/world/europe/north-korea-poland-workers.html> (accessed: 24.04.2019).
 23. Elliott K. A. Evidence on the Costs and Benefits of Economic Sanctions. [Электронный ресурс]. A Speech given before the Subcommittee on Trade Committee on Ways and Means United States House of Representatives Washington, DC. 1997. URL: <https://piie.com/commentary/testimonies/evidence-costs-and-benefits-economic-sanctions> (accessed: 07.04.2019).
 24. Haggard St., Noland M. North Korea's foreign economic relations // International Relations of the Asia Pacific. 2008. Vol. 8, no. 2. P. 219–246. DOI: 10.1093/irap/lcn005.
 25. Haggard St., Noland M. Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 2017. 344 p.
 26. Park J., Walsh J. Stopping North Korea, Inc. [Электронный ресурс]: Sanctions Effectiveness and Unintended Consequences. MIT Security Studies Program, Cambridge MA, 2016. URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/Stopping%20North%20Korea%20Inc%20Park%20and%20Walsh%20.pdf> (accessed: 27.04.2019).
 27. Bhagwati J., Brecher R., Srinivasan T. N. DUP activities and economic theory [Электронный ресурс] // D. C. Colander (ed.) Neoclassical Political Economy: The Analysis of Rent-seeking and DUP Activities. Cambridge, MA: Ballinger, 1984. P. 17–32.
 28. Krueger A. The political economy of the rent-seeking society // American Economic Review. 1974. Vol. 64, no. 3. P. 291–303.
 29. Hastings J. V. The Complex Relationship between Sanctions and North Korea's Illicit Trade // National Bureau of Asian Research. 2018. Vol. 13, no. 3, Jul. P. 28–34. DOI: 10.1353/asp.2018.0038.
 30. Толорая Г. Д. У восточного порога России: эскизы корейской политики начала XXI в. М.: Дашков и Ко, 2019. 425 с.
 31. Harshaw T. The North Korean Economy is Growing More Capitalist [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2019. March 2. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-03-02/north-korea-s-economy-is-growing-more-capitalist?srnd=opinion> (accessed: 12.04.2019).

References

1. Toloraya G. D., Torkunov A. V. Raketno-yadernaya ugroza na Koreyskom poluostrove: prichiny i mery reagirovaniya [Nuclear and missile threat on the Korean Peninsula: Origins and response measures]. Polis. Politicheskie issledovaniya, 2016, no. 4, pp. 131-146. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.11.
2. Theory of comparative advantages. Electronic Online Library. 2019. Available at: <https://ba-nauka.ru/539.html>. Accessed 07.04.2019. (in Russ.).
3. Lankov A. How much money do North Koreans make? NK News, 25 March, 2014. Available at: <https://www.nknews.org/2014/03/how-much-money-do-north-koreans-make/>. Accessed 24.04.2019.
4. World Bank Open Data. The World Bank. 2019. Available at: <https://databank.worldbank.org/data/home.aspx>. Accessed 24.04.2019.

5. Lew S., Choi W., Wang H. Confucian ethics and the spirit of capitalism in Korea: The significance of filial piety. *Journal of East Asian Studies*, 2011, vol. 11, no. 2, pp. 171–196. DOI: 10.1017/S1598240800007153.
6. Korgun I. A., Popova L. V. *Vneshneekonomicheskiy faktor v razvitii Respubliki Koreya (1950–2000 gg.)* [Foreign economic factor in the development of the Republic of Korea (1950–2000)]. St. Petersburg: SPb. Univ. Publ., 2011. 244 p.
7. Denisov V. I., Zhebin A. Z., eds. *Koreyskoe uregulirovanie i interesy Rossii* [Korean settlement and Russia's interests]. Moscow: Russkaya panorama, 2008. 344 p.
8. *Africa competitiveness report 2017*. World Economic Forum. 2017. Available at: <https://www.weforum.org/reports/africa-competitiveness-report-2017>. Accessed 17.04.2019.
9. Krugman P. *Geography and trade*. Cambridge: The MIT Press, 1991. 156 p.
10. Whalen J. How North Korea's ghost ships sneak past sanctions to ship millions in coal around the world. *National Post*, 25 April, 2019. Available at: <https://nationalpost.com/news/world/how-north-koreas-ghost-ships-sneak-past-sanctions-to-ship-millions-in-coal-around-the-world>. Accessed 27.04.2019.
11. Haggard S. How North Korea can strike it rich. *Foreign Policy*, 10 June, 2018. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/06/10/how-north-korea-can-strike-it-rich/>. Accessed 24.04.2019.
12. Kyung-soo C. The mining industry of North Korea. *Korean Journal of Defense Analysis*, 2011, vol. 23, no. 2, pp. 211–230.
13. Fifield A. North Korea digging ever deeper to keep its economy afloat. *The Guardian*, 9 March, 2015. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/mar/09/north-korea-economy-commodity-exports-china>. Accessed 27.04.2019.
14. *The observatory of economic complexity*. MIT Media Lab. 2019. Available at: <https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/prk/>. Accessed 07.04. 2019.
15. *Inter-Korean trade*. Korea International Trade Association. 2019. Available at: www.stat.kita.net. Accessed 24.04.2019.
16. Zakharova L. Economic cooperation between Russia and North Korea: New goals and new approaches. *Journal of Eurasian Studies*, 2016, vol. 7, no. 2, pp. 151–161. DOI: 10.1016/j.euras.2016.04.003.
17. Cohen A. *North Korea illegally trades oil, coal, with China's help*. Forbes. 21 March, 2019. Available at: <https://www.forbes.com/sites/arielcohen/2019/03/21/north-korea-illegally-trades-oil-coal-with-chinas-help/amp/>. Accessed 24.04.2019.
18. *Report of the Panel of Experts established pursuant to resolution 1874 (2009) p5 S/2018/171*. Geneva: United Nations, 2018.
19. Byrne L. How North Korea's sanctions evasion at sea has evolved over time. *NK News*, 10 April, 2019. Available at: https://www.nknews.org/2019/04/how-north-koreas-sanctions-evasion-at-sea-has-evolved-over-time/?utm_source=dlvr.it&utm_medium=twitter. Accessed 27.04.2019.
20. Snyder S. *North Korea's latest export: Labor*. Forbes. 22 May, 2015. Available at: <https://www.forbes.com/sites/scottasnyder/2015/05/22/north-koreas-latest-export-labor/amp/>. Accessed 17.04.2019.
21. Craw V. Workers in foreign countries generate billions for North Korean state, human rights groups claim. *AMP News*, April 19, 2018. Available at: <https://amp.news.com.au/finance/work/leaders/workers-in-foreign-countries-generate-billions-for-north-korean-state-human-rights-groups-claim/news-story/528301948367ce3199cca2755a2fcbe4>. Accessed 19.04.2019.
22. Goodman P. S., Sang-Hun C., Berendt J. Even in Poland, workers' wages flow to North Korea. *The New York Times*, 31 Dec., 2017. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/12/31/world/europe/north-korea-poland-workers.html>. Accessed 24.04.2019.
23. Elliott K. A. *Evidence on the costs and benefits of economic sanctions*. Speech given before the Subcommittee on Trade Committee on Ways and Means, United States House of Representatives, Washington, DC, Oct. 23, 1997. Available at: <https://piie.com/commentary/testimonies/evidence-costs-and-benefits-economic-sanctions>. Accessed 07.04.2019.
24. Haggard S., Noland M. North Korea's foreign economic relations. *International Relations of the Asia-Pacific*, 2008, vol. 8, no. 2, pp. 219–246. DOI: 10.1093/irap/lcn005.
25. Haggard S., Noland M. *Hard target: Sanctions, inducements, and the case of North Korea*. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 2017. 344 p.
26. Park J., Walsh J. *Stopping North Korea, Inc.: Sanctions effectiveness and unintended consequences*. Cambridge, MA: MIT Security Studies Program, 2016. 64 p. Available at: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/Stopping%20North%20Korea%20Inc%20Park%20and%20Walsh%20.pdf>. Accessed 27.04.2019.
27. Bhagwati J., Brecher R., Srinivasan T. N. DUP activities and economic theory. In: Colander D. C., ed. *Neoclassical political economy: The analysis of rent-seeking and DUP activities*. Cambridge, MA: Ballinger Publ. Co., 1984, pp. 17–32.
28. Krueger A. The political economy of the rent-seeking society. *The American Economic Review*, 1974, vol. 64, no. 3, pp. 291–303.
29. Hastings J. V. The complex relationship between sanctions and North Korea's illicit trade. *National Bureau of Asian Research*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 28–34. DOI: 10.1353/asp.2018.0038.
30. Toloraya G. D. *U vostochnogo poroga Rossii: eskizy koreyskoy politiki nachala 21 veka* [At the Eastern threshold of Russia: Sketches of Korean politics of the early 21st century]. Moscow: Dashkov & Co., 2019. 425 p.
31. Harshaw T. *The North Korean economy is growing more capitalist*. Bloomberg. March 2, 2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-03-02/north-korea-s-economy-is-growing-more-capitalist?srnd=opinion>. Accessed 12.04.2019.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-16-25

УДК 338.2:004.9

Бабкин Александр Васильевич

профессор Высшей инженерно-экономической школы, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Цифровая экономика промышленности» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор экономических наук, профессор
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29, e-mail: al-vas@mail.ru

Алексеева Наталья Сергеевна

старший преподаватель Высшей школы управления и бизнеса
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29, e-mail: natasha-alexeeva@yandex.ua

В настоящее время цифровая экономика вносит существенный вклад в развитие как мировой экономики, так и экономик различных стран, являясь одним из приоритетных направлений их развития. Соответственно, актуальна задача по выявлению тенденций ее развития, которые будут определять глобальные тренды в будущем. В связи с этим авторами предпринята попытка установления этих тенденций на основе исследования наукометрических баз данных.

Цель. Определить место и роль цифровой экономики в современных процессах глобальной трансформации, а также тенденции ее развития в ходе исследования наукометрических баз данных.

Задачи. Представить иерархию направлений развития цифровой экономики в России, а также ее системную декомпозицию. Выявить изменение наукометрических показателей в области цифровой экономики посредством анализа библиографической и реферативной базы данных Scopus, базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Охарактеризовать изменения наукометрических показателей и публикационной активности по направлениям исследований в рамках цифровой экономики.

Методология. В процессе анализа использованы международная база данных Scopus, база данных РИНЦ, методы корреляционно-регрессионного анализа и математической статистики.

Результаты. Установлено, что интерес к цифровой экономике с каждым годом возрастает. Авторами представлена иерархия направлений развития цифровой экономики в России, а также системная декомпозиция (модель) цифровой экономики. Отмечено, что в соответствующей области знания в настоящее время большая часть публикаций посвящена исследованиям применения цифровых технологий. На основе анализа наукометрических баз данных в интервале 2010–2018 гг. отражены тенденции развития цифровой экономики.

Выводы. Проведенное исследование позволило выявить тенденции развития цифровой экономики в России и определить приоритетные направления развития экономики страны в целом, что формирует представление о векторах новых исследовательских работ в перспективе.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые технологии, цифровая трансформация, тенденции развития, наукометрические базы данных.

Для цитирования: Бабкин А. В., Алексеева Н. С. Тенденции развития цифровой экономики на основе исследования наукометрических баз данных // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 16–25. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-16-25.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-010-01119).

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY BASED ON A STUDY OF SCIENTOMETRIC DATABASES

Aleksandr V. Babkin

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Politekhnikeskaya St. 29, St. Petersburg, Russian Federation, 195251, e-mail: al-vas@mail.ru

Natalia S. Alekseeva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Politekhnikeskaya St. 29, St. Petersburg, Russian Federation, 195251, e-mail: natasha-alexeeva@yandex.ua

The digital economy is currently making a great contribution to the development of the global economy and economies of different countries, being one of the priority development areas. The problem of

identifying trends in the development of the digital economy that will determine global trends in the future remains relevant. In this regard, the authors attempt to identify trends in the development of the digital economy based on scientometric databases.

Aim. The presented study aims to determine the place and role of the digital economy in the current global transformation processes and trends in its development as part of a study of scientometric databases.

Tasks. The authors present the hierarchy of directions for the development of the digital economy in Russia and its systemic decomposition, identify changes in scientometric indicators in the field of the digital economy through the analysis of the Scopus abstract and citation database and the Russian Science Citation Index (RSCI) database, and describe changes in the scientometric indicators and publication activity in the field of digital economy.

Methods. This study uses the international Scopus database, the RSCI database, correlation and regression analysis, and mathematical statistics methods.

Results. It is established that interest in the digital economy grows every year. The authors present a hierarchy of directions for the development of the digital economy in Russia and a systemic decomposition (model) of the digital economy. It is noted that most publications on digital economy focus on the application of digital technologies. Analysis of scientometric databases for 2010–2018 reflects trends in the development of the digital economy.

Conclusions. The conducted study shows trends in the development of the digital economy in Russia and identifies priority directions for the development of the national economy as a whole, which specifies the direction for future research.

Keywords: digital economy, digital technology, digital transformation, development trends, scientometric databases.

For citation: Babkin A. V., Alekseeva N. S. Tendentsii razvitiya tsifrovoy ekonomiki na osnove issledovaniya naukometricheskikh baz dannykh [Trends in the Development of the Digital Economy Based on a Study of Scientometric Databases]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 16–25. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-16-25.

Acknowledgments: this study was funded by the RFBR (Project No. 18-010-01119).

Одной из важнейших мировых тенденций XXI в. является структурная трансформация глобальной экономики, связанная с глубокой интеграцией информационно-коммуникационных (цифровых) технологий в реальные экономические процессы. Трансформационные эффекты от внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) распространяются на все сферы социально-экономической деятельности, обуславливают необходимость кардинального пересмотра принципов управления инновационным развитием национальной экономики.

Ведущая роль информационных цифровых технологий в эффективном развитии хозяйственных национальных систем способствовала присвоению современному типу экономического хозяйства таких названий, как «цифровая экономика», «API экономика», «электронная экономика». Цифровая экономика — один из главных трендов последнего десятилетия, зарождение которого можно связать с широким проникновением интернета в мире в середине 1990-х гг., с каждым годом усиливающимся, о чем свидетельствует информация, содержащаяся в таблице 1.

К концу 2000-х гг. с началом широкого распространения смартфонов и мобильного интернета цифровая экономика начала переживать бурный рост. Между тем вопрос о толковании понятия цифровой экономики по-прежнему остается дискуссионным. Считается, что дан-

ный термин ввел в научный оборот Дон Тапскотт (Don Tapscott), чья книга «Цифровая экономика: обещание и опасность в эпоху сетевой разведки» (The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence) [2, р. 5] вышла в свет еще в 1995 г. и во многом стала пророческой, верно определив новый вектор развития ИКТ и экономики в целом.

В настоящее время отсутствует единое понимание того, что представляет собой цифровая экономика. Ее рассматривают с различных точек зрения, включающих в себя следующие определения [3]:

- тип экономики, характеризующийся активным внедрением и практическим использованием цифровых технологий сбора, хранения, обработки, преобразования и передачи информации во всех сферах человеческой деятельности;
- система социально-экономических и организационно-технических отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий;
- это сложная организационно-техническая система в виде совокупности различных элементов (технических, инфраструктурных, организационных, программных, нормативных, законодательных и др.) с распределенным взаимодействием и взаимным использованием экономическими агентами для обмена знаниями в условиях перманентного развития.

Численность пользователей сети Интернет в 2019 г.

Регион мира	Население, чел.	Доля от населения Земли, %	Число интернет-пользователей, чел.	Доля «проникновения» интернета (% от населения)	Доля от общего числа интернет-пользователей, %
Африка	1 320 038 716	17,1	525 148 631	39,8	11,9
Азия	4 241 972 790	55,0	2 200 658 148	51,9	49,8
в том числе Казахстан	18 592 970	0,24	14 210 607	76,4	0,32
Европа	829 173 007	10,7	719 413 014	86,8	16,3
в том числе Россия	143 895 551	1,86	109 552 842	76,1	2,48
Латинская Америка / Карибский бассейн	658 345 826	8,5	447 495 130	68,0	10,1
Ближний Восток	258 356 867	3,3	173 576 793	67,2	3,9
Северная Америка	366 496 802	4,7	327 568 628	88,4	7,4
Океания/Австралия	41 839 201	0,5	28 634 278	68,4	0,6
Итого (в мире)	7 716 223 209	100	4 422 494 622	57,3	100

Источник: Internet World Stats [1]

Ключевой элемент в определении цифровой системы — обмен знаниями, технологиями, позволяющими это сделать, и люди, способные участвовать в этом обмене и управлять им. В России точкой отсчета по развитию цифровой экономики можно считать послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01 декабря 2016 г.: «...Необходимо запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики» [4]. Процесс ее развития закреплен в 2017 г. в рамках Санкт-Петербургского международного экономического форума и, кроме того, распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» [5]. Разработана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», реализуемая согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [6]. В соответствии с национальными целями, определенными в данном указе, разработаны национальные проекты (программы) по таким направлениям, как демография; здравоохранение; образование; жилье и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт, представленным на рисунке 1.

«Цифровая экономика» является одной из национальных программ (проектов) (далее —

национальная программа) и призвана создавать благоприятные условия для развития общества знаний в России, а также повышать благосостояние и качество жизни граждан. Предполагается, что это будет происходить путем повышения доступности и качества товаров и услуг [7], произведенных в рамках цифровой экономики, а также с помощью увеличения уровня информированности и цифровой грамотности.

Национальная программа «Цифровая экономика» включает в себя шесть ведущих направлений развития (федеральных проектов):

- 1) нормативное регулирование цифровой среды;
- 2) информационную инфраструктуру;
- 3) кадры для цифровой экономики;
- 4) информационную безопасность;
- 5) цифровые технологии;
- 6) цифровое государственное регулирование.

К наиболее значимым для развития экономики федеральным проектам, на наш взгляд, относится направление «Цифровые технологии». Программа «Цифровая экономика» нацелена на внедрение именно сквозных цифровых технологий, под которыми подразумеваются научно-технические направления, оказывающие наиболее существенное влияние на развитие рынков. В рамках национальной программы «Цифровая экономика» предусмотрен перечень основных сквозных цифровых технологий:

- большие данные (Big Data);
- нейротехнологии и искусственный интеллект;
- системы распределенного реестра;
- квантовые технологии;

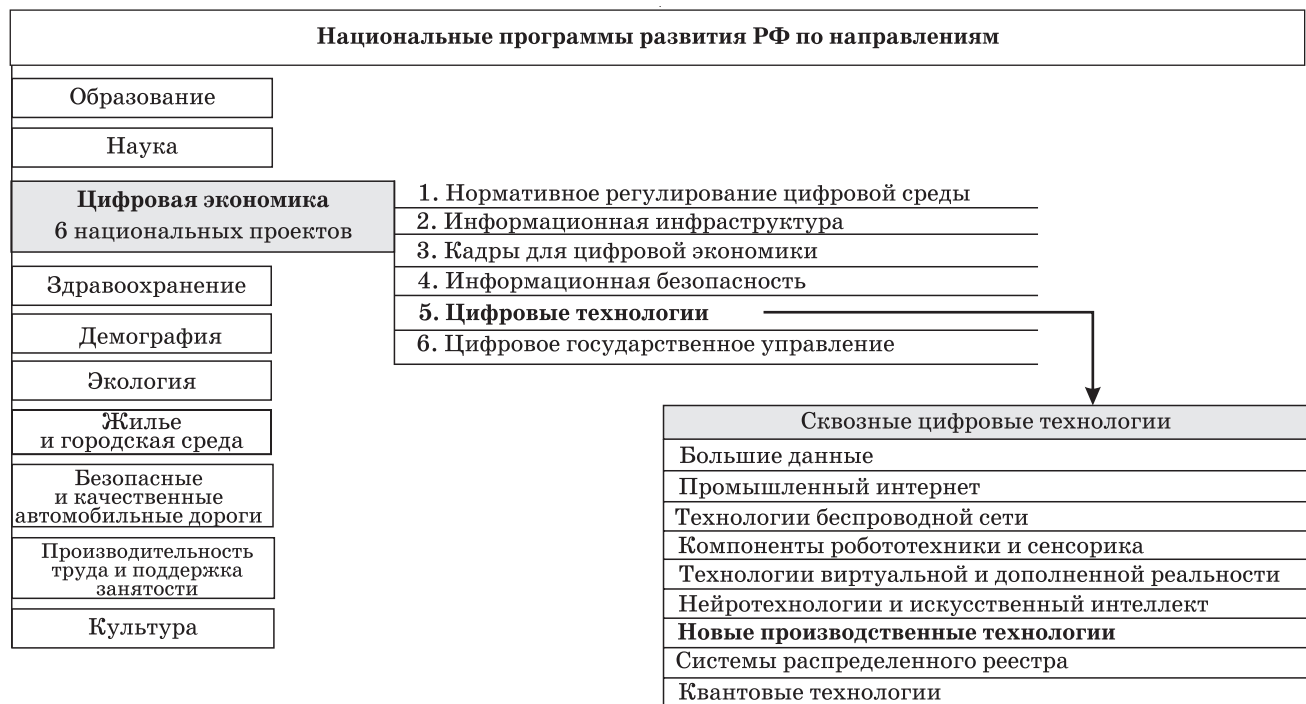

Рис. 1. Иерархия направлений развития цифровой экономики России

- новые производственные технологии;
- промышленный интернет вещей;
- компоненты робототехники и сенсорики;
- технологии беспроводной связи (Wi-Fi, RFID, 5G и др.);
- технологии виртуальной и дополненной реальности (Virtual Reality, Augmented Reality).

Согласно программе, данный список может изменяться по мере появления и развития новых технологий. С учетом изложенного предлагаем рассмотреть системную декомпозицию цифровой экономики (модель цифровой экономики) в виде рисунка 2, разработанного авторами на базе материалов исследования.

Следует отметить, что в настоящее время цифровизация охватывает все отрасли экономики и даже повседневную (бытовую) жизнь людей [8]. Однако особое значение приобретает цифровая трансформация и цифровизация главных отраслей экономики (промышленности, энергетики, транспорта, здравоохранения, образования [9]), поскольку эффект от цифровизации будет значительным. Это связано с тем, что новейшие цифровые технологии и платформы кардинально меняют бизнес-модели, существенно повышая их эффективность благодаря отсутствию посредников и наличию сетевых (синергетических) эффектов.

Еще в июле 2017 г. консалтинговая компания McKinsey провела исследование «Цифровая Россия: новая реальность» [10], в котором показала, что потенциальный экономический эффект от цифровизации экономики России увеличит ВВП страны к 2025 г. на 4,1–8,9 трлн руб. (в ценах 2015 г.), что составит от

19 до 34 % общего ожидаемого роста ВВП. По данным этой компании, доля цифровой экономики в ВВП стран по состоянию на 2015 г. составляет 10,9 % (США), 10,0 % (Китай), 8,2 % (Евросоюз), 3,9 % (Россия). Приведенные сведения говорят о том, что цифровая экономика вносит существенный вклад в развитие мировой экономики и экономик различных стран, является одним из приоритетных направлений их развития. Соответственно, актуальна задача по определению тенденций развития цифровой экономики, которые будут формировать глобальные тренды в будущем.

В соответствии с этим авторами предпринята попытка выявить тенденции развития цифровой экономики посредством исследования наукометрических показателей. В контексте этого исследования нельзя не вспомнить работу Ю. Чандра (Y. Chandra) [11] и М. В. Лычагина [12] о применении наукометрических методов для изучения эволюции сферы предпринимательства. Данная статья — это новый этап исследований авторов [13; 14] в области наукометрического анализа данных, посвященных вопросам цифровизации [15]. При этом анализируемый период актуализирован и расширен до 2010–2018 гг. В качестве источников исследуемых сведений выбраны базы данных РИНЦ и Scopus, рассмотрена более широкая направленность тематик цифровой экономики.

В первую очередь необходимо определить место и роль цифровой экономики в современных процессах глобальной трансформации, а также выявить тенденции развития цифровой экономики на основе исследования наукоме-

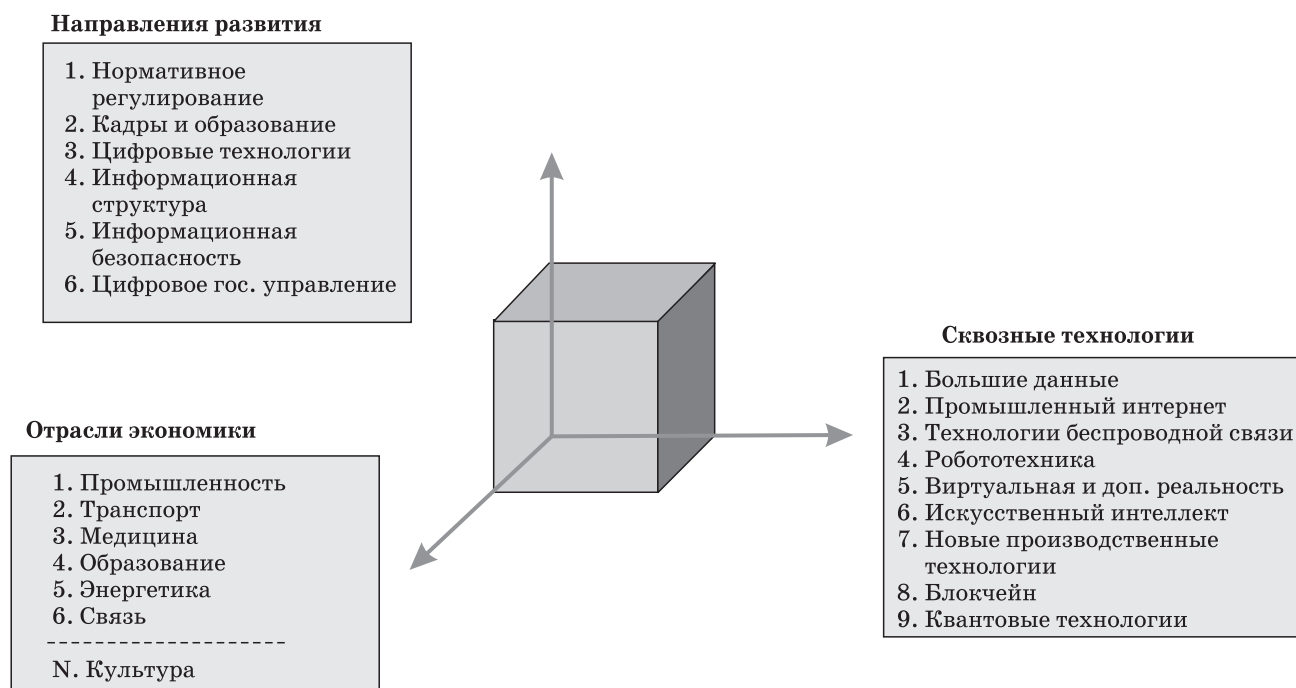

Рис. 2. Системная декомпозиция цифровой экономики

трических баз данных. В контексте исследования рассмотрены некоторые аспекты универсальной библиографической и реферативной базы данных Scopus, размещенной на портале <https://Scopus.com>, и базы данных РИНЦ, размещенной на портале <https://elibrary.ru/>. В поиске задействованы все материалы, содержащиеся в этих базах. Анализ проводился 28 мая 2019 г. посредством поиска информации в названиях публикаций, аннотациях и ключевых словах. Один из показателей исследования — количество публикаций.

Авторами установлено, что с понятием «цифровая экономика» связаны следующие наиболее значимые направления развития: индустрия 4.0, цифровые технологии, цифровизация, цифровая трансформация, цифровые платформы. Для их исследования осуществлялся поисковый запрос в виде TITLE-ABS-KEY (Digital Economy), TITLE-ABS-KEY (Digital Technologies). В связи с тем, что наибольшее число публикаций выявлено в таком направлении развития, как цифровые технологии, соответствующее направление и проанализировано углубленно и рассмотрено в аспекте тематических исследований: 1) искусственный интеллект; 2) дополненная реальность; 3) робототехника; 4) мобильные системы; 5) блокчейн; 6) интернет вещей; 7) аддитивные технологии; 8) квантовые технологии; 9) передовые производственные технологии; 10) большие данные; 11) беспилотный транспорт; 12) информационная безопасность (кибербезопасность). Они изучены путем поискового запроса в виде TITLE-ABS-KEY (Digital Technologies), TITLE-ABS-KEY (Artificial Intelligence).

Итак, цифровая экономика — направление, привлекающее значительное внимание российских и зарубежных ученых. Число публикаций в данной области знания растет с экспоненциальной зависимостью среди отечественных ученых. Мировая научная общественность уделяет меньше внимания этому вопросу, что находит отражение на рисунке 3.

Экспоненциальный характер ежегодного роста числа публикаций о цифровой экономике свидетельствует о том, что указанная область знания находится в активной фазе исследований. Анализ данных базы Scopus позволил выявить, что в 2010–2019 гг. наибольшее количество опубликованных исследований, посвященных цифровой экономике, представлено в США (1 039 публикаций), Великобритании (651) и России (583). Именно в этих странах, полагаем, в первую очередь будет происходить процесс активного развития цифровой экономики и увеличения ее доли в структуре национальной экономики государств.

В рамках цифровой экономики авторы выделяют также ряд направлений исследований: индустрия 4.0, цифровые технологии [16, с. 6–10], цифровизация [17], цифровая трансформация [3], цифровые платформы [18; 19]. При этом, если понятие цифровизации отражено во всех отраслях национальной экономики, то цифровые платформы — достаточно новое направление, о чем говорят полученные сведения, указанные на рисунке 4.

Очевиден тот факт, что наибольший интерес сосредоточен на исследованиях в области цифровых технологий. Им в 2018 г. уделено 50 % публикаций в базе Scopus и 56 % —

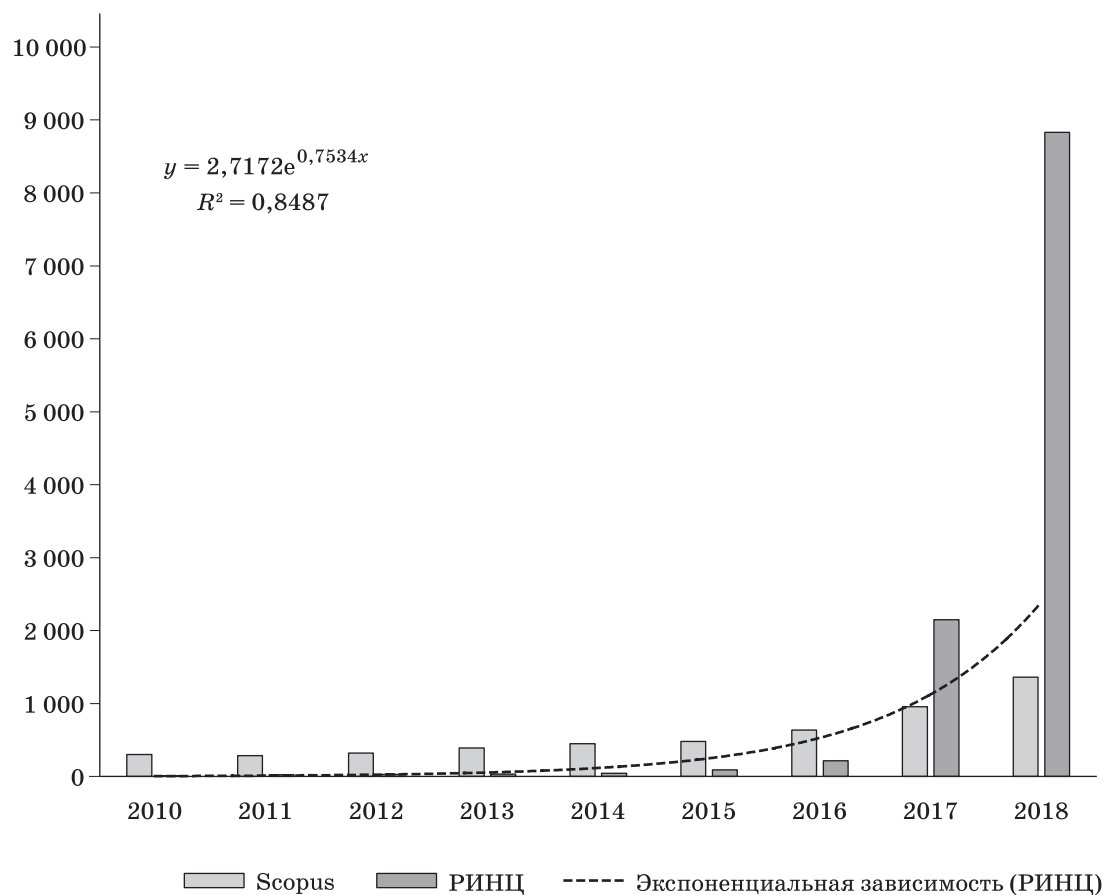

Рис. 3. Публикационная активность по запросу «Цифровая экономика» (согласно данным баз Scopus и РИНЦ) в 2010–2018 гг.

в базе РИНЦ. В 2018 г., по данным РИНЦ, возросло в 6,5 раз количество публикаций по направлению «Цифровизация» и в 4,6 раза — по направлению «Цифровая трансформация». Несмотря на то, что российские исследователи стабильно входят в топ-10 по числу публикаций в базе Scopus, в отечественной базе РИНЦ представлено большее количество опубликованных работ, посвященных этому вопросу.

По сведениям, обнаруженным в Scopus, в 2010–2019 гг. странами-лидерами по числу публикаций в сфере цифровых технологий являются США (433 публикации), Россия (383) и Великобритания (293). Страна́ми, входящими в тройку лидеров по публикациям, относящимся к индустрии 4.0, цифровым технологиям, цифровизации, цифровой трансформации, цифровым платформам, выступают США, Россия, Великобритания, Германия, Италия. Цифровым технологиям посвящено наибольшее количество публикаций, и их потенциал огромен. Соответственно, охарактеризуем подробнее это направление развития цифровой экономики на базе итогов исследования на основе таблиц 2 и 3.

Согласно таблице 2, исследования в сфере дополненной реальности, квантовых технологий, беспилотного транспорта и передовых производственных технологий [20] начались с 2016–2017 гг. Учитывая малоизученность

соответствующей сферы, отсутствуют основания полагать, что именно в этой области произойдет существенный прорыв в бизнесе. С учетом проведенного анализа и таблицы 3 можно утверждать, что исследования в сфере мобильных систем и технологии блокчейн [21], как тематик цифровой экономики, появились только в 2016 г., а в сфере аддитивных технологий и беспилотного транспорта — в базе Scopus не представлены. Очевидным становится тот факт, что с каждым годом публикационная активность исследуемых направлений возрастает. Интерес представляют и ранжированные данные рассматриваемых тематик по количеству публикаций в 2018 г., показанные в таблице 4.

Итак, наибольший потенциал для бизнес-развития заложен сегодня российскими исследователями в области технологии блокчейн (25 % публикаций в РИНЦ), больших данных (20 % публикаций в РИНЦ), кибербезопасности и искусственного интеллекта (по 13 % публикаций в РИНЦ соответственно), интернета вещей (10 % публикаций в РИНЦ). Судя по данным базы Scopus, наибольший потенциал к практическому внедрению имеют технологии больших данных (29 % публикаций), интернета вещей (21 %), искусственного интеллекта (17 %) и дополненной реальности (11 %). Исследования о технологии блокчейн, согласно базе Scopus,

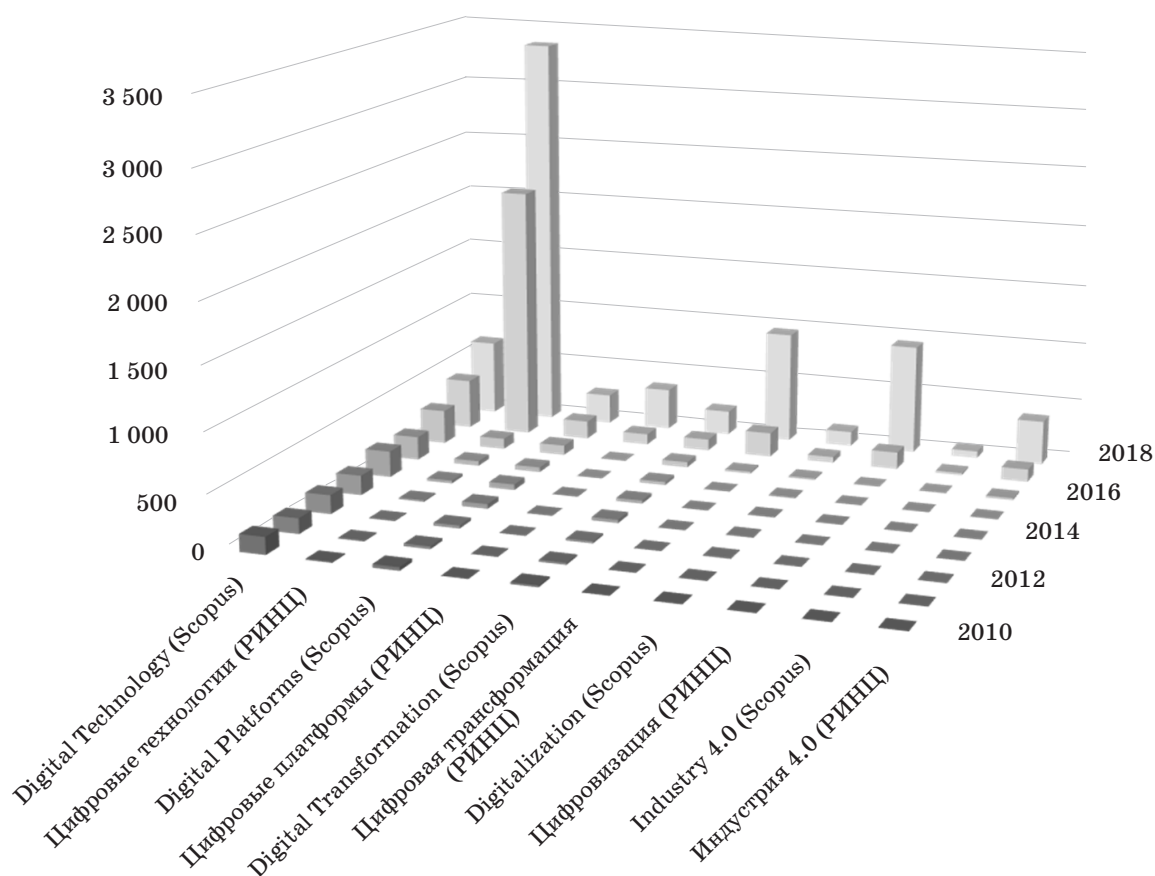

Рис. 4. Публикационная активность по основным направлениям развития цифровой экономики

Таблица 2

Динамика публикационной активности в области цифровых технологий (по данным РИНЦ) в 2010–2018 гг.

Технологии	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Искусственный интеллект	0	0	1	1	5	10	15	72	162
Дополненная реальность	0	0	0	0	0	0	12	26	49
Робототехника	0	0	0	1	2	3	5	12	50
Мобильные системы	0	3	5	5	4	6	17	28	55
Блокчейн	0	0	0	0	0	3	6	104	313
Интернет вещей	0	1	1	0	0	4	18	77	120
Аддитивные технологии	0	0	1	0	1	11	16	22	44
Квантовые технологии	0	0	0	0	0	0	0	2	7
Передовые производственные технологии	0	1	0	0	0	0	2	10	19
Большие данные	4	8	4	10	13	18	42	97	249
Беспилотный транспорт	0	0	0	0	0	0	1	2	2
Кибербезопасность	2	3	4	8	14	22	23	64	165

в основном публикуются отечественными учеными и по количеству в 2,3 раза превосходят ближайшего конкурента в этой тематике — Великобританию, что подтверждают и результаты, представленные в таблицах 2 и 3.

Публикации в области технологий интернета вещей принадлежат авторству ученых Великобритании, Италии и США — в порядке убывания. Россия находится на седьмом месте и разделяет его с Китаем, Францией и Швецией. Сведения, содержащиеся в базе Scopus, дополнительно подтверждают, что российски-

ми исследователями уделяется существенное внимание этой тематике, однако оно не выходит на первые позиции рейтинга популярности. Исследования в сфере больших данных, как правило, проводятся в Великобритании, США, Германии, Италии и России. Поэтому можно ожидать появления новых инструментов ведения бизнеса и новых продуктов с использованием технологий в указанной сфере. Странами-лидерами по числу публикаций об искусственном интеллекте являются США, Великобритания, Китай и Россия (в порядке

Таблица 3

Динамика публикационной активности в области цифровых технологий (по данным Scopus) в 2010–2018 гг.

Технологии	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Artificial Intelligence	5	8	8	7	0	15	18	33	56
Augmented Reality	7	8	7	11	12	13	12	27	37
Robotics	2	7	7	9	6	6	11	18	27
Mobile Systems	0	0	0	1	0	0	1	2	2
Blockchain	0	0	0	0	0	0	1	5	24
Internet of Things	2	1	2	4	8	5	32	39	72
Additive Technology	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Quantum Technologies	0	1	0	0	0	0	0	0	2
Advanced Manufacturing Technology	1	0	0	0	0	0	1	0	0
Big Data	0	0	2	4	5	17	40	50	96
Unmanned Vehicles	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Cybersecurity	6	1	5	1	9	3	11	14	20

Таблица 4

Ранжированные показатели развития цифровых технологий в 2018 г.

Технологии	РИНЦ, %	Место в РИНЦ	Scopus, %	Место в Scopus
Блокчейн	25	1	7	6
Большие данные	20	2	29	1
Кибербезопасность	13	3	6	7
Искусственный интеллект	13	4	17	3
Интернет вещей	10	5	21	2
Мобильные системы	4	6	0,6	8
Робототехника	4	7	8	5
Дополненная реальность	4	8	11	4
Аддитивные технологии	4	9	0	9
Передовые производственные технологии	2	10	0	9
Квантовые технологии	1	11	0,6	8
Беспилотный транспорт	0,2	12	0	9

убывания). Исследования дополненной реальности в основном проводятся в США, Великобритании и Южной Корее. Из рассмотренных направлений цифровых технологий Россия лидирует в области кибербезопасности [22], опережая США, Китай и другие государства.

Таким образом, учитывая основные тенденции развития цифровой экономики в России и за рубежом, целесообразно сделать вывод, что интерес к цифровой экономике и цифровым технологиям с каждым годом возрастает. Экспоненциальный характер ежегодного увеличения количества публикаций, на наш взгляд, свидетельствует о том, что данная область знания находится в активной фазе исследований. Следовательно, результаты применения полученных знаний в перспективе повлияют на развитие и экономики, и общества. Наибольший потенциал для бизнес-развития сегодня заложен россий-

скими исследователями в аспектах технологии блокчейн, больших данных, кибербезопасности, искусственного интеллекта и интернета вещей. В отношении направления кибербезопасности Россия устойчиво занимает первые позиции по количеству публикаций. Зарубежные специалисты наибольший потенциал к практическому внедрению видят в технологиях больших данных, интернете вещей, искусственного интеллекта и дополненной реальности.

В дальнейшем авторами будет продолжен анализ наукометрических показателей не только в области цифровых технологий, но и других направлений развития цифровой экономики: кадров для цифровой экономики, цифрового государственного управления, цифровой инфраструктуры. Кроме того, требуется более глубокая дифференциация и анализ субтехнологий, применяемых в отраслях национальной экономики.

Литература

1. *Internet World Stats* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internetworldstats.com> (дата обращения: 10.05.2019).
2. *Tapscott D.* The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. N. Y.: McGraw-Hill, 1995. 342 p.

3. Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Костень Д. Г., Воробьев Ю. Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 3. С. 9–25. DOI: 10.18721/JE.10301.
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978 (дата обращения: 10.05.2019).
5. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Правительство России. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 10.05.2019).
6. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 10.05.2019).
7. Костин Г. А., Упорова И. В. Трансформация предпринимательской деятельности под влиянием цифровой экономики // Экономика и управление. 2018. № 12 (158). С. 51–60.
8. Зозуля Д. М. Цифровизация российской экономики и Индустрия 4.0: вызовы и перспективы // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8, № 1. С. 1–14. DOI: 10.18334/vines.8.1.38856.
9. Вертакова Ю. В. Роль университетов в процессах цифровой трансформации экономики // Экономика и управление. 2018. № 7 (153). С. 54–64.
10. Цифровая Россия: новая реальность / А. Аптекман, В. Калабин, В. Клинцов, Е. Кузнецова, В. Кулагин, И. Ясеновец // McKinsey & Company. 2017. Июль. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx> (дата обращения: 20.05.2019).
11. Chandra Y. Mapping the Evolution of Entrepreneurship as a Field of Research (1990–2013): A Scientometric Analysis // PLoS One. 2018. Vol. 13, no. 1. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0190228>.
12. Лычагин М. В., Бурнышев К. Ю. Цифровой аспект исследований в области предпринимательства // Цифровая трансформация экономики и промышленности (ИНПРОМ–2019): сб. тр. X науч.-практ. конф. с зарубежным участием / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Политех-Пресс, 2019. С. 113–123.
13. Бабкин А. В., Алексеева Н. С. Исследование тенденций развития цифровой экономики на основе анализа публикационной активности // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: тенденции 2025: сб. тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: С.-Петерб. политех. ун-т Петра Великого, 2019. С. 63–68.
14. Алексеева Н. С. Контент-анализ наукометрических показателей интеллектуального капитала // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. Курск: Юго-Западный госуд. ун-т, 2019. С. 14–16.
15. Лычагин М. В. Бум цифровизации в мировой экономической литературе // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: тенденции 2025: сб. тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: С.-Петерб. политех. ун-т Петра Великого, 2019. С. 52–62.
16. Гашиков М. В. Методы компьютерной обработки изображений: учеб. пособие. М.: Физматлит, 2003. 780 с.
17. Авдеева И. Л. Анализ перспектив развития цифровой экономики в России и за рубежом // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: проблемы и перспективы: тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб.: С.-Петерб. политех. ун-т Петра Великого, 2017. С. 19–25.
18. Трошков М. А., Трошков А. М., Шувалов А. В. Защита бизнес-информации в сфере управления агропромышленным комплексом // Вестник АПК Ставрополя. 2016. № S3. С. 142–145.
19. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 6. С. 22–36. DOI: 10.18721/JE.11602.
20. Бендигов М. А., Фролов И. Э. Инновационный потенциал и модернизация экономики: отчетственный и зарубежный опыт // Менеджмент в России и за рубежом. 2006. № 1. С. 17–37.
21. Аксенов Д. А., Куприков А. П., Саакян П. А. Направления и особенности применения блокчейн-технологий в экономике // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 1. С. 30–38. DOI: 10.18721/JE.11103.
22. Буркальцева Д. Д., Епифанова О. Н., Жеребов Е. Д., Овчинников Р. А. Институциональное обеспечение финансово-экономической безопасности в условиях цифровизации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 3. С. 21–31. DOI: 10.18721/JE.11302.

References

1. Internet World Stats. Available at: <https://www.internetworldstats.com>. Accessed 10.05.2019.
2. Tapscott D. *The digital economy: Promise and peril in the age of networked intelligence*. N. Y.: McGraw-Hill Book Co., 1995. 342 p.
3. Babkin A. V., Burkal'tseva D. D., Kosten' D. G., Vorob'ev Yu. N. Formirovanie tsifrovoy ekonomiki v Rossii: sushchnost', osobennosti, tekhnicheskaya normalizatsiya, problemy razvitiya [Formation of digital economy in Russia: Essence, features, technical normalization, development problems]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 9–25. DOI: 10.18721/JE.10301.

4. *Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated December 01, 2016*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978. Accessed 10.05.2019. (in Russ.).
5. *On approval of the "Digital Economy of the Russian Federation" program. Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-r*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/. Accessed 10.05.2019. (in Russ.).
6. *On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2018. No. 204*. Available at: <https://base.garant.ru/71937200/>. Accessed 10.05.2019. (in Russ.).
7. Kostin G. A., Uporova I. V. Transformatsiya predprinimatel'skoy deyatel'nosti pod vliyaniem tsifrovoy ekonomiki [Transformation of entrepreneurship under the influence of the digital economy]. *Ekonomika i upravlenie*, 2018, no. 12 (158), pp. 51–60.
8. Zozulya D. M. Tsifrovizatsiya rossiyskoy ekonomiki i Industriya 4.0: vyzovy i perspektivy [Digitalization of the Russian economy and industry 4.0: Challenges and prospects]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 1–14. DOI: 10.18334/vinec.8.1.38856.
9. Vertakova Yu. V. Rol' universitetov v protsessakh tsifrovoy transformatsii ekonomiki [The role of universities in the digital transformation of the economy]. *Ekonomika i upravlenie*, 2018, no. 7 (153), pp. 54–64.
10. Aptekman A., Kalabin V., Klintsov V., Kuznetsova E., Kulagin V., Yasenovets I. *Digital Russia: a new reality*. Moscow: McKinseyRussia, 2017. 133 p. Available at: URL:<https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx>. Accessed 20.05.2019. (in Russ.).
11. Chandra Y. Mapping the evolution of entrepreneurship as a field of research (1990-2013): A scientometric analysis. *PLoS One*, 2018, vol. 13, no.1. DOI: 10.1371/journal.pone.0190228.
12. Lychagin M. V., Burnyshev K. Yu. Tsifrovoy aspekt issledovaniy v oblasti predprinimatel'stva [The digital dimension of entrepreneurship research]. In: *Tsifrovaya transformatsiya ekonomiki i promyshlennosti (INPROM-2019). Sb. tr. X nauch.-prakt. konf. s zarubezhnym uchastiem* [Digital transformation of economics and industry (INPROM-2019). Proc. 10th sci.-pract. conf. with int. particip.]. St. Petersburg: Politekh-Press, 2019, pp. 113–123.
13. Babkin A. V., Alekseeva N. S. Issledovanie tendentsiy razvitiya tsifrovoy ekonomiki na osnove analiza publikatsionnoy aktivnosti [Study of digital economy development trends based on analysis of publication activity]. In: *Tsifrovaya ekonomika i Industriya 4.0: tendentsii 2025. Sb. tr. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Digital economy and Industry 4.0: Trends 2025. Proc. sci.-pract. conf. with int. particip.]. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Univ., 2019, pp. 63–68.
14. Alekseeva N. S. Kontent-analiz naukometricheskikh pokazateley intellektual'nogo kapitala [Content analysis of scientometric indicators of intellectual capital]. In: *Aktual'nye problemy razvitiya khozyaystvuyushchikh sub"ektov, territoriy i sistem regional'nogo i munitsipal'nogo upravleniya. Mat. XIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Actual problems of the development of economic entities, territories and systems of regional and municipal government. Proc. 14th int. sci.-pract. conf.]. Kursk: Southwest State Univ., 2019, pp. 14–16.
15. Lychagin M. V. Bum tsifrovizatsii v mirovoy ekonomicheskoy literature [Digitalization boom in world economic literature]. In: *Tsifrovaya ekonomika i Industriya 4.0: tendentsii 2025. Sb. tr. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Digital economy and Industry 4.0: Trends 2025. Proc. sci.-pract. conf. with int. particip.]. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Univ., 2019, pp. 52–62.
16. Gashnikov M. V. *Metody komp'yuternoy obrabotki izobrazheniy* [Computer image processing methods]. Moscow: Fizmatlit, 2003. 780 p.
17. Avdeeva I. L. Analiz perspektiv razvitiya tsifrovoy ekonomiki v Rossii i za rubezhom [Analysis of the prospects for the development of the digital economy in Russia and abroad]. In: *Tsifrovaya ekonomika i Industriya 4.0: problemy i perspektivy. Tr. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Digital economy and Industry 4.0: Problems and prospects. Proc. sci.-pract. conf. with int. particip.]. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Univ., 2017, pp. 19–25.
18. Troshkov M. A., Troshkov A. M., Shuvaev A. V. Zashchita biznes-informatsii v sfere upravleniya agropromyshlennym kompleksom [Protection of business information in the field of agribusiness management]. *Vestnik APK Stavropol'ya*, 2016, no. S3, pp. 142–145.
19. Geliskhanov I. Z., Yudina T. N., Babkin A. V. Tsifrovye platformy v ekonomike: sushchnost', modeli, tendentsii razvitiya [Digital platforms in economics: essence, models, development trends]. *Nauchno-tekhnikheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskije nauki*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 22–36. DOI: 10.18721/JE.11602.
20. Bendikov M. A., Frolov I. E. Innovatsionnyy potentsial i modernizatsiya ekonomiki: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Innovation potential and modernization of the economy: domestic and foreign experience]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, 2006, no. 1, pp. 17–37.
21. Aksenov D. A., Kuprikov A. P., Saakyan P. A. Napravleniya i osobennosti primeneniya blokcheyn-tekhnologiy v ekonomike [Trends and features of blockchain technologies use in economy and finance]. *Nauchno-tekhnikheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskije nauki*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 30–38. DOI: 10.18721/JE.11103.
22. Burkal'tseva D. D., Epifanova O. N., Zherebov E. D., Ovchinnikov R. A. Institutsional'noe obespechenie finansovo-ekonomicheskoy bezopasnosti v usloviyakh tsifrovizatsii [Institutional support of financial and economic security in conditions of digitalization]. *Nauchno-tekhnikheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskije nauki*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 21–31. DOI: 10.18721/JE.11302.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-26-31

УДК 338.2:004

Ачба Любовь Викторовна

профессор Санкт-Петербургского филиала Финансового университета при Правительстве РФ,
доктор экономических наук, профессор

197198, Санкт-Петербург, Съезжинская ул., д. 15–17

Ворона-Сливинская Любовь Григорьевна

профессор Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета,
доктор экономических наук, профессор

190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4

Воскресенская Елена Владимировна

директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и
экономики, доктор юридических наук, доцент

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр, д. 44а, e-mail: elenvoskr@mail.ru

Исследование направлено на изучение современного состояния цифровой трансформации управления, экономики и социальной сферы. Авторами проанализированы основополагающие черты цифровизации управления, экономики и социальной сферы, а именно: механизм трансформации значительной части социального, в том числе хозяйственного взаимодействия в информационно-телекоммуникационном пространстве; развитие дистанционных форм занятости и передачи информации; активное внедрение, электронных денег и смарт-контрактов в гражданский оборот и их использование; развитие электронного управления.

Цель. Обоснование теоретико-методических положений современного состояния управления, экономики и социальной сферы, разработка практических рекомендаций по совершенствованию цифровой трансформации управления, экономики и социальной сферы.

Задачи. В ходе реализации поставленной цели решены задачи, по изучению нормативных правовых основ формирования и развития цифровой трансформации управления, экономики и социальной сферы; исследованию содержания цифровой трансформации управления, экономики и социальной сферы в современной России; выявлению проблем цифровой трансформации управления, экономики и социальной сферы, перспектив ее развития.

Методология. Методологической основой исследования послужили основные положения современной экономической теории, теории государственного и муниципального управления и функционирования социальной сферы. Информационной базой исследования стали нормативные правовые акты Российской Федерации, статистические данные государственных органов и научных центров о внедрении новых информационных технологий, материалы национальных программ по цифровизации экономики и социальной сферы.

Результаты. В ходе исследования авторами обоснована мысль о том, что на современном этапе развития управления, экономики и социальной сферы информационно-компьютерные технологии оказывают определяющее влияние не только на технологическую, но и на институциональную среду общества.

Выводы. Исследование показателей в сфере трансформации цифровых технологий в управление, экономику и социальную сферу дает основание утверждать, что в целом Российская Федерация демонстрирует успехи в цифровизации изучаемой сферы. Тем не менее Россия, самостоятельно интегрируясь в цифровую систему координат, оказывается перед необходимостью решения ключевой проблемы, связанной с областью управления. Цифровые технологии не будут работать без установления отношений между субъектами экономики и управлением ими в целом. Без этой синхронизации невозможно их нормальное развитие.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровое государственное управление, цифровое муниципальное управление, государственные услуги, сеть Интернет, информационная безопасность, информационная инфраструктура.

Для цитирования: Ачба Л. В., Ворона-Сливинская Л. Г., Воскресенская Е. В. Цифровая трансформация управления, экономики и социальной сферы: реальность и перспективы // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 26–31. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-26-31.

DIGITAL TRANSFORMATION OF MANAGEMENT, ECONOMY, AND SOCIAL SPHERE: REALITY AND PROSPECTS

Lyubov' V. Achba

*The Financial University under the Government of the Russian Federation (St. Petersburg)
S"ezzhinskaya St. 15–17, St. Petersburg, Russian Federation, 197198*

Lyubov' G. Vorona-Slivinskaya

*St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
2nd Krasnoarmeyskaya St. 4, St. Petersburg, Russian Federation, 190005*

Elena V. Voskresenskaya

*St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103, e-mail: elenvoskr@mail.ru*

The presented study examines the current state of the digital transformation of management, economy, and social sphere. The authors analyze the fundamental features of the digitalization of management, economy, and social sphere, namely: the mechanism of transformation of a considerable part of social and business interactions within the information and telecommunications space; development of remote forms of employment and transmission of information; active commercialization and use of digital currency and smart contracts; development of digital management.

Aim. The study aims to substantiate the theoretical and methodological provisions on the current state of management, economy, and social sphere, and to develop practical recommendations on the improvement of the digital transformation of management, economy, and social sphere.

Tasks. As part of the realization of the set aim, the authors solve the problems of examining the legal and regulatory framework of formation and development of the digital transformation of management, economy, and social sphere; analyzing the content of the digital transformation of management, economy, and social sphere in modern Russia; identifying the problems of the digital transformation of management, economy, and social sphere, and prospects for its development.

Methods. The methodological basis of the study comprises the fundamental provisions of the modern economic theory, theories of public and municipal administration and those describing the functioning of the social sphere. The information basis of this study includes the laws and regulations of the Russian Federation, statistics of public institutions and science centers on the implementation of new information technologies, materials of national programs for the digitalization of the economy and social sphere.

Results. The authors substantiate that at the current stage of development of management, economy, and social sphere, information and computer technology has a decisive impact on the technological and institutional environment within the society.

Conclusions. Examination of indicators associated with the transformation of digital technology in management, economy, and social sphere makes it possible to conclude that the Russian Federation as a whole is making good progress in the digitalization of the examined sphere. However, by independently integrating into a digital reference system, Russia faces a key problem in the field of management. Digital technologies will not work without establishing relations between economic actors and their management in general. Without this synchronization, they cannot develop properly.

Keywords: *digital economy, digital public administration, digital municipal administration, public services, Internet, information security, information infrastructure.*

For citation: Achba L. V., Vorona-Slivinskaya L. G., Voskresenskaya E. V. Tsifrovaya transformatsiya upravleniya, ekonomiki i sotsial'noy sfery: real'nost' i perspektivy [Digital Transformation of Management, Economy, and Social Sphere: Reality and Prospects]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 26–31. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-26-31.

В соответствии с национальным проектом «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» Россия намерена произвести прорывную комплексную цифровую трансформацию управления, экономики и социальной сферы к 2024 г. [1]. Для этого выработаны основные задачи их цифровой трансформации, вызванные необходимостью совершенствования законодательства о цифровых технологиях и цифровых объектах,

осуществления цифровой модернизации информационной инфраструктуры, внедрения цифровых практик во всех ключевых сферах управления, экономики и социальной сферы, подготовки кадров для трансформационного периода.

Согласно национальному проекту «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”», для создания условий цифровой трансформации управления,

Способы взаимодействия населения с органами государственной власти при получении государственных услуг в 2015–2017 гг., % от общей численности граждан 15–72 лет

Регион	2015	2016	2017
Взаимодействовали (всего)	46.4	56.1	65.7
Через интернет	18.4	28.8	42.3
Личное посещение	21.2	22.5	24.0
В многофункциональных центрах предоставления государственных услуг	7.1	11.8	18.9
Не взаимодействовали	53.6	43.9	34.3

Таблица 2

Население субъектов Российской Федерации, получавшее в 2017 г. государственные и муниципальные услуги через интернет, % от общей численности граждан 15–72 лет

Субъект Российской Федерации	2017
Россия (в среднем)	42.3
Чукотский автономный округ	8.8
Магаданская область	14.5
Орловская область	14.7
Еврейская автономная область	15.2
Тюменская область	64.5
Республика Башкортостан	70.8
Республика Татарстан	73.4
Московская область	74.3
Ямало-Ненецкий автономный округ	83.2

экономики и социальной сферы, устранения препятствий и ограничений для создания и развития высокотехнологических бизнесов сформулировано шесть направлений:

- 1) формирование кадрового корпуса цифровой экономики — «Кадры для цифровой экономики» [2];
- 2) обеспечение информационной безопасности;
- 3) внедрение цифровых технологий;
- 4) создание нормативной правовой базы.

Следующие два направления — 5) трансформация цифровых технологий в государственное и муниципальное управление и 6) создание, совершенствование информационной инфраструктуры — проанализируем с точки зрения реалий современного общества и перспектив развития.

Задача направления «Цифровое государственное управление» — достижение к 2024 г. таких показателей, как [3, с. 145]:

- 70 % взаимодействия граждан, коммерческих организаций с государственными (муниципальными) органами и бюджетными учреждениями, осуществляемого в цифровом виде;
- 100 % приоритетных государственных услуг и сервисов предоставляются без необходимости личного посещения государственных органов, иных организаций, с применением реестровой модели, онлайн, проактивно;
- 70 % основных данных прошло гармонизацию (соответствие мастер-данным);
- 90 % внутриведомственного и межведомственного юридически значимого электрон-

ного документооборота государственных и муниципальных органов и бюджетных учреждений [4, с. 131].

В таблице 1 представлена информация о способах взаимодействия населения при получении государственных услуг [5].

Статистика показывает постоянный рост числа субъектов, обращающихся к государственным услугам. В таблице 2 содержится информация о численности населения, получавшего государственные услуги посредством интернета [5]. Итак, в таблице 2 представлены примеры показателя от минимального к максимальному (со средним значением по России 42,3 %), наглядно демонстрирующие, что государство активно участвует в частных отношениях, в том числе в связи с предоставлением электронных услуг. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о его многоликой роли в социально-экономических отношениях. В таблице 3 дана информация о получении населением государственных услуг в электронной форме в зависимости от типа местности [5].

Таким образом, наблюдается постепенное выравнивание показателя, связанного с получением услуг населением, проживающим в городской и сельской местности.

Задача направления «Информационная инфраструктура» — достижение к 2024 г. следующих показателей:

- 97 % — доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств;

Таблица 3

Получение населением государственных и муниципальных услуг в электронной форме в городской и сельской местности в 2015–2017 гг., % от общей численности граждан 15–72 лет

Получатели услуг в электронной форме	2015	2016	2017
Всего	39.6	51.3	64.3
Городская местность	43.9	55.7	67.7
Сельская местность	21.9	36.4	52.5

Таблица 4

Использование информационных и коммуникационных технологий в 2015–2017 гг., % от общей численности обследованных организаций

Показатели	2015	2016	2017
Организации, использовавшие:			
персональные компьютеры	92.3	92.4	92.1
серверы	47.7	50.8	50.6
локальные вычислительные сети	63.5	62.3	61.1
электронную почту	84.0	87.6	88.3
интернет	88.1	88.7	88.9
Организации, имеющие веб-сайт в сети Интернет	42.6	45.9	47.4

Таблица 5

Доступ к сети Интернет в 2016–2018 гг., % от общей численности обследованных домашних хозяйств

Показатели	2016	2017	2018
Домашние хозяйства, имеющие доступ к сети Интернет	74.8	76.3	76.6
в том числе цифровой доступ	70.7	72.6	73.2
Домашние хозяйства, использующие доступ к сети Интернет:			
настольный (стационарный) компьютер	42.4	40.6	39.9
мобильные компьютеры	39.1	40.6	39.3
планшетный компьютер	24.5	26.8	25.6
другие мобильные устройства	48.9	56.0	61.9

- 100 Мбит/с устойчивое покрытие в целом в стране 5G+;
- устойчивое покрытие во всех крупных городах (1 млн человек и более).

В современных условиях прослеживается тенденция к выравниванию уровня цифровизации всех субъектов России за счет ускоренного развития отстающих из них по сравнению с субъектами-лидерами. В среднем темп роста последних ограничен 11 %, а отстающие регионы показывают высокие темпы развития по итогам первого полугодия 2018 г. Им удалось прибавить около 38 % в сравнении с показателями прошлого года.

Наибольший уровень цифровизации наблюдается в центральной и западной частях России, наименьший — в юго-западной части. Предлагаем выделить четыре группы федеральных округов: лидер (Уральский федеральный округ), так называемая догоняющая тройка (Центральный федеральный округ, Поволжский федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ), вторая тройка (Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ, Южный федеральный округ) и замыкающий — Северо-Кавказский федеральный округ.

Уральский федеральный округ — лидер, так как в его составе меньше всего субъектов РФ, которые в большинстве однородны по развитию цифровизации. В Уральском федеральном округе сосредоточены релевантные образовательные центры для подготовки кадров, научно-производственные базы и техническое обеспечение социально-экономического развития. Потеря лидерства Центральным федеральным округом обусловлена тем, что 18 субъектов РФ, входящие в него, относительно разнородны по уровню развития цифровизации. Кроме того, из-за концентрации финансовых ресурсов в Москве происходит отток лучших кадров и других ресурсов в столицу.

В таблице 4 представлены данные об использовании информационных и коммуникационных технологий в организациях. В таблице 5 указаны сведения об использовании сети Интернет в домашних хозяйствах [5].

Среди россиян, использующих сеть Интернет, самой популярной онлайн-услугой являются банковские операции (61 %). При этом наиболее высокая доля отмечается среди пользователей 18–24 лет (77 %), а также жителей Москвы и Санкт-Петербурга (74 %). На втором месте — поиск и оплата государственных на-

Основные показатели развития фиксированного и мобильного доступа к сети Интернет в 2016–2018 гг.

Показатели	2016	2017	2018
Число активных абонентов фиксированного доступа к сети Интернет (всего, тыс.)	27 493	31 084	32 250
в том числе широкополосного	27 293	30 877	32 070
из них по скорости подключения:			
от 2 Мбит/с до менее 10 Мбит/с	6 105	5 981	5 289
от 10 Мбит/с до менее 100 Мбит/с	16 090	17 802	17 494
от 100 Мбит/с до менее 1 Гбит/с	2 810	4 981	7 223
от 1 Гбит/с и выше	22.9	29.1	29.4
Число активных абонентов мобильного доступа к сети Интернет (всего, тыс.)	115 813	122 828	13 159
в том числе широкополосного	104 391	117 406	126 567
Число активных абонентов широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек населения:			
фиксированного	18.6	21.0	21.9
мобильного	71.1	79.9	86.2

логов и штрафов (45 %). Эта доля выше среди пользователей 25–34 лет (57 %) и жителей Москвы, Санкт-Петербурга (68 %). В топ-3 также входит передача показаний счетчиков и оплата услуг ЖКХ (40 %). При этом среди граждан 45–59 лет эта доля составляет 45 %, а среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга — 66 % [6, с. 230].

Треть граждан (33 %) чаще покупают электронные билеты на самолет или поезд (42 % среди россиян 18–24 лет и 67 % среди жителей Москвы и Петербурга), пользуясь интернетом. На прием к врачу через онлайн-сервис записываются 29 % респондентов (35 % среди лиц 18–24 лет, 34 % среди 25–34 лет), еще 28 % чаще ведут запись в офлайн-режиме (46 % среди жителей Дальневосточного федерального округа). Четверть (27 %) участников опроса заказывают такси с помощью интернета, а 29 % — без его использования. Каждый пятый (21 %) покупает билеты в кино, театр или на концерты через онлайн-сервис, однако 22 % предпочитают делать это в офлайн-режиме.

В рейтинге услуг, которыми россияне предпочитают пользоваться посредством офлайн-режима, первую строчку занимает покупка одежды, электроники и бытовой техники. 35 % чаще делают это без применения интернета (наряду с 12 % респондентов, которые чаще делают это через онлайн-сервис). На втором месте — оформление справок и документов из государственных органов: 27 % оформляют их, как правило, в офлайн-режиме (34 % среди граждан 18–24 лет), 19 % являются онлайн-пользователями [7, с. 120].

Основные показатели, характеризующие наличие широкополосного доступа к сети Интернет и устойчивое покрытие, отражены в таблице 6 [5].

Итак, выстроенная система управления программой «Цифровая экономика Российской Федерации» является многоуровневой. Поэтому отправной точкой для начала работы в данном направлении должно стать создание в субъектах РФ максимально широкого канала прямой и обратной связи со всеми участниками, включенными в систему управления этой государственной программой. Это позволит органам власти в регионах России и местным заинтересованным организациям осуществлять непрерывный мониторинг за состоянием ее реализации в стране, отслеживать тенденции, прогнозы, связанные с развитием сквозных цифровых технологий, которые будут приоритетными при формировании новой технологической основы для социально-экономической сферы на местах. Этот канал связи также должен быть использован при формировании и продвижении идей и предложений по ведущим направлениям развития программы, поскольку предусматривается ее трансформация по мере появления и развития новых технологий, рациональных предложений.

Одновременно необходимо провести максимально широкую оценку уровня цифровизации информационной инфраструктуры и IT-безопасности в органах власти, оценку уровня компетенций IT-персонала, возможностей по локальной обработке информационных потоков данных и централизованному управлению создаваемой инфраструктуры. При участии основных телекоммуникационных компаний важно оценить состояние сети электросвязи на транспортном уровне, проверить наличие оптоволоконных линий связи между населенными пунктами и возможностей транспортного оборудования передачи.

В ходе исследования авторами обоснована мысль о том, что на современном этапе разви-

тия управления, экономики и социальной сферы информационно-компьютерные технологии оказывают определяющее влияние не только на технологическую, но и на институциональную среду общества. Исследование показателей в сфере трансформации цифровых технологий в управление, экономику и социальную сферу дает основание утверждать, что Российская Федерация демонстрирует успехи в цифровизации

изучаемой сферы. Тем не менее Россия, самостоятельно интегрируясь в цифровую систему координат, оказывается перед необходимостью решения ключевой проблемы, связанной с областью управления. Цифровые технологии не заработают у нас без настройки отношений между субъектами экономики и управлением ими в целом. Без этой синхронизации невозможно их нормальное развитие.

Литература

1. *Паспорт* национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 06.06.2019).
2. *Паспорт* федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328933/ (дата обращения: 30.05.2019).
3. Ворона-Сливинская Л. Г., Воскресенская Е. В. К вопросу о правовом обеспечении трансформации цифровой экономики // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1. С. 144–152.
4. Воскресенская Е. В. Правовые проблемы социального партнерства в сфере труда // Успехи современного естествознания. 2008. № 6. С. 156–157.
5. Информационное общество в Российской Федерации. 2018: статистический сборник [Электронный ресурс] / М. А. Сабельникова, Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова и др.; Росстат; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст дан. (9 Мб). М.: НИУ ВШЭ, 2018. 197 с.
6. Воскресенская Е. В. Теоретическое обоснование необходимости получения правовых и управленческих знаний в сфере высотного строительства // Научные исследования в сфере педагогики и психологии: конвергенция и генезис знаний / [А. А. Абрамян, А. С. Аминова, Е. П. Ананьева и др.]; под ред. О. А. Подкопаева, С. В. Юртаева. Самара: Поволжская научная корпорация, 2018. С. 228–237.
7. Ворона-Сливинская Л. Г., Пак Х. С. Безопасность инновационного развития региональной социально-экономической системы // Проблемы управления рисками в техносфере. 2015. № 1 (33). С. 119–124.

References

1. *Passport of the national project “The National Program “Digital Economy of the Russian Federation”* (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects under the President of the Russian Federation, Minutes No. 7 of 04.06.2019). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/. Accessed 06.06.2019. (in Russ.).
2. *Passport of the federal project “Personnel for the Digital Economy”* (approved by the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the use of information technologies to improve the quality of life and business conditions, Minutes No. 9 of 28.05 2019). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328933/. Accessed 30.05.2019. (in Russ.).
3. Vorona-Slivinskaya L. G., Voskresenskaya E. V. K voprosu o pravovom obespechenii transformatsii tsifrovoy ekonomiki [On the issue of legal support for the transformation of the digital economy]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2019, no. 1 (55), pp. 144–152.
4. Voskresenskaya E. V. Pravovye problemy sotsial'nogo partnerstva v sfere truda [Legal problems of social partnership in labor]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, 2008, no. 6, pp. 156–157.
5. Sabel'nikova M. A., Abdrakhmanova G. I., Gokhberg L. M., Dudorova O. Yu. et al. *Informatsionnoe obshchestvo v Rossiyskoy Federatsii. 2018: statisticheskiy sbornik* [Information society in the Russian Federation. 2018: Statistical collection]. Moscow: HSE Publ., 2018. 197 p. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/info-ob2018.pdf.
6. Voskresenskaya E. V. Teoreticheskoe obosnovanie neobkhodimosti polucheniya pravovykh i upravlencheskikh znaniy v sfere vysotnogo stroitel'stva [Theoretical substantiation of the need to obtain legal and managerial knowledge in the field of high-rise construction]. In: Abraamyana A. A., Aminova A. S., Anan'eva E. P. et al. *Nauchnye issledovaniya v sfere pedagogiki i psikhologii: konvergent-siya i genezis znaniy* [Scientific research in the field of pedagogy and psychology: Convergence and the genesis of knowledge]. Samara: Volga Scientific Corp., 2018, pp. 228–237. Available at: https://naucorp.ru/upload/iblock/94c/Monografiya_Pedagogika-i-psikhologiya_KM_PP_01_18_PNK_.pdf
7. Vorona-Slivinskaya L. G., Pak H. S. Bezopasnost' innovatsionnogo razvitiya regional'noy sotsial'no-ekonomicheskoy sistemy [Safety of innovative development of the regional socio-economic system]. *Problemy upravleniya riskami v tekhnosfere*, 2015, no. 1 (33), pp. 119–124.

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ И ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-32-42

УДК 331.101

Цветков Валерий Анатольевич

директор Института проблем рынка РАН, член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47

Дудин Михаил Николаевич

заместитель директора по науке Института проблем рынка РАН,
доктор экономических наук, профессор
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47

Лясников Николай Васильевич

главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН,
доктор экономических наук, профессор
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47

Зоидов Кобилжон Ходжиевич

заведующий лабораторией Института проблем рынка РАН,
кандидат физико-математических наук, доцент
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47, e-mail: kobiljonz@mail.ru

Исследование направлено на изучение неоинституциональной и поведенческой концепции производительности труда с использованием междисциплинарного подхода.

Цель. Провести эмпирическое исследование производительности труда с использованием основных положений неоинституциональной и поведенческой экономической теории.

Задачи. Определить отношение трудящихся по найму к эффективности своей трудовой деятельности, а также проанализировать результаты статистического обследования выборки с применением междисциплинарного подхода.

Методология. Статья основана на аналитических и контентных методах исследования, в том числе проведен выборочный опрос трудящихся по найму, его результаты обработаны посредством экономико-статистических и математических методов.

Результаты. Для опрошенных трудящихся по найму характерна трудовая (экономическая) и социальная инертность, что может быть связано с доминирующим влиянием неформальных институтов на восприятие труда, а также с невысокой эффективностью формальных норм и правил, регламентирующих трудовые отношения в современном обществе. Авторами статьи предложено реформировать институты, которые призваны формировать перечень социальных (в том числе пенсионных и медицинских) гарантий трудящимся, а также гражданам, не декларирующим доходы официально. Такое предложение основано на том, что больший уровень ответственности трудящихся за свое будущее стимулирует эффективность и результативность их трудовой деятельности. Полученные результаты и выводы, представленные в статье, могут быть использованы как для разработки федеральных, региональных социально-экономических программ, так и для создания персонализированных подходов к мотивации трудящихся в организациях, на предприятиях реального и финансового сектора экономики.

Выводы. Производительность труда следует рассматривать не только как результат трудовой активности наемных работников, но и как способность индивида использовать знания, умения и навыки для достижения наилучших показателей, в том числе обеспечивающих наиболее справедливое распределение социально-экономических благ.

Ключевые слова: неоинституционализм, поведенческая экономика, производительность труда, социальные риски, население, трудящиеся по найму.

Для цитирования: Цветков В. А., Дудин М. Н., Лясников Н. В., Зоидов К. Х. Неоинституциональная и поведенческая концепция производительности труда // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 32–42. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-32-42.

Благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00613 а).

NEO-INSTITUTIONAL AND BEHAVIORAL CONCEPT OF LABOR PRODUCTIVITY

Valeriy A. Tsvetkov

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418*

Mikhail N. Dudin

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418*

Nikolay V. Lyasnikov

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418*

Kobilzhon Kh. Zoidov

*Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418, e-mail: kobiljonz@mail.ru*

The presented study examines the neo-institutional and behavioral concept of labor productivity using an interdisciplinary approach.

Aim. The study aims to conduct an empirical assessment of labor productivity using the fundamental provisions of the neo-institutional and behavioral economic theory.

Tasks. The authors determine the attitude of workers to their labor productivity and analyze the results of a statistical sample survey using an interdisciplinary approach.

Methods. This study uses analytical and content research methods, including a sample survey of workers, the results of which are processed using economic, statistical, and mathematical methods.

Results. The surveyed workers show signs of labor (economic) and social inertia, which may be due to the dominance of informal institutions over the perception of labor and low efficiency of formal norms and rules that regulate labor relations in modern society. The authors propose a reformation of the institutions that provide benefits (including pension and medical benefits) to the working population and the citizens who do not declare income officially. This proposal is based on the assumption that greater responsibility of workers for their future improves the efficiency and effectiveness of their labor. The obtained results and conclusions presented in the study can be used in the development of federal and regional socio-economic programs and in the creation of personified approaches to employee motivation in organizations and enterprises in the real and financial sector of the economy.

Conclusions. Labor productivity should be viewed not only as a result of the labor activity of workers, but also as the ability of an individual to use knowledge, skills, and abilities to achieve top performance, including in areas that ensure the most equitable distribution of socio-economic benefits.

Keywords: *neo-institutionalism, behavioral economics, labor productivity, social risks, population, workers.*

For citation: Tsvetkov V. A., Dudin M. N., Lyasnikov N. V., Zoidov K. Kh. Neoinstitutsional'naya i povedencheskaya kontseptsiya proizvoditel'nosti truda [Neo-Institutional and Behavioral Concept of Labor Productivity]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 32–42. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-32-42.

Acknowledgements: This study was conducted with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 17-06-00613 a).

Причины экономико-технологической стагнации, наблюдающейся в последнее время, обусловлены влиянием множества факторов. Последние в российской научной публицистике, как правило, связаны с геополитическими трансформациями и экономическими санкциями, введенными Европейским союзом, США, Канадой, Австралией, иными государствами в отношении России. Но, по нашему мнению, геополитика и санкции лишь проявили проблемы социально-экономического развития, которые в период высоких цен на нефть долго

не удавалось нивелировать за счет эксплуатации природной ренты.

Сегодня цены на нефть стали невысокими, а военные и антикризисные (в первую очередь направляемые на поддержку экономических агентов и отраслей, попавших под санкции) бюджетные расходы увеличились. В связи с этим ожидания экономико-технологического прорыва сменились стабильной общественной депрессией. Но, как известно, политика — это конъюнктурная сфера, и изменения в ней могут порождать маловероятные события, вли-

яние которых на социально-экономическое развитие будет критическим. В свою очередь экономические процессы характеризуются большей инерцией, а внешние возмущения служат аргументом в пользу тех или иных умозаключений о динамике развития страны.

Поэтому с экономической точки зрения проблема текущей стагнации заключается не столько во влиянии недавних внешних конъюнктурных факторов, сколько в накопленной инерции. Такая инерция обусловлена, во-первых, глубокими структурными диспропорциями в национальной экономике (значительным доминированием сырьевых и низкотехнологичных секторов), во-вторых, низкой производительностью труда при высоких показателях занятости населения.

Вопросы, проблемы и решения, направленные на устранение структурных диспропорций в национальной экономике, широко представлены в трудах А. Акаева, Е. Ясина и др. [1–3]. Ввиду этого рассмотрим подробнее теоретические и эмпирические основания такой важнейшей проблемы, как низкая производительность труда, с позиции неoinституциональной парадигмы и с точки зрения теории социальной справедливости.

С экономической точки зрения производительность труда — это и результирующий показатель, и мера эффективности трудовой деятельности индивида (актора) или некоторой социальной группы. Фактически речь идет о способности выработать единицу какого-либо продукта за определенный период с учетом трудоемкости производственного процесса. Очевидно, что традиционная экономическая теория не включает в понятие производительности труда нейропсихологические аспекты полезной деятельности человека, рассматривая его выработку с позиции долженствования [4–5].

Напротив, с точки зрения поведенческой экономики и с точки зрения неoinституциональной парадигмы производительность труда определяется не только тем, что должен делать индивид (актор) на рабочем месте, учитывая существующие стимулы, но и тем, что индивид считает ценным в трудовой деятельности. Так, например, Ю. Гнизи и Дж. Лист [6] показали в своих исследованиях, что изменение исключительно в экономической мотивации не влияет на производительность труда работников и что, вероятно, неэкономические стимулы играют большую роль в повышении эффективности трудовой деятельности индивидов, чем это принято было считать ранее в рамках классической экономической теории. Неoinституциональная парадигма основана на том, что любой индивид (актор), действующий в условиях асимметрии информации,

склонен к оппортунизму и ограниченно рационален. Следовательно, производительность труда определяется влиянием формальных и прежде всего неформальных правил, норм на сознательную и созидательную (либо разрушительную) деятельность человека.

Дж. Ролз [7], являющийся создателем теории социальной справедливости, предпринял попытку осмыслить диспозицию классических научных постулатов в отношении общественно-экономической действительности и показал, что существует два базовых принципа, которые будут определять и взаимоотношения индивидов, и их трудовые, культурные, иные отношения. Суть первого заключается в том, что каждый человек должен иметь равные права доступа к основным свободам при условии совместимости этих свобод с подобными схемами для других людей. Второй принцип основан на том, что не существует безусловного равенства. Поэтому для реализации первого принципа важно, чтобы социальные и экономические неравенства были устранены, а создаваемые преимущества или блага стали доступны всем. Доступ к положению (общественному) или должностям (публичным и частным) должен быть открыт для всех.

Поскольку Дж. Ролз, пытаясь устранить противоречия между классической теорией и практикой, создал два взаимоисключающих принципа и не учел значимый поведенческий аспект (стремление либо его отсутствие у индивида к изменениям в рамках эволюционирующих или вновь создаваемых институтов). Соответственно, сегодня, учитывая обстановку в национальной и мировой экономике, а значит, и на рынках труда, становится очевидным тот факт, что, с одной стороны, внешние условия открывают широкие возможности для профессиональной, интеллектуальной, общественной самореализации профессиональной, интеллектуальной, общественной человека. С другой — внешние и в первую очередь внутренние ограничивающие факторы будут демотивировать стремления индивидов к самореализации, а следовательно, сводить к минимуму усилия формальных и неформальных институтов, направленные на создание потенциала роста производительности труда. Иными словами, каждый индивид в зависимости от физических и интеллектуальных способностей будет постоянно сознательно или неосознанно соотносить трансакционные издержки изменений, необходимые для повышения производительности труда, с трансакционными издержками стабильности, а впоследствии измерять эти издержки в контексте получаемых выгод и справедливости их распределения в обществе. Поэтому предлагаем расширенную трактовку понятия «производительность труда».

Социально-демографические параметры респондентов, анкеты которых использованы для эмпирической части исследования

Основные критерии отбора анкет респондентов для проведения анализа	Возрастные группы			Уровень образования			Место трудовой деятельности (текущее)			Получаемый уровень оплаты труда		
	От 18 до 30 лет	От 31 до 45 лет	От 46 до 55/60 лет	Среднее, среднее профессиональное (в том числе незаконченное)	Высшее, в том числе неоконченное	Академическая, деловая или ученая степень	Гос. или муницип. предприятие, бюджетная или казенная организация	Частное (коммерческое, торговое, производственное) предприятие	Некоммерческая организация или некоммерческое партнерство	Средний по России (около 30–35 тыс. руб. в месяц)	Ниже и значительно ниже среднего по России	Выше и значительно выше среднего по России
Кол-во полученных ответов по вариантам	17	57	26	37	63	0	44	55	1	48	31	21
Общее кол-во ответов	100			100			100			100		

Производительность труда — это синергическая сумма способностей (знаний, умений, навыков) и устремлений человека, используя которую, он может осуществлять созидательную трудовую деятельность (через институт наемного труда и институт самозанятости), создавая в процессе этой деятельности в единицу времени продукт (товар, работу, услугу), характеризующийся тем или иным уровнем интеллектуальной / физической трудоемкости, гарантирующих человеку получение определенных социальных и экономических выгод (прямых либо косвенных), субъективно оцениваемых им с позиции справедливости. Такая расширенная трактовка понятия «производительность труда» необходима для эмпирического исследования в дальнейшем, основанного на анализе данных опроса, проведенного среди трудящихся по найму одного из районов города Екатеринбурга.

Настоящая статья основана на совокупности социально-экономических и эконометрических методов исследования. Информационной базой послужили открытые данные, размещенные в сети Интернет на портале Федеральной службы государственной статистики, сайтах Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, национального рейтингового агентства «РИА Рейтинг», а также независимых консалтинговых, кадровых агентств. Кроме того, в качестве информационной базы для статьи использованы результаты полевых опросов трудящихся по найму в Орджоникидзевском районе Екатеринбурга (численность населения района 300 тыс. человек). При проведении интервью с жителями района опрошено около 600–700 человек и отобрано 100 анкет, которые отвечали ключевым требованиям труда по найму. В числе требований следующие:

- а) возраст не менее 18 лет и не более 55 лет (для женщин) или 60 лет (для мужчин),

отсутствие пенсии по возрасту, здоровью, выслуге лет, иным причинам, при которых предусмотрено предоставление пенсии законодательством РФ;

- б) постоянная занятость по найму в любых коммерческих, некоммерческих организациях частной формы собственности, а также в государственных (муниципальных) учреждениях, на предприятиях;
- в) любой действительный уровень образования (от общего среднего и выше) и любой действительный уровень доходов (средний по России, а также выше и ниже среднего), получаемый респондентом в рамках постоянной занятости по найму.

Данные проведенного опроса в обобщенном и структурированном виде представлены в таблице 1, составленной авторами статьи.

Проблема производительности труда обсуждается в российской научной среде достаточно широко. Предлагаются различные варианты стимулирования роста соответствующего показателя. При этом занятость в национальной экономике высока. Рассматривая динамику уровня занятости в аспекте суммарной численности рабочей силы, важно отметить, что с 2000 по 2017 г. доля занятых увеличилась с 89 % до 99 %, что отражено на рисунке 1.

Существенные изменения в региональной структуре занятости выявить сложно. Вместе с тем очевиден тот факт, что показатель концентрации и перераспределения занятого населения в большей степени характерен для Центрального федерального округа, как показано в таблице 2.

Лидерами по показателю прироста занятых являются Южный федеральный округ (за счет присоединения Крыма в 2014 г.) и Северо-Кавказский (за счет высокого уровня рождаемости). Но вхождение Крыма в состав ЮФО, обеспечившее прирост занятости более чем на

Рис. 1. Изменение доли занятых в российской экономике с 2000 по 2017 г., % [8]

Таблица 2

Региональная структура занятости населения в российской экономике в 2000 и 2017 гг., % [8]

Федеральный округ	2000	2017	Динамика
Центральный	27,7	28,5	0,8
Северо-Западный	10,3	10,0	-0,3
Южный	9,0	10,7	1,7
Северо-Кавказский	4,0	5,6	1,6
Приволжский	21,9	20,1	-1,8
Уральский	8,8	8,4	-0,4
Дальневосточный	4,9	4,4	-0,5
Сибирский	13,4	12,3	-1,1

Таблица 3

Уровень производительности труда в российской экономике в 2000 и 2017 гг. [8–9]

Федеральный округ	2000			2017			Прирост численности занятых, раз	Прирост производительности труда, раз
	ВРП, млн руб.	Численность занятых, тыс. чел.	Производительность труда, тыс. руб./чел.	ВРП, млн руб.	Численность занятых, тыс. чел.	Производительность труда, тыс. руб./чел.		
Центральный	1 190 894	18 014,4	66,1	24 135 019	20 591,0	1 172,1	1,14	17,73
Северо-Западный	402 312	6 684,3	60,2	7 803 750	7 237,4	1 078,3	1,08	17,91
Южный	230 255	5 850,8	39,4	4 896 268	7 684,4	637,2	1,31	16,19
Северо-Кавказский	73 692	2 604,0	28,3	1 797 972	4 058,0	443,1	1,56	15,66
Приволжский	704 441	14 242,8	49,5	10 375 870	14 471,0	717,0	1,02	14,50
Уральский	522 489	5 720,0	91,3	9 354 739	6 029,9	1 551,4	1,05	16,98
Сибирский	467 359	8 784,6	53,2	7 133 872	8 919,1	799,8	1,02	15,03
Дальневосточный	234 929	3 169,5	74,1	3 756 642	3 151,2	1 192,1	0,99	16,08
Итого (по округам)	3 826 371	65 070,36	58,8	69 254 132	72 142,0	960,0	1,11	16,33

30 % (в сравнении с 2000 г.), не стимулировало опережающий прирост производительности труда, что отражено в таблице 3.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении Северо-Кавказского федерального

округа (СКФО), где за последние 17 лет численность занятых увеличилась на 56 %, однако, прирост производительности труда ниже, чем в ЮФО. Вероятно, проблема состоит не в отсутствии государственной поддержки (напро-

Структура ответов респондентов на вопрос о трудовой мобильности (готовности сменить место работы)

Причина смены места работы		Причина сохранения текущего места работы	
Вариант ответа	Доля, %	Вариант ответ	Доля, %
Нормированный рабочий день (не более 8 часов), пятидневная рабочая неделя, гарантированные выходные и праздничные дни. Гарантированная средняя заработная плата, возможность получения премии. Отсутствие лишней ответственности	38,7	Стабильная (средняя или ниже средней) заработная плата, стабильный график. Привычная трудовая ответственность, привычный коллектив. Хорошие отношения с руководством или подчиненными	46,4
Ненормированный рабочий день (от 4 до 10 часов), ненормированная рабочая неделя, но гарантированные выходные (1–2 в неделю). Гарантированная заработная плата выше среднего, возможность получения премии. Дополнительная ответственность	38,7	Привычная работа и ответственность, нормальная (средняя / ниже средней) для работника оплата труда и привычный график. Сложившийся коллектив, отсутствие необходимости привыкания к новым сотрудникам. Отношения с руководством или подчиненными не влияют на восприятие работы	36,2
Ненормированный рабочий день (от 4 до 10 часов и более), ненормированная рабочая неделя, но гарантированный выходной (1 в неделю). Заработная плата (выше среднего) и премиальные гарантированы только при условии выполнения плана работы. Повышенная ответственность	9,7	Высокая оплата труда (значительно выше среднего уровня), персональная организация труда, индивидуальные бонусы по итогам месяца/квартала/года. Привычный коллектив, хорошие отношения с руководством или подчиненными	13
Ненормированный рабочий день (от 8 до 10 часов и более), ненормированная рабочая неделя, но гарантированные выходные (не менее двух в месяц). Заработная плата (значительно выше среднего) и премиальные выплаты зависят от выполнения плана работы и инициативности (креативности) работника. Очень высокая ответственность	12,9	Высокая оплата труда (значительно выше среднего уровня), персональная организация труда, индивидуальные бонусы по итогам месяца/квартала/года, дополнительные преференции от руководства (руководителя). Это компенсирует трения с коллективом или руководством, отсутствие стабильного графика, высокий уровень ответственности	4,4
Расчетный <i>t</i> -критерий Стьюдента 16,08 (кол-во степеней свободы — 6) Табличный <i>t</i> -критерий Стьюдента 2,447 (при $p = 0,05$) $16,08 > 2,447$			

тив, СКФО — один из наиболее дотационных регионов), а в слабых формальных институтах (Кавказ и Юг России живут преимущественно традициями, т. е. неформальными нормами и правилами, сформированными вследствие традиций), которые не стимулируют рост трудовой активности в субъектах.

Свердловская область и Екатеринбург занимают 11 место в рейтинге регионов по качеству жизни [10]. Несмотря на то, что численность занятых в экономике Уральского федерального округа (УФО) за 17 лет возросла всего на 5 %, — это третий регион по темпам прироста производительности труда после Центрального и Северо-Западного федеральных округов, как указано в таблице 3. Данный аспект сыграл главную роль при выборе авторами региона для проведения эмпирического исследования. Между тем социально-экономическое развитие субъектов, входящих в УФО, не является равномерным. Вместе с тем Екатеринбург — типичный промышленный город, значительно удаленный от экономических центров страны (Москвы и Санкт-Петербурга). Поэтому сведения, полученные авторами, в определенной мере можно экстраполировать и на другие

российские города со сходной социально-экономической спецификой развития.

Авторами статьи определено четыре ключевых аспекта, которые могут влиять на уровень производительности труда: трудовая мобильность, мотивация к трудовой мобильности, субъективное отношение к распределению социально-экономических благ, стремление к профессиональному развитию для увеличения собственных выгод и, соответственно, повышения производительности труда. Рассмотрим полученные результаты подробнее.

Итак, на первый вопрос о трудовой мобильности 69 человек из 100 ответили, что не готовы сменить текущее место работы. Только 31 % опрошенных указали, что готовы перейти на другое предприятие (в организацию или учреждение). Ответы на вопрос о мотивации и причине (предлагалось сообщить одну) смены места работы или сохранении текущего места работы примерно одинаковы, что подтверждают показатели, рассчитанные и приведенные авторами в таблице 4.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что респонденты, которые не готовы к смене места работы, в качестве основной причины

**Структура ответов респондентов на вопросы о субъективном понимании справедливости
и готовности к изменениям**

Считаете ли Вы справедливой (соответствующей уровню знаний, умений, навыков) оплату Вашего труда?		Готовы ли Вы повысить свой уровень знаний, умений, навыков (прочих способностей), чтобы получать более высокую оплату труда на этом же предприятии/в организации или другом предприятии/организации?	
Вариант ответа	Доля, %	Вариант ответа	Доля, %
Скорее всего, что да, оплата моего труда справедлива	14	Вероятно, да, готов (готова) повысить свои знания, умения, навыки для получения более высокой оплаты труда	12
Скорее всего, что нет, оплата моего труда не справедлива	64	Вероятно, нет, не готов (не готова) повысить свои знания, умения, навыки для получения более высокой оплаты труда	75
Не могу (не уверен) или затрудняюсь ответить	22	Не могу (не уверен) или затрудняюсь ответить	13

указывают не экономические факторы (высокая оплата труда, премиальные), а социально-психологические (привычная работа, привычная и, как правило, невысокая ответственность). Фактически это означает, что они определили для себя так называемую зону комфорта в рамках сложившегося формального института занятости по найму.

Респонденты, которые готовы сменить место работы, ориентированы на повышение заработной платы (не ниже средней) и дополнительные премиальные выплаты. Но при этом социально-психологические аспекты и комфортные условия труда (например, нормированный рабочий день либо отсутствие дополнительной ответственности) не всегда являются факторами первого выбора. Таким образом, для мобильных трудящихся по найму в первую очередь важна возможность улучшения благосостояния за счет трудовой активности. Немобильные трудящиеся по найму чувствительны к социально-психологической комфортности трудовой деятельности, экономические стимулы для них вторичны.

Иными словами, можно предположить, что в субъектах с наиболее высокими темпами прироста производительности труда значительная доля занятых характеризуется трудовой мобильностью, готовностью нести дополнительную трудовую ответственность в обмен на отказ от абсолютно комфортных условий труда. В регионах, где темпы роста производительности труда ниже, а прирост занятых выше, видимо, складывается иная ситуация, причина которой состоит во влиянии неформальных институтов и силе традиций. Рассмотрим субъективное отношение респондентов к социально-экономической справедливости, их стремление к изменениям для профессионального роста и когнитивного развития.

Вторая часть опроса — о субъективном восприятии справедливости и стремлении к развитию. Последнее характеризуется нами как осознанное желание индивида изменить качество своей жизнедеятельности, а путем повы-

шения производительности труда — и то, что он считает для себя несправедливым (уровень оплаты труда). Распределение ответов на соответствующие вопросы представлено в таблице 5, составленной авторами.

Итак, всего 14 % (14 респондентов из 100) считают оплату своего труда справедливой, т. е. согласны со сложившейся системой распределения социальных и экономических благ в обществе. Однако 64 человека не удовлетворены уровнем оплаты своего труда, не считают ее справедливой, соответствующей их уровню знаний, умений и навыков. При этом из 69 человек, которые не готовы сменить текущее место работы, 35 (51 % от всей численности немобильных трудящихся по найму) ответили, что не удовлетворены уровнем оплаты труда.

Фактически более половины респондентов, не удовлетворенных уровнем оплаты труда и не считающих, что система распределения благ в обществе справедлива (т. е. соответствует способностям и потребностям индивидов), не готовы выйти из так называемой зоны комфорта, чтобы изменить положение (например, путем смены места работы). Более того, 75 человек из 100 ответили, что не готовы развиваться (увеличивать объемы знаний, умений и навыков) с целью более высокой оплаты труда. Отсутствие трудовой мобильности можно считать и причиной низкой когнитивной активности трудящихся по найму, что негативно влияет на уровень производительности труда в национальной экономике.

Таким образом, целесообразно, на наш взгляд, сделать вывод о том, что технологический фактор низкой производительности труда напрямую сопряжен с человеческим фактором, который свидетельствует о низкой готовности трудящихся по найму к изменениям, что сохраняет высокую социальную и экономическую инерцию. Из 63 респондентов с высшим образованием лишь 16 не считают необходимым повышать уровень знаний, умений или навыков для получения более высокого дохода. Следовательно, индивиды, имеющие более вы-

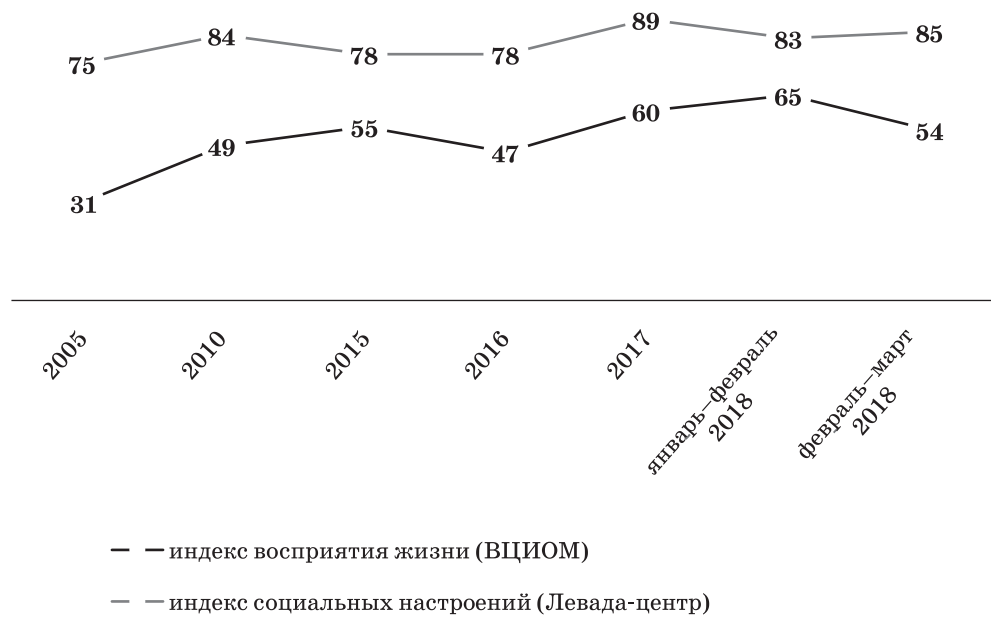

Рис. 2. Социально-экономические индикаторы и индексы социального самочувствия российского общества [15–16].

сокий уровень образования, в большей степени склонны к развитию, нежели респонденты с более низким уровнем образования. В целом наш вывод не противоречит результатам, полученным при проведении российских и зарубежных социологических исследований [11–13].

Анализ мнений более широкой аудитории респондентов (на основе сведений ВЦИОМ и «Левада-центра»), в частности ответов на вопрос о том, насколько опрошенных устраивает их жизнь, показывает, что понимание социальной и экономической несправедливости начинает нарастать. При этом индекс социальных настроений нестабилен, что указывает, во-первых, на общественные противоречия, во-вторых, не позволяет, в том числе трудящимся по найму, выстраивать долгосрочные планы на жизнь. С институциональной точки зрения [14] данное обстоятельство определяет социальную и экономическую инертность общества, что находит отражение на рисунке 2.

Становится очевидным тот факт, что формальные и в большей степени неформальные институты определяют отношение индивидов к общественному устройству, своему труду, экономическим процессам и научно-техническому прогрессу. Соответственно, наряду с необходимыми мерами по техническому обновлению и изменению отраслевой структуры российской экономики требуются институциональные изменения, которые должны быть направлены на стимулирование работоспособного населения к повышению производительности труда и увеличению своей когнитивной (знаниево-познавательной профессиональной) активности, что является ключевым условием построения социально-экономических отношений нового типа (знаниевая цифровая экономика и информационное общество).

Возникает вопрос о том, какие меры целесообразно предпринять, чтобы снизить инертность развития российского общества и экономики. Совокупность полученных нами данных указывает на то, что следует трансформировать отношение населения к труду. Однако, учитывая низкую эффективность экономического стимулирования, принимая во внимание тот факт, что темпы роста оплаты труда в последние годы опережали темпы роста производительности труда в российской экономике, решить данную проблему только путем повышения заработной платы не представляется возможным. Следовательно, необходимо трансформировать восприятие труда (его результатов) у экономически активного населения. Оптимальным дополнением к неинституциональной парадигме, вероятно, будут положения поведенческой экономики.

Поведенческая экономика и неинституциональная парадигма исходят из одного постулата — все индивиды ограниченно рациональны в своих действиях и принимают решения в условиях асимметрии информации, что подталкивает их к формулированию вывода в пользу относительно предсказуемых краткосрочных перспектив, нежели планированию жизни на долгосрочную перспективу. Д. Канеман и Р. Талер, получившие Нобелевскую премию по экономике, показали в своих работах [17–18], что текущая неопределенность искажает у людей восприятие действительности и заставляет завышать или занижать ожидания от будущей жизни. Более того, Р. Талер предложил концепцию, которую определил как подталкивание (*mudging*). Он показал в соавторстве с К. Санстейном, что меры прямого регулирования социальных и экономических отношений (т. е. формальные институты) в меньшей степени

стимулируют людей к правильному (с точки зрения сохранения позитивной общественно-экономической динамики в условиях относительной свободы выбора и конкуренции) [19]. Это означает, что воздействовать на поведение, в том числе и трудящихся по найму, возможно через неформальные институты путем подталкивания к принятию правильных решений, ориентированных на средне- и долгосрочную перспективу.

В контексте исследуемой нами темы, определяя производительность труда как результат, обеспечивающий трудящемуся сумму благ, необходимую для нормальной жизнедеятельности, и, что важнее, гарантирующий ему защиту от различных социальных рисков, контекст социальных рисков, которые нивелирует высокая результативность труда, целесообразно рассматривать как ключевой источник подталкивающих стимулов. В настоящее время государство (путем создания специальных институтов и норм для работодателей) принимает для себя значительную часть обязательств по устранению социальных рисков. Для этого созданы три внебюджетных (но дотационных) государственных Фонда (обязательного медицинского страхования, социального страхования и пенсионный). Не оспаривая значимость этих институтов для сохранения социальной стабильности, следует отметить, что фактически государство самостоятельно и без участия трудящихся, а также неработающих граждан реализует меры по снижению социальных рисков.

Вместе с тем уровень социального иждивенчества возрастает, а уровень производительности труда остается относительно низким. Система государственной социальной поддержки и социального обеспечения важна, крайне необходима в современном гуманистическом обществе. Но одновременно следует пересмотреть подходы по страхованию социальных рисков, подталкивая и трудящихся, и неработающих граждан к самостоятельному принятию решений по обеспечению своего будущего, что реализуется за счет создания персональных страховых планов (в первую очередь плана пенсионного и медицинского страхования).

Фактически и трудящиеся, и неработающие граждане должны иметь возможность самостоятельного выбора мер по страхованию социальных рисков. Более того, разумно предусмотреть не только первичный выбор персональных страховых планов, но и их пересмотр, и пролонгацию — ежегодно или периодически. Кроме того, необходимо делегировать трудящимся обязанности по самостоятельной оплате персональных страховых планов в рамках сложившихся планов обязательных отчислений, выплату которых в зависимости от уровня оплаты труда в настоящее время производят

работодатели. Это позволит трудящимся видеть итоги профессиональной деятельности и соотносить их с вероятными социальными рисками (болезнью, временной или полной утратой работоспособности), а также заставит их понимать механизмы противодействия этим рискам, которые будут напрямую взаимосвязаны с результатами их трудовой активности.

Не следует забывать о мерах подталкивания в категории неработающих либо самозанятых граждан, не афиширующих доходы. Для этой группы индивидов следует не только разработать льготные условия налогообложения экономической деятельности (в частности, для сферы персональных услуг и фрилансеров не так давно введена платежная система налогообложения, не позволившая, однако, сократить «серый актор» занятости в российской экономике), но и стимулировать их к самостоятельному покрытию части социальных рисков. Это возможно реализовать при сокращении перечня медицинских услуг, доступных по полису ОМС (например, путем создания специальных страховых медицинских программ с базовым перечнем видов медицинской помощи, которую могут получить индивиды, скрывающие доходы от налогообложения). Чтобы избежать социальной дискриминации, важно установить прямую взаимосвязь между системами налогообложения для самозанятых граждан, фрилансеров, не имеющих юридически оформленного предпринимательства и постоянного места работы, и индивидуальными программами по страхованию социальных рисков.

Нельзя не учитывать, что основная часть экономически активного населения (особенно трудящиеся и неработающие граждане предпенсионного возраста) не в полной мере понимают сущность и назначение персональных планов пенсионного, социального или медицинского страхования. Это связано с тем, что неформальный институт делегирования государству обязательств по предотвращению тех или иных социальных рисков в большей степени устойчив и традиционен в современной России, нежели нормы и правила персональной ответственности граждан за свое будущее [20–21].

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, в российском обществе сохраняется высокая социальная и экономическая инертность, обусловленная сложившейся институциональной структурой и негативно влияющая на производительность труда и восприятие индивидами результатов своей профессиональной (трудовой) активности. Во-вторых, российское государство принимает на себя чрезмерные обязательства по нивелированию социальных рисков, не делегируя ответственность за буду-

щее трудящимся и неработающим гражданам. Это не подталкивает экономически активное население к принятию целесообразных и необходимых решений по обеспечению своего будущего, и эти решения могли бы оказать позитивное влияние на производительность труда. В-третьих, формальные институты по страхованию социальных рисков (Фонд обязательного медицинского страхования, Фонд социального страхования РФ, Пенсионный фонд РФ) нуждаются в модернизации за счет перехода от уравнивающих к персонализированным планам, напрямую или опосредованно взаимосвязанных с результатами трудовой активности населения.

В данной статье предпринята попытка исследовать причины низкой производительности труда в контексте неоинституциональной экономической теории, а также изложен общий перечень решений, направленных на интенсификацию трудовой активности работоспособного населения (с использованием некоторых положений поведенческой экономики). В дальнейшем планируем исследовать и конкретизировать меры подталкивания работоспособного населения к повышению производительности труда за счет модернизации и совершенствования институтов, созданных государством для нивелирования социальных (общественных) рисков.

Литература

1. Акаев А. А., Ануфриев И. Е., Кузнецов Д. И. О стратегии инновационно-модернизационного развития российской экономики // Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 178–209.
2. Акиндинова Н. В., Кузьминов Я. И., Ясин Е. Г. Экономика России: перед долгим переходом // Вопросы экономики. 2016. № 6. С. 5–35.
3. Ясин Е. Г. Развитие постсоветской экономики: из прошлого в будущее // Вопросы экономики. 2017. № 6. С. 5–21.
4. Dohmen T. Behavioral Labor Economics: Advances and Future Directions // Labour Economics. 2014. Vol. 30. P. 71–85. DOI: 10.1016/j.labeco.2014.06.008.
5. Ehrenberg R. G., Smith R. S. Modern Labor Economics: Theory and Public Policy. L.; N. Y., 2015. 688 p.
6. Gneezy U., List J. A. Putting Behavioral Economics to Work: Testing for Gift Exchange in Labor Markets Using Field Experiments // Econometrica. 2006. Vol. 74, no. 5. P. 1365–1384. DOI: 10.1111/j.1468-0262.2006.00707.x.
7. Rawls J. A Theory of Justice. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press. Cambridge, 1999. 560 p.
8. Трудовые ресурсы [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 08.04.2019).
9. Национальные счета [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения: 08.04.2019).
10. Качество жизни в российских регионах — рейтинг 2017 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. 2018. 14 февр. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html> (дата обращения: 25.04.2019).
11. Черешнев В. А., Васильева А. В., Коробицын Б. А. Оценка экономической эффективности государственных программ социальной направленности методами имитационного моделирования // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16, № 1 (460). С. 174–187. DOI: 10.24891/ea.16.1.174.
12. Durdiev S., Ismail S., Kandymov N. Structural Equation Model of the Factors Affecting Construction Labor Productivity // Journal of Construction Engineering and Management. 2018. Vol. 144, no. 4. DOI: 10.1061/(ASCE)CO.1943-7862.0001452.
13. Manyika J., Chui M., Miremadi M., I. Bughin J., George K., Wilmott P., Dewhurst M. A Future that Works: Automation, Employment and Productivity. San Francisco, CA: McKinsey Global Institute, 2017. 148 p.
14. Аузан А. Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с.
15. Социально-экономические индикаторы [Электронный ресурс] // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/> (дата обращения: 25.04.2019).
16. Индексы социального самочувствия. 2018 [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (дата обращения: 25.04.2019).
17. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
18. Thaler R. H. Misbehaving: The Making of Behavioral Economics. N. Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2015. 432 p.
19. Thaler R. H., Sunstein C. R. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth and Happiness. New Haven, London: Yale University Press, 2008. 293 p.
20. Зоилов К. Х., Рязанцев С. В., Гневашева В. А. К проблеме формирования новой эволюционной модели российского рынка труда в условиях интеграции и глобализации. Ч. I // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 3 (37). С. 51–60.

21. Зойдов К. Х., Рязанцев С. В., Гневашева В. А. К проблеме формирования новой эволюционной модели российского рынка труда в условиях интеграции и глобализации. Ч. II // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 3 (37). С. 50–58.

References

1. Akaev A. A., Anufriev I. E., Kuznetsov D. I. O strategii innovatsionno-modernizatsionnogo razvitiya rossiyskoy ekonomiki [On the strategy of innovation and modernization of the Russian economy]. In: *Modelirovanie i prognozirovanie global'nogo, regional'nogo i natsional'nogo razvitiya* [Modeling and forecasting global, regional and national development]. Moscow: Librokom, 2011, pp. 178–209.
2. Akindinova N. V., Kuz'minov Ya. I., Yasin E. G. Ekonomika Rossii: pered dolгим perekhodom [Russia's economy: Before the long transition]. *Voprosy ekonomiki*, 2016, no. 6, pp. 5–35.
3. Yasin E. G. Razvitie postsovetsoy ekonomiki: iz proshlogo v budushchee [Post-Soviet economy development: From the past to the future]. *Voprosy ekonomiki*, 2017, no. 6, pp. 5–21.
4. Dohmen T. Behavioral labor economics: Advances and future directions. *Labour Economics*. 2014, vol. 30, pp. 71–85. DOI: 10.1016/j.labeco.2014.06.008.
5. Ehrenberg R. G., Smith R. S. *Modern labor economics: Theory and public policy*. London; N. Y.: Pearson Education Publ., 2015. 688 p.
6. Gneezy U., List J. A. Putting behavioral economics to work: Testing for gift exchange in labor markets using field experiments. *Econometrica*, 2006, vol. 74, no. 5, pp. 1365–1384. DOI: 10.1111/j.1468-0262.2006.00707.x.
7. Rawls J. *A theory of justice*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1999. 560 p.
8. *Labor force*. Official website of RF Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#. Accessed 08.04.2019. (in Russ.).
9. *National accounts*. Official website of RF Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/. Accessed 08.04.2019. (in Russ.).
10. *Quality of life in Russian regions — rating 2017*. RIA Rating. 14 Feb., 2017. Available at: <http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html>. Accessed 25.04.2019. (in Russ.).
11. Chereshev V. A., Vasil'eva A. V., Korobitsyn B. A. Otsenka ekonomicheskoy effektivnosti gosudarstvennykh programm sotsial'noy napravlenosti metodami imitatsionnogo modelirovaniya [Assessing the economic efficiency of socially oriented government programs by simulation modeling methods]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2017, vol. 16, no. 1 (460), pp. 174–187. DOI: 10.24891/ea.16.1.174.
12. Durdyev S., Ismail S., Kandymov N. Structural equation model of the factors affecting construction labor productivity. *Journal of Construction Engineering and Management*, 2018, vol. 144, no. 4. DOI: 10.1061/(ASCE)CO.1943-7862.0001452.
13. Manyika J., Chui M., Miremadi M., I. Bughin J., George K., Wilmott P., Dewhurst M. *A future that works: Automation, employment, and productivity*. San Francisco, CA: McKinsey Global Institute, 2017. 148 p. Available at: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/Digital%20Disruption/Harnessing%20automation%20for%20a%20future%20that%20works/MGI-A-future-that-works-Full-report.ashx>.
14. Auzan A. *Ekonomika vsego: kak instituty opredelyayut nashu zhizn'* [The economy of all: how institutions determine our lives]. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber, 2014. 160 p.
15. *Socio-economic indicators*. Levada-Center. Available at: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>. Accessed 25.04.2019. (in Russ.).
16. *Indices of social well-being*. 2018. Russian Public Opinion Research Center. Available at: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/. Accessed 25.04.2019. (in Russ.).
17. Kahneman D. *Thinking, fast and slow*. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
18. Thaler R. H. *Misbehaving: The making of behavioral economics*. N. Y.; London: W.W. Norton & Company, 2015. 432 p.
19. Thaler R. H., Sunstein C. R. *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. New Haven, London: Yale University Press, 2008. 293 p.
20. Zoidov K. Kh., Ryazantsev S. V., Gnevasheva V. A. K probleme formirovaniya novoy evolyutsionnoy modeli rossiyskogo rynka truda v usloviyakh integratsii i globalizatsii. Ch. I [To the problem of forming a new evolutionary model of the Russian labor market in the context of integration and globalization. Pt. I]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2013, no. 3 (37), pp. 51–60.
21. Zoidov K. Kh., Ryazantsev S. V., Gnevasheva V. A. K probleme formirovaniya novoy evolyutsionnoy modeli rossiyskogo rynka truda v usloviyakh integratsii i globalizatsii. Ch. II [To the problem of forming a new evolutionary model of the Russian labor market in the context of integration and globalization. Pt. II]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2013, no. 4 (38), pp. 50–58.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-43-49

УДК 330.3:658

Потемкин Валерий Константинович

*заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21, e-mail: socurp@list.ru*

Михайлов Сергей Григорьевич

*профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор социологических наук, профессор
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21, e-mail: socurp@list.ru*

Мурашов Сергей Борисович

*ректор Северо-Западного института повышения квалификации ФНС России,
доктор социологических наук, профессор
197342, Санкт-Петербург, Торжковская ул., д. 10, e-mail: szipk@nalogprof.ru*

Актуализация проблемы ресурсной составляющей в реализации стратегии развития предприятий обуславливает необходимость определения степени ее влияния на эффективность и качество труда, акцентирования внимания на формировании и использовании спектра социальных ресурсов. На материалах десятилетнего цикла сравнительных исследований, охватившего 19 предприятий промышленного комплекса Санкт-Петербурга, рассмотрены вопросы о воздействии ресурсной составляющей на эффективность реализации стратегических целей предприятия.

Цель. Обосновать механизм воздействия ресурсной составляющей на увеличение результативности работы, повышение эффективности реализации стратегии развития промышленных предприятий.

Задачи. Осуществить теоретический и эмпирический анализ проблемы использования социальных ресурсов промышленных предприятий, проанализировать риски их недостаточного управленческого сопровождения в условиях рыночного типа хозяйствования; разработать программу действий по оптимизации использования внутренних ресурсов для повышения эффективности работы промышленных предприятий.

Методология. Теоретико-методологическую основу исследования составляют разработки зарубежных и отечественных ученых в сфере изучения социально-трудовых отношений, развития трудового потенциала, совершенствования системы управления предприятиями, формирования практик поведения работников с целью повышения эффективности труда, а также методы опроса, экспертных оценок, контент-анализа.

Результаты. Дана практическая оценка социальных ресурсов промышленных предприятий по таким направлениям, как социальные ожидания работников, уровень межличностного и межгруппового доверия, приверженность целям и ценностям предприятия, возможности творческой и профессиональной реализации работников, восприятие справедливости вознаграждений, социально-психологический климат и др. Установлено, что невнимание к ресурсной составляющей провоцирует социально-психологический раскол, расхождение ценностных, духовно-нравственных позиций, целевых ориентиров в деятельности работников, снижение работоспособности. Обоснована важность скоординированных целей для каждого функционального подразделения; процедур непрерывного сбора и анализа информации о результатах работы предприятия; развития профессиональных знаний, навыков, умений и опыта работников; показана необходимость фиксации, оценки и управленческого сопровождения социально важных качеств работников.

Выводы. Полученные эмпирические данные позволяют разработать программу действий на промышленных предприятиях по фиксации, оценке и управленческому сопровождению социально важных качеств работников, оптимизации использования внутренних резервов, представляющих собой наиболее значимый ресурс стратегии развития предприятий.

Ключевые слова: социальные ресурсы, работники промышленных предприятий, эффективность, качество труда, стратегическое развитие, ценности.

Для цитирования: Потемкин В. К., Михайлов С. Г., Мурашов С. Б. Социальные ресурсы стратегии развития промышленных предприятий // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 43–49. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-43-49.

SOCIAL RESOURCES IN THE INDUSTRIAL ENTERPRISE DEVELOPMENT STRATEGY

Valeriy K. Potemkin

*St. Petersburg State University of Economics
Sadovaya St. 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023, e-mail: socurp@list.ru*

Sergey G. Mikhaylov

*St. Petersburg State University of Economics
Sadovaya St. 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023, e-mail: socurp@list.ru*

Sergey B. Murashov

*North-West Federal Tax Service Training Institute (Saint-Petersburg)
Torzhkovskaya St. 10, St. Petersburg, Russian Federation, 197342, e-mail: szipk@nalogprof.ru*

Mainstreaming of the issue of resources in the implementation of enterprise development strategies makes it necessary to determine the extent of its impact on the efficiency and quality of labor, with a focus on the formation and use of a whole range of social resources. The presented study is based on a decade of comparative research that covers 19 industrial enterprises across Saint Petersburg to examine the effects of resources on the efficiency of an enterprise in pursuing its strategic objectives.

Aim. The study aims to substantiate the way resources increase performance and improve the efficiency of development strategy implementation in industrial enterprises.

Tasks. The authors perform a theoretical and empirical analysis of the problem of using the social resources of industrial enterprises, analyze risks of insufficient management support in a market economy, and develop a set of measures aimed at optimizing the use of internal resources to increase the performance of industrial enterprises.

Methods. The theoretical and methodological basis of the study includes the interview method, expert assessment, content analysis, and findings of foreign and Russian scientists in the field of social and labor relations, development of labor potential, improvement of the enterprise management system, formation of behavioral practices among employees to improve labor efficiency.

Results. This study provides a practical assessment of social resources at industrial enterprises in terms of the social expectations of employees, the level of trust between individuals and groups, commitment to the goals and values of the enterprise, opportunities for creative and professional fulfillment, perception of the fairness of compensation, social and psychological climate, etc. It is established that disregard for the resource component leads to social and psychological division, divergence of values, spiritual and moral positions, employee performance benchmarks, and impaired productivity in general. The study substantiates the importance of coordinated goals for each functional unit; procedures for continuous collection and analysis of enterprise performance data; development of professional knowledge, skills, abilities, and experience; the need to identify, assess, and provide managerial support for the socially important qualities of employees.

Conclusions. The obtained empirical data make it possible to develop a set of measures for industrial enterprises to identify, assess, and provide managerial support for the socially important qualities of employees, and to optimize the use of internal reserves that are the most significant resource for the enterprise development strategy.

Keywords: social resources, industrial workers, efficiency, quality of labor, strategic development, values.

For citation: Potemkin V. K., Mikhaylov S. G., Murashov S. B. Sotsial'nye resursy strategii razvitiya promyshlennykh predpriyatiy [Social Resources in the Industrial Enterprise Development Strategy]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 43–49. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-43-49.

В деятельности современных предприятий все чаще обращается внимание на процессы взаимодействия различных профессионально-квалификационных и статусных групп работников, их способности и установки на повышение профессиональной квалификации, приобретение новых знаний и опыта работы, информационной доступности о своевременности и качестве принимаемых управленческих решений. По утверждению Ф. Гуияра и

Дж. Келли, процесс изменений в деятельности предприятий должен касаться не только стадий их жизненного цикла, конкурентоспособности, сферы технико-технологических преобразований, но и быть предметным по отношению к рефреймингу, реструктуризации, оживлению и обновлению [1, с. 18–19].

Известно, что рефрейминг нередко применяется в концепции нейролингвистического программирования, а в контексте нашего ис-

следования представляет собой иную точку зрения стратегии и тактики работы предприятия, иного подхода к принятию и реализации управленческих решений в условиях появления как внутренних, так и внешних факторов функционирования предприятий. Процессы реструктуризации охватывают не только традиционно исследуемые элементы производственной деятельности предприятий (рабочую силу, средства и предметы труда), но и социально-профессиональные интересы работников, их ценностные ориентации и предпочтения, изменения в организационной культуре предприятий и поведении тех или иных работников и профессиональных групп.

Предприятия необходимо рассматривать одновременно и как объект, и как субъект производственной деятельности, имеющие свой жизненный цикл, обусловленный различными обстоятельствами функционирования. С учетом этого важно помнить о том, что переход из одной стадии в другую всегда предполагает оживление, т. е. переоценку ориентиров, ценностей, социокультурного взаимодействия персонала, профессиональных и межпрофессиональных коммуникаций. Оживление приводит к обновлению личностных и коллективных позиций, процессов включенности работников в повышение эффективности и качества работы, что может выражаться в росте профессиональных компетенций и квалификации работников, духовности и нравственности, культуре взаимоотношений и социально-психологическом климате коллектива.

Данные показатели деятельности предприятий являются частью неиспользуемых резервов, которые во многом определяют философию производственной деятельности, способствуют формированию производственного профиля и места в конкурентной среде, отражают преобладающий стиль и культуру принятия управленческих решений и т. п. [2].

С. Г. Рубинштейн, исследуя проблему деятельности предприятий, сравнил ее с процессом, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему миру, другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь [3, с. 256–257]. С одной стороны, отсутствие внимания к ресурсам подобного рода в деятельности предприятий приводит, как правило, к увеличению просчетов в принятии управленческих решений, усталости персонала, профессиональному выгоранию, утрате таких качеств работников, как лояльность и приверженность предприятию. С другой — использование этих ресурсов способствует созданию ситуации, имеющей следующие особенности:

- научно-технические, технико-технологические, экономические элементы стратегии

развития предприятий дополняются социальной информацией, характеризующей человеческий капитал и возможные механизмы его вовлечения в процессы преобразования деятельности производственно-экономического комплекса;

- программа действий как необходимое условие реализации стратегии развития предприятий связывается с действиями индивидов, профессионально-квалификационных и статусных групп работников, что позволяет осуществлять и контроллинг программных действий, и оценку их эффективности по количественным и качественным показателям;
- в процессе производственно-экономической деятельности вырабатываются нравственно-этические, мотивационные и духовные регуляторы социального взаимодействия работников;
- посредством профессиональных и межпрофессиональных коммуникаций восполняется дефицит компетенций, умений и навыков работников;
- вовлечение социальных ресурсов в производственно-экономическую деятельность предприятий способствует формированию единой организационной культуры и преодолению ограниченности ранее сложившихся субкультур;
- формируемый стереотип поведения в системе организационной культуры предприятия обеспечивает интеграцию всех видов деятельности и снижает проявления различных рисков;
- процесс взаимодействия работников при подготовке и принятии управленческих решений служит не только показателем влияния социальных ресурсов на их эффективность и качество, но и создания условий непротиворечивого социально-психологического климата [4; 5; 6].

Ресурсная составляющая стратегии развития предприятий способствует также предметно-деятельностной и инновационной направленности управленческих и организационных функций. В частности, включает в себя функциональную составляющую, отражающую как сложившуюся структуру разделения и кооперации труда, так и прогнозируемую с учетом потенциальных возможностей коллектива; профессионально-квалификационную, которая обеспечивает рациональное распределение ресурсов за структурными подразделениями; социально-демографическую, характеризующую половозрастную структуру коллектива, его социальное здоровье, а также возможности применения труда работников в условиях перехода к более сложной и интенсивной деятельности; социально-политическую, означающую степень и соответствие миссии, целям

Оценка уровня доверия по профессионально-квалификационным и статусным группам работников

№ п/п	Уровень доверия по профессионально-квалификационным и статусным группам работников	Год проведения исследования		
		2008	2012	2018
		Уровень доверия, %		
1	Доверие руководителей предприятия заместителям	27.0	26.5	28.0
2	Доверие заместителей руководителю предприятия	17.0	19.5	22.0
3	Доверие заместителей руководителя предприятия начальникам структурных подразделений	9.0	10.5	11.0
4	Доверие начальников структурных подразделений заместителям руководителя предприятия	7.0	8.0	8.5
5	Доверие руководителей структурных подразделений работникам	54.0	48.0	50.0
6	Доверие работников структурных подразделений			
	руководителю структурного подразделения	52.0	52.0	55.0
	заместителю руководителя предприятия	12.0	11.0	10.0
	руководителю предприятия	5.0	5.5	7.0

и задачам развития предприятий, профессиональной и социальной активности работников; социально-психологическую, определяющую структуру ценностей, профессиональных ориентаций, межличностных и межгрупповых отношений и внутрипроизводственного поведения в различных ситуациях деятельности предприятий. Внимание к ресурсной составляющей стратегии деятельности предприятия усиливает приверженность и лояльность по отношению к нему работников, что выражено в стремлении оставаться членом социальной и производственной организации, вере в ценности, цели организации и согласии с ними, готовности прилагать значительные усилия во благо организации [7].

В процессе исследования, проведенного нами на 19 предприятиях промышленного комплекса Санкт-Петербурга, и опроса более 2 000 респондентов, в том числе в 2008 (714 человек), 2012 (640), 2018 (646) годах, выявлены устойчивые показатели доверия в деятельности предприятий, что подтверждают сведения, представленные в таблице 1.

Приведенные эмпирические данные свидетельствуют о социально-профессиональном расколе при функционировании предприятий, обусловленном различиями в социальных ожиданиях и реализации в производственной деятельности личностных и групповых ценностей, моральных и духовно-нравственных позиций, в условиях понимания роли в стратегии развития предприятий, распределении видов работы и поощрении за ее результаты.

Рыночный тип хозяйствования предполагает гибкость в использовании профессиональной квалификации, навыков и опыта каждого работника; формирование цивилизованных социально-трудовых отношений между работодателями и наемными работниками; развитие инициативы и предприимчивости, вовлечение работников в принятие и реализацию управ-

ленческих решений. Однако на практике этот ресурс используется явно не достаточно [8, с. 11]. Данное обстоятельство подтверждается различиями в поведении профессионально-квалификационных и статусных групп работников. Среди представителей руководящего состава того или иного предприятия поведение носит явно властный характер и в меньшей степени функционально-ролевой; в деятельности инженерно-технических работников (ИТР) — деятельный и инновационный; в деятельности рабочих основного и вспомогательного производства — адаптивный и деятельный, что свидетельствует о разбалансированности поведенческих установок и, как следствие, о различиях интересов работников.

На протяжении десятилетнего цикла исследования нами установлена различная степень восприятия управленческих решений теми или иными категориями работников по направленности, ресурсной обеспеченности, механизмам реализации, составу оценочных показателей ответственности работников и их исполнения, а также материального и морального вознаграждения. Данное восприятие является, по нашему мнению, оценочно-эмоциональной реакцией членов трудового коллектива на жесткость управления, несправедливость при распределении и поощрении за труд, унижение чувства собственного достоинства, столь характерного для ряда руководящих работников, которые игнорируют мнение подчиненных, не соотносят принимаемые решения с требованиями к профессиональным компетенциям, навыкам и опыту работы, физическому и социальному здоровью персонала. Эмоциональные реакции работников на управленческие решения могут стать причиной снижения либо повышения работоспособности любого человека, формирования его социально-психологического состояния, определяющего жизненный цикл работы на предприятии.

Полагаем, что использование социальных ресурсов в стратегии развития современных российских предприятий должно стать приоритетным. Однако следует иметь в виду, что в западных технологиях управления персоналом предприятий высказывается мнение о том, что необходимо переходить к нормативно-технологическому управлению, когда нет места эмоциональному восприятию управленческих решений; приоритет отдается инструкциям, предписаниям, технологическим схемам [9, р. 670]. Эту точку зрения поддерживают и отечественные исследователи, считающие, что стремления индивидов в достижении собственных профессиональных приоритетов, их наклонности, чувства, мнения и т. п. должны быть подчинены единому целому, т. е. предприятию, деятельность которого определяется высшим руководством [10, с. 79].

По нашему мнению, коллектив предприятия целесообразно рассматривать как профессиональное единство, но единство не абсолютное, подчиненное какому-то управленческому центру, а многообразное, единство множества профессионально-экономических элементов и соответствующих ресурсов: научно-технических, технико-технологических, организационных и социально-экономических. В этих условиях каждый работник преследует в процессе деятельности личные цели, определяет для себя механизмы их достижения, выстраивает поведение в отношении своего профессионального окружения и руководства. Целедостижение работника перекликается с целедостижениями других членов коллектива. Они дополняют друг друга, и, как следствие, формируются коллективный интерес, коллективные действия, коллективный результат.

Но, если работать исключительно по предписаниям и инструкциям, которые, как правило, имеют тенденцию к устареванию, можно наблюдать суженность профессиональных компетенций, сокращение и профессиональных, и межпрофессиональных коммуникаций, замкнутость работников на личных проблемах и ослабление участия в инновационных проектах, предполагающих совместное участие различных профессиональных групп. В настоящее время возникает объективная необходимость универсализации использования всех без исключения ресурсов, которыми располагает то или иное предприятие. Контекст универсализации ресурсов ранее был использован в работах С. Брюстера, но не получил развития [11].

Включенное наблюдение за деятельностью 19 современных промышленных предприятий позволило установить, что состав ресурсов зависит от представительства в структуре кадрового обеспечения профессионально-квалификационных и статусных групп работников,

обладающих набором собственных поведенческих ориентиров и установок на результат; от событий, характеризующих развитие уровня профессионализации работников на всех уровнях и этапах жизненного цикла предприятий; от преобладающих потребностей работников и возможности их удовлетворения на предприятии; от системы политических, экономических и социальных преобразований в системе общественных отношений, включая социально-трудовые отношения. Правоопределенность такого подхода к использованию социальных ресурсов в стратегии развития предприятий подтверждается показателем адаптивности к нововведениям. В частности, Х. П. Бенедикт отмечал, что такой ресурс, как адаптивность, проявляется в гибкости достижения цели и самоцели, взаимном доверии, стремлении к коллективным ценностям, в понимании и управлении собственными чувствами и мотивами, в представлении собственного «Я» на месте других индивидов [12, с. 109].

Итак, исследовательский интерес вызывает вопрос о ресурсной составляющей в стратегии развития предприятий, что обуславливает необходимость определения ее значения в повышении эффективности и качества работы всего коллектива, предполагает более тщательное рассмотрение проблемы формирования и использования спектра социальных ресурсов в целом. Стратегия предприятия часто разрабатывается с привлечением специализированных научных организаций или с участием среднего звена управления ввиду установочных показателей, характеризующих результативность производственной деятельности. В числе целей стратегии, как правило, не формулируются задачи эффективного использования социальных ресурсов. Исключением, на наш взгляд, является стратегия Total Quality Control (TQC), в которой наряду с общехозяйственными элементами, взаимодействием с поставщиками и потребителями, управлением производственным циклом, разработкой новых видов продукции внимание уделяется и взаимодействию профессионально-квалификационных групп работников. Фактически в основе их взаимодействия находятся скоординированные цели, обязательные для каждого функционального подразделения, организация кружков качества, контроллинг, процедуры непрерывного сбора и анализа информации о результатах работы предприятия.

В середине 1990-х гг., в период перехода к рыночным отношениям, в деятельности большинства предприятий преобладала стратегия, построенная на прибыльной мотивации [13], которая не учитывала социальные ресурсы, а скорее всего, игнорировала их, увеличивая при этом интенсивность труда и продолжи-

тельность рабочего времени. На этом этапе не учитывались работы целого ряда исследователей, которые в содержание стратегии ввели понимание не только целей и задач, сущность программы действий, но обозначили ресурсную составляющую, основанную на использовании человеческого фактора [14].

В модели Гарвардской школы бизнеса [15] при формулировании стратегии деятельности предприятий определялись ценности высшего руководства (этические нормы) и социальная ответственность. В «Школе стратегий» наряду с традиционными направлениями работы выделялись и такие, которые характеризовали систему обучения персонала, отношение к власти, рост профессиональных навыков, культуру поведения [16]. По сути, именно в этом исследовании раскрыты усилия работников предприятий, направленные на достижение стратегических целей и задач, введено понятие управленческой психологии, определены индексы, характеризующие знания и умения членов трудового коллектива, их навыки и опыт, ценности, ожидания и принципы взаимодействия в структуре социально-трудовых отношений. Ю. Н. Чанг и Ф. Кампо-Флорес в качестве структурного направления стратегии деятельности предприятий предложили решить задачу повышения уровня и качества жизни работников [17]. Но при этом возникает вопрос о возможности включения в процесс ее выполнения ресурсов, заложенных в деятельности различных категорий работников.

Итак, нами установлено, что у 68,6 % ИТР развиты свойства исполнительности и аккурат-

ности. На необходимость повышения квалификации и переподготовки указали 77,0 %. Кроме того, выяснилось, что 70,7 % опрошенных не участвуют в обсуждении проблемных вопросов и не следят за ходом событий на предприятии. 61,0 % сообщили о физической усталости в процессе трудовой деятельности. По словам 56,0 % участников опроса, наблюдается несоответствие работы профессиональным возможностям. 53,0 % отметили, что отсутствует возможность проявления инициативы, творчества, самостоятельности при выполнении производственных функций. 70,0 % респондентов поставили под сомнение справедливость в оплате труда, а 82,0 % — подчеркнули, что на предприятиях отсутствуют условия для нестандартных инновационных решений.

В среде рабочих 55,0 % озадачены своим материальным положением, у 72,0 % опрошенных установка на повышение сложности своего труда. 27,4 % граждан боятся проявлять инициативу (по принципу «инициатива наказуема») из-за возможности потерять работу. Из общего числа респондентов (N = 784) 57,0 % считают необходимым изменить систему финансового управления, 60,5 % — систему управления персоналом, 22,0 % — систему организации производства, 18,5 % — систему контроля выполнения работ, 85,0 % — стиль и методы управления коллективом предприятий. Учитывая изложенное, представляется актуальной работа по фиксации, оценке и управленческому сопровождению социально важных качеств работников, как наиболее значимый ресурс стратегии развития предприятий.

Литература

1. Гуияр Ф., Келли Дж. Преобразование организации. М.: Дело, 2000. 375 с.
2. Kotler P. Marketing Management: Analysis, Planning and Control. NJ: Prentice Hall, 1980. 722 p.
3. Рубинштейн С. Г. Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957. 328 с.
4. Потемкин В. К., Михайлов С. Г. Управление персоналом: социокультурные трансформации, социальный мониторинг. СПб.: Инфо-Да, 2015. 426 с.
5. Потемкин В. К. Самоактуализация профессиональной деятельности работников предприятий. СПб.: Инфо-да, 2018. 213 с.
6. Потемкин В. К. Способности и роли личности в профессиональной деятельности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. 160 с.
7. Porter M. E. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. N. Y.: The Free Press, 1985. 557 p.
8. Ельмеев В. Я. Теория и практика социального развития: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 397 с.
9. Griffin R. W. Relationships Among Individual, Task Design and Leader Behaviour Variables // Academy of Management Journal. 1988. Vol. 23, no. 4. P. 665–683. DOI: 10.5465/255555.
10. Гумплович Л. Социология и политика. М.: Д. А. Бонч-Бруевич, 1895. 124 с.
11. Brewster C. Strategic Human Resource Management: The Value of Different Paradigms // Management International Review. Journal of International Business. 1999. Vol. 39, no. 3. P. 45–64. DOI: 10.1007/978-3-322-90993-0_5.
12. Бенедикт Х. П. Метод восьми М: новая формула успеха в менеджменте. Штутгарт: Дойчер Шпаркассен Ферлаг, 2000. 136 с.
13. Градов А. П., Кузин В. И., Федотов А. В. Стратегия и тактика антикризисного управления фирмой. СПб.: Специальная литература, 1996. 510 с.
14. Chandler A. D. Strategy and Structure: Chapters in the History of the Industrial Enterprises. Cambridge: MIT Press, 1962. 633 p.

15. Christensen C. R., Andrews K. R., Bower I. L. *Business Policy: Text and Cases*. Homewood: Irwin, 1960. 678 p.
16. Минцберг Г., Куин Дж. Б., Гошал С. Стратегический процесс. СПб.: Питер, 2001. 684 с.
17. Chang Y. N., Campo-Flores F. *Business Policy and Strategy, Text and Cases*. Santa-Monica: Good year Publishing Company, 1980. 684 p.

References

1. Gouillart F. J., Kelly J. N. *Transforming the organization*. N. Y.: McGraw-Hill Book Co., 1995. 323 p. (Russ. ed.: Gouillart F., Kelly J. *Preobrazovanie organizatsii*. Moscow: Delo, 2000. 375 p.).
2. Kotler P. *Marketing management: Analysis, planning and control*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1980. 722 p.
3. Rubinshteyn S. G. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1957. 328 p.
4. Potemkin V. K., Mikhaylov S. G. *Upravlenie personalom: sotsiokul'turnye transformatsii, sotsial'nyy monitoring* [Human resource management: Sociocultural transformations, social monitoring]. St. Petersburg: Info-Da, 2015. 426 p.
5. Potemkin V. K. *Samoaktualizatsiya professional'noy deyatel'nosti rabotnikov predpriyatiy* [Self-actualization of professional activity of enterprise employees]. St. Petersburg: Info-Da, 2018. 213 p.
6. Potemkin V. K. *Sposobnosti i roli lichnosti v professional'noy deyatel'nosti* [Abilities and roles of a personality in professional activity]. St. Petersburg: SPbSU, 2019. 160 p.
7. Porter M. E. *Competitive advantage: Creating and sustaining superior performance*. N. Y.: The Free Press, 1985. 557 p.
8. El'meev V. Ya. *Teoriya i praktika sotsial'nogo razvitiya: sb. nauch. tr.* [Theory and practice of social development: Coll. sci. pap.]. St. Petersburg: SPbSU, 2004. 397 p.
9. Griffin R. W. Relationships among individual, task design and leader behaviour variables. *Academy of Management Journal*, 1988. vol. 23, no. 4, pp. 665–683. DOI: 10.5465/2555555.
10. Gumplowicz L. *Soziologie und Politik*. Leipzig: Verlag von Dunder & Gumblot, 1892. 162 p. (Russ. ed.: Gumplowicz L. *Sotsiologiya i politika*. Moscow: D. A. Bonch-Bruevich Publ., 1895. 124 p.).
11. Brewster C. Strategic human resource management: The value of different paradigms. *MIR: Management International Review*, 1999, vol. 39, no. 3, pp. 45–64. DOI: 10.1007/978-3-322-90993-0_5.
12. Benedikt H-P. *Die 8-M-Methode: Eine neue Erfolgsformel im Management*. Stuttgart: Deutscher Sparkassen Verlag, 2000. 144 p. (Russ. ed.: Benedikt H-P. *Metod vos'mi M: novaya formula uspekha v menedzhmente*. Stuttgart: Deutscher Sparkassen Verlag, 2000. 136 p.).
13. Gradov A. P., Kuzin B. I., Fedotov A. V. *Strategiya i taktika antikrizisnogo upravleniya firmoy* [Strategy and tactics of company crisis management]. St. Petersburg: Spetsial'naya literature, 1996. 510 p.
14. Chandler A. D. *Strategy and structure: Chapters in the history of the industrial enterprises*. Cambridge: MIT Press, 1962. 633 p.
15. Christensen C. R., Andrews K. R., Bower I. L. *Business policy: Text and cases*. Homewood, IL: Irwin, 1960. 678 p.
16. Mintzberg H., Quinn J. B., Ghoshal S. *The strategy process: Concepts, context, cases*. London; N. Y.: Prentice Hall, 1998. 1036 p. (Russ. ed.: Mintzberg H., Quinn J. B., Ghoshal S. *Strategicheskii protsess. Kontseptsii, problemy, resheniya*. St. Petersburg: Piter, 2001. 684 p.).
17. Chang Y. N., Campo-Flores F. *Business policy and strategy, Text and cases*. Santa-Monica: Goodyear Publ. Co., 1980. 684 p.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-50-57

УДК 338:622.2

Вертакова Юлия Владимировна

заведующий кафедрой Юго-Западного государственного университета,
доктор экономических наук, профессор

305040, г. Курск, ул. Челюскинцев, д. 19, корп. 1, e-mail: vertakova7@yandex.ru

Евтюхин Антон Сергеевич

соискатель Юго-Западного государственного университета

305040, г. Курск, ул. Челюскинцев, д. 19, корп. 1, e-mail: anton.evtuhin@gmail.com

Статья посвящена вопросам осуществления политики импортозамещения в нефтяной промышленности российского государства. Поддержка отечественного производства — ключевая задача, указанная в послании Президента Российской Федерации (РФ) Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. В частности, в сложившейся экономической ситуации с учетом роли нефтяной промышленности для экономики России политика импортозамещения способна обеспечить выполнение решения намеченной Президентом РФ задачи.

Цель. Выявить проблемы и пути реализации политики импортозамещения в нефтяной промышленности России.

Задачи. Проанализировать научные публикации, которые посвящены импортозамещению и состоянию нефтяной промышленности в Российской Федерации на современном этапе развития; определить направления и сформулировать основные положения о трендах развития нефтяной промышленности; выявить препятствия, усложняющие задачу реализации политики импортозамещения в нефтяной промышленности; охарактеризовать условия, способствующие развитию инвестиционного процесса в нефтяной промышленности; предложить комплексные методики и пути интенсификации процессов инвестирования и оптимизации издержек предприятий нефтяной промышленности.

Методология. В статье с помощью общих методов научного познания, сравнительного и статистического анализа выявлены проблемы реализации политики импортозамещения в нефтяной промышленности.

Результаты. По результатам исследования текущего состояния и перспектив развития нефтяной промышленности авторами определены барьеры в развитии импортозамещения. Показано их влияние на потенциал импортозамещения, что негативно сказывается на перспективах интенсификации инвестиционных процессов. Предлагаются комплексные методики и механизмы, способные нивелировать влияние выявленных препятствий, что положительно отразится на формировании благоприятного инвестиционного климата.

Выводы. Определена ключевая роль инвестиционного климата и его воздействие на потенциал импортозамещения в нефтяной промышленности России, а также предложены пути преодоления негативных тенденций развития нефтяной промышленности.

Ключевые слова: импортозамещение, промышленная политика, нефтедобыча, нефтепереработка, политика импортозамещения.

Для цитирования: Вертакова Ю. В., Евтюхин А. С. Проблемы реализации политики импортозамещения в нефтяной промышленности // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 50–57. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-50-57.

Благодарности: Исследование выполнено на основе государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации № 26.3546.2017/ПЧ «Развитие фундаментальных основ анализа и прогнозирования структурно-динамических параметров региональной экономики на основе интеграции российского и мирового опыта управления территориальным развитием и современных научных доктрин».

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF AN IMPORT SUBSTITUTION POLICY IN THE OIL INDUSTRY

Yuliya V. Vertakova

Southwest State University (Kursk)

Chelyskintsev St. 19, Bld. 1, Kursk, Russian Federation, 305040, e-mail: vertakova7@yandex.ru

Anton S. Evtyukhin

Southwest State University (Kursk)

Chelyskintsev St. 19, Bld. 1, Kursk, Russian Federation, 305040, e-mail: anton.evtuhin@gmail.com

The presented study addresses the issues of implementation of an import substitution policy in the Russian oil industry. Support of domestic production is a key objective specified in the message of the President of the Russian Federation in 2019. In light of the current economic situation and considering the importance of the oil industry for the Russian economy, an import substitution policy could help achieve the objective set by the President.

Aim. The study aims to identify the problems and ways of implementation of an import substitution policy in the Russian oil industry.

Tasks. The authors analyze scientific publications on import substitution and the state of the Russian oil industry at the current stage of development; determine the directions and fundamental trends in the development of the oil industry; identify obstacles that hinder the implementation of an import substitution policy in the oil industry; describe conditions that facilitate the development of the investment process in the oil industry; propose comprehensive methods and ways to intensify investments and optimize costs for enterprises in the oil industry.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition, comparative and statistical analysis to identify problems in the implementation of an import substitution policy in the oil industry.

Results. Examination of the current state and development prospects of the oil industry allows the authors to identify obstacles to the development of import substitution. The study shows their impact on the potential of import substitution, which has a negative effect on the prospects of intensification of investment processes, and proposes comprehensive methods and mechanisms that could neutralize the impact of the identified obstacles, thus facilitating the formation of a positive investment climate.

Conclusions. Investment climate is shown to have a decisive impact on the potential of import substitution in the Russian oil industry, and ways of overcoming negative trends in the development of the oil industry are proposed.

Keywords: *import substitution, industrial policy, oil production, oil refining, import substitution policy.*

For citation: Vertakova Yu. V., Evtyukhin A. S. Problemy realizatsii politiki importozameshcheniya v neftyanoy promyshlennosti [Problems of Implementation of an Import Substitution Policy in the Oil Industry]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 50–57. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-50-57.

Acknowledgements: The study is conducted within the framework of the government task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 26.3546.2017/ПЧ Development of the fundamental principles of analysis and prediction of the structural and dynamic parameters of the regional economy on the basis of integration of Russian and foreign experience in the field of territorial development management and the current scientific doctrines.

В послании Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. В. В. Путин призвал осуществлять максимальную поддержку отечественных производителей, тем самым выступив за развитие политики импортозамещения и равного доступа к госзаказам [1]. Но позиция главы государства и правительства России, направленная на импортозамещение, не может преодолеть негативный экономический тренд в высокотехнологических отраслях экономики, положение которых в целом продолжает ухудшаться. Меры государственной поддержки в области импортозамещения, к сожалению, работают слабо [2].

Кроме того, понятие «импортозамещение» не определено в нормативно-правовом поле, что ограничивает разработку мер его стимулирования. Термин «импортозамещение» предлагаем трактовать как «сложное организационно-и технико-экономическое явление, состоящее в возможности отечественного производства номенклатур конечной или промежуточной (полуфабрикаты, сырье, материалы) продукции и замещение ими импорта во внутреннем потреблении. Это тип экономической стратегии и промышленной политики государства, направленный на замену импорта промышленных товаров, пользующихся спросом на

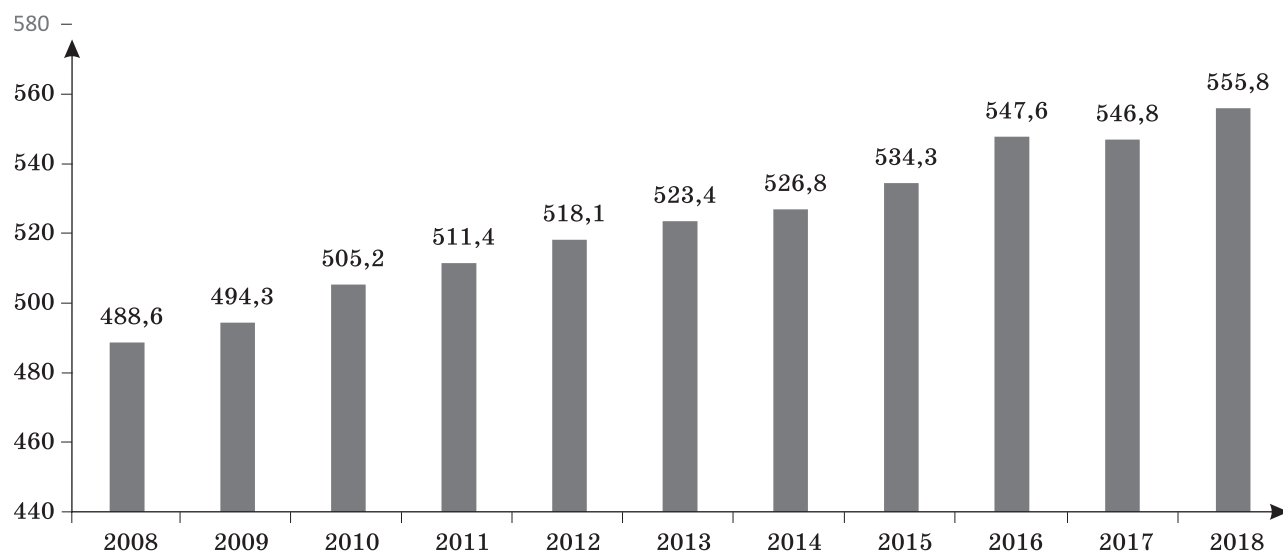

Рис. 1. Объемы добычи нефти в РФ в 2008–2018 гг., млн т

Источник: ОПЕС, ВР, ЕИА, Минэнерго РФ [4; 5].

внутреннем рынке, товарами национального производства» [3].

Нефтяная промышленность, учитывая ее положение в экономике России, может стать «проводником» политики импортозамещения и обеспечить спрос на продукцию отечественных товаропроизводителей. Однако для этого необходимо определить факторы, осложняющие развитие импортозамещения в нефтяной промышленности и пути ее реализации. Рассмотрение факторов, осложняющих реализацию политики импортозамещения в указанной отрасли целесообразно начать с тезиса о том, что выполнять роль проводника и способствовать развитию смежных с ней отраслей экономики нефтяная промышленность способна только при сохранении положительной динамики добычи и экспорта нефти и нефтепродуктов.

На 2018 г. суммарный объем добытой нефти, по среднестатистическим данным зарубежных организаций ОПЕС, ВР, ЕИА и Министерства энергетики РФ, составил 555,84 млн т, как показано на рисунке 1 [4; 5]. В 2018 г. добыча нефти в России увеличилась в сравнении с 2017 г. на 1,7 % [6], что обусловлено подготовкой к участию российского государства в договоре о сокращении объемов добычи со странами ОПЕК+. Анализ структуры экспорта позволяет выделить постепенный рост объемов экспорта нефти за рубеж. В 2018 г. он составил 260,2 млн т [6]. Показатель экспорта продуктов переработки продолжает снижаться прежде всего по причине уменьшения экспорта топочного мазута, что отчасти объясняется сложившейся системой экспортных пошлин и неактуальной системой налогообложения в нефтяной промышленности.

Фактором, осложняющим реализацию политики импортозамещения в перспективе, явля-

ется снижение объемов добычи нефти на фоне истощающихся месторождений с «легкой» нефтью. Компенсировать этот процесс могла бы широкомасштабная программа геологоразведки. Но ввиду одного из наиболее важных показателей в геологоразведке (геологической изученности территории Российской Федерации) наше государство значительно уступает странам Запада. К началу 2018 г. современными цифровыми картами, используемыми в целях прогнозирования ресурсов полезных ископаемых, в мелком масштабе (карты масштаба 1:1 000 000) обеспечено лишь 40–45 %, а в среднем (карты масштаба 1:200 000) — 20–25 % территории страны [6]. Крупномасштабное картирование (1:50 000), являющееся основой локального прогнозирования рудных полезных ископаемых, прекращено и не восстановлено до настоящего времени.

Территория стран США, Канады, Западной Европы на 100 % охвачена высокотехнологичным картированием. Значительных геологических открытий (новых разведанных месторождений), по оценкам руководства компании «Росгеология», не совершалось в последние 20 лет [7]. За последние 15 лет ежегодно открывалось около 55 месторождений со средними запасами на объекте лишь от 2,5 до 6,0 млн т [6]. Тем самым объем «свежих» запасов приращивался от 140 до 330 млн т [6], из них по промышленным категориям — всего 25–40 млн т (около 5 % от годового прироста). Нетрадиционные и трудноизвлекаемые виды и источники углеводородного сырья практически не изучаются. Отсутствует система геологического доизучения.

Компенсировать потенциальные угрозы недостаточной изученности территории России могли бы проекты технологического перевооружения основных средств объектов нефтяной

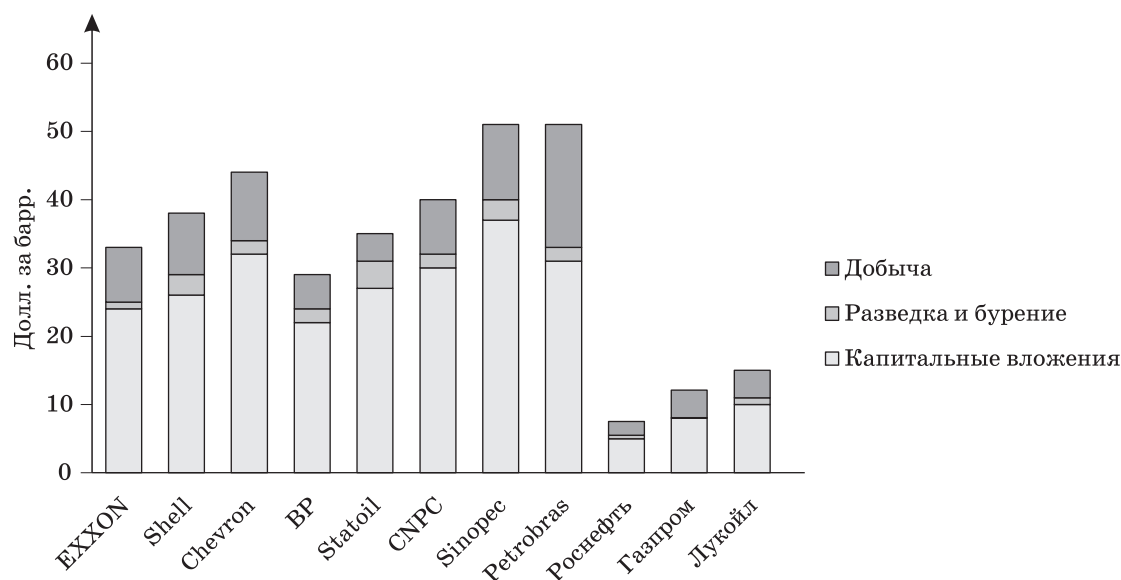

Рис. 2. Структура себестоимости добычи нефти для различных нефтяных компаний

Источник: [8].

промышленности. В данной отрасли экономики степень износа ведущих производственных фондов на 2018 г. — около 57,7 % [6], а в отношении некоторых нефтяных компаний достигает 70 % (ПАО АНК «Башнефть», АО «Самаранефтегаз»). Главная причина существующего состояния нефтяной промышленности — продолжительная ориентация (до 2000-х гг.) на процессы первичной переработки нефти. Спрос на мировом рынке на мазут, занимающий одно из ведущих мест среди экспортируемых российскими компаниями нефтепродуктов, замедляет процесс активного обновления основных производственных фондов.

Анализируя структуру себестоимости добычи нефти, обратим внимание на бизнес-процессы крупнейших отечественных и мировых нефтяных компаний [8]. По данным, представленным на рисунке 2, основную долю себестоимости добычи нефти составляют капитальные вложения в развитие производственной, технологической и транспортной инфраструктуры месторождений [8]. Меньшая себестоимость добычи нефти у отечественных компаний объясняется процессом приватизации готовой инфраструктуры нефтяной промышленности, созданной во времена СССР, а также значительно меньшей долей научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Объем капитальных вложений основных участников отрасли в 2018 г. равен 1,3 млрд руб. [6]. Большая часть инвестиций направлена на развитие сегмента нефтедобычи, что частично объясняет возрастание на 5,9 % (+1 166 тыс. м) в количественном отношении эксплуатационного бурения.

Большинство компаний не совершают долгосрочных и существенных капитальных вложений в фундаментальные исследования, опира-

ясь на инвестиции в проекты поддержания текущих объектов. Уровень инвестиций в НИОКР со стороны основных компаний остается крайне низким. Исключением являются ПАО «Лукойл» и ОАО «Сургутнефтегаз», что частично объясняется дефицитом масштабной поддержки этих компаний государством. Сравним объемы инвестиций в НИОКР ведущих отечественных компаний и зарубежных сырьевых корпораций, указанных на рисунке 3.

Относительно низкие совокупные инвестиции в НИОКР со стороны российских компаний также можно объяснить процессом девальвации отечественной валюты. Любые инвестиции в НИОКР сопряжены с приобретением передового оборудования для проведения НИОКР или технологий, что затруднено на современном этапе из-за действия международных санкций. Для отечественных компаний характерно приобретение готовых западных технологий, пригодных к быстрой интеграции в производственный процесс. Подавляющее число подобных технологий относится к процессу нефтедобычи.

Значимой проблемой для нефтяной промышленности является износ магистральных трубопроводов. В России создана одна из самых протяженных систем магистральных трубопроводов, которая достигает 230 тыс. км [9]. По данным Росстата, средняя степень износа магистральных трубопроводов составляет 20 % (срок эксплуатации превышает нормативные 30 лет), а промысловых нефтепроводов — около 40 %. При значении темпа замены труб в 2–3 % от общей величины на место качественного обновления пришел аварийный ремонт. Масштаб потенциальной угрозы развития становится понятен, учитывая, что около 80 % загрузки отечествен-

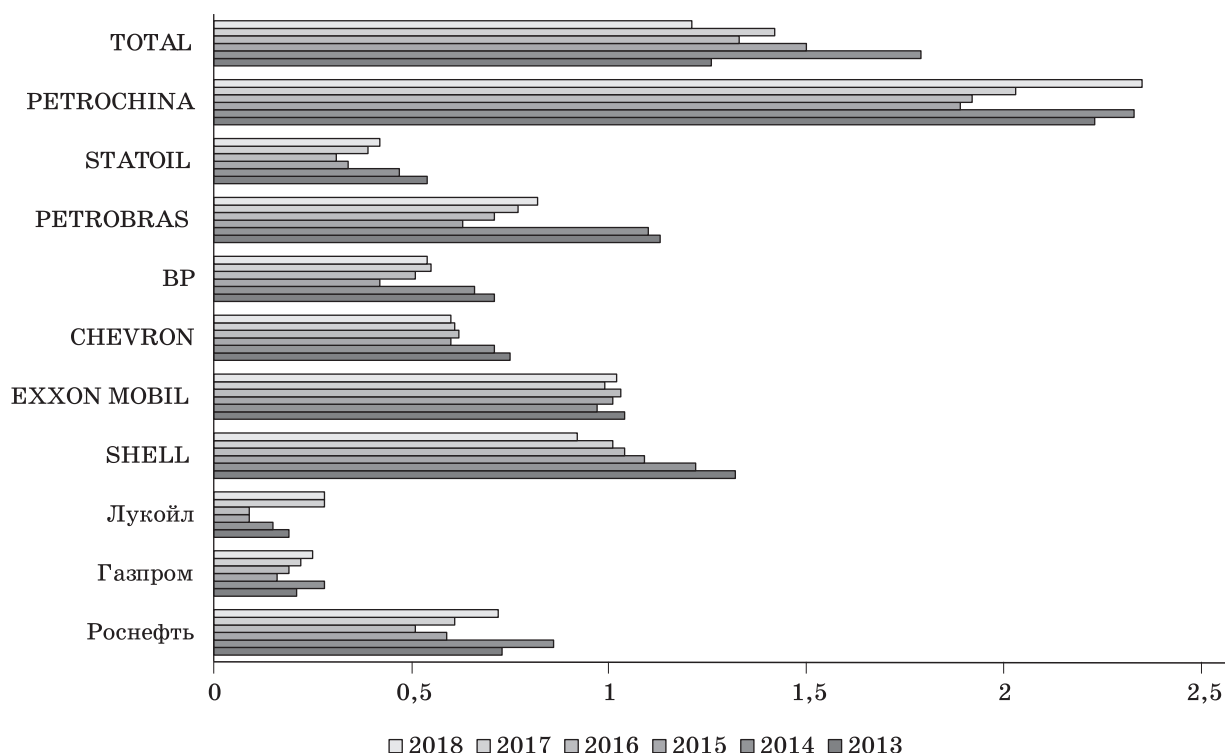

Рис. 3. Динамика объемов инвестиций в НИОКР представителей нефтяной промышленности в 2013–2018 гг., млрд долл.

Источник: составлено авторами на основании открытых данных компаний.

ной трубопроводной системы обеспечивают три компании: ПАО «НК «Роснефть», ОАО «Сургутнефтегаз» и ПАО «Лукойл», с долями 50,1 %, 15 % и 13,8 % соответственно [10]. По нетрубопроводной системе экспортируется только 20 млн т нефти (около 20 %).

Таким образом, целесообразно систематизировать комплекс факторов, которые следует учитывать при разработке системы мер по реализации политики импортозамещения в рассматриваемой отрасли. Во-первых, геологоразведка новых месторождений не осуществляется в масштабах, необходимых для обеспечения роста величины запасов углеводородного сырья, что в перспективе может повлиять на снижение объемов его добычи и экспорта и, как следствие, отразиться на доходах нефтяных компаний. Во-вторых, проекты технологического перевооружения осуществляются недостаточно интенсивно, что приводит к росту морально и технически изношенных основных фондов предприятий и не повышает степень глубины переработки нефти. Этот фактор формирует потенциал отложенного спроса на импортозамещающее оборудование и технологии, а также создает угрозу сокращения масштабов деятельности вертикально-интегрированных нефтяных компаний (ВИНК). В-третьих, в нефтяной промышленности усилиями отечественных нефтяных и нефтесервисных компаний не в полной мере развиваются перспективные технологии снижения величины эксплуатационных издержек

при добыче, геологоразведке, транспортировке и нефтепереработке, что влияет на объемы разработки и производство наукоемкого оборудования отечественной промышленностью. В-четвертых, проекты по развитию вторичных, третичных методов увеличения нефтеотдачи не осуществляются без помощи иностранных нефтесервисных компаний, деятельность которых ограничивается международными санкциями по отношению к нефтяной промышленности России. Это обстоятельство открывает возможности для развития внутренних импортозамещающих технологий.

В-пятых, факт доминирования темных нефтепродуктов в структуре ассортимента экспортируемых нефтяной промышленностью товаров косвенно характеризует неспособность существующих механизмов оказывать содействие процессу формирования спроса на импортозамещающую продукцию со стороны нефтяных компаний. В-шестых, транспортная система нефтяной промышленности требует значительных капитальных вложений в реконструкцию существующих и развитие новых направлений транспортировки, что ограничивает сбытовые возможности нефтяных компаний, их доходы и, как следствие, возможности инвестирования в импортозамещающую продукцию [11].

Охарактеризованные факторы тормозят процесс импортозамещения отраслевых технологий, на который сделан акцент в стратегии развития нефтяного сектора России. Кроме того, данные факторы ограничивают потенциал

импортозамещения в нефтяной промышленности, оцениваемый через систему показателей, характеризующих степень инновационного развития отраслей российской экономики [12].

В целях изучения вопроса о путях реализации и нивелирования барьеров развития политики импортозамещения необходимо определить условия для формирования благоприятного инвестиционного климата. Применение отечественных аналогов высокотехнологического оборудования при более низкой цене закупки и сопоставимом качестве должно привести к высвобождению денежного потока. Увеличение свободного денежного потока нефтяных компаний повышает потенциал инвестирования в новые машины и оборудование. Одновременное сокращение исследовательских и операционных издержек предприятий рассматриваемой отрасли экономики будет дополнительно способствовать интенсификации инвестиционного процесса и развитию импортозамещения. В связи с этим предлагаем провести ряд мероприятий.

1. Прежде всего требуется сокращение технологического отставания в области изучения запасов, методов извлечения и глубины переработки сырой нефти, а также преодоление низкого уровня вложений в развитие перспективных месторождений и технологическое развитие нефтяных компаний. Решение данной задачи возможно путем оптимизации затрат на геологоразведку запасов. Наибольший риск для инвестиций в данном сегменте отрасли заложен на начальных стадиях оценки потенциала проекта. Разработка интегрированной модели геолого-разведочных работ (ГРР) [13] способна обеспечить инвесторов объективными и подтвержденными данными. Это стимулирует валовые инвестиции в ГРР и сократит технологическое отставание в области изучения запасов, методов извлечения нефти, а также поможет переломить тенденцию к ухудшению сырьевой базы в количественных и качественных показателях на среднесрочном горизонте планирования.
2. Интенсификация инвестиционного процесса в нефтяной промышленности, проявляющаяся в преобладании технократичного подхода к развитию у большинства вертикально-интегрированных нефтяных компаний, скажется на преодолении технологического отставания отечественных нефтеперерабатывающих заводов и концентрации на выпуске более технологичных видов продукции.
3. Необходимо снижение энергоемкости основных производственных фондов нефтяной промышленности вследствие уменьшения показателя морального и технического изно-

са основных фондов компаний. На проблему значительной энергоемкости нефтяной промышленности обратил внимание Институт энергетической стратегии при подготовке «Энергетической стратегии развития России до 2035 года» [14]. В этом документе поставлены задачи и сформулированы главные направления развития энергосбережения в отечественной промышленности и топливно-энергетическом комплексе.

4. Приоритетным в современных условиях является совершенствование системы налогообложения нефтяной промышленности России и повышение ее потенциала в области стимулирования инвестиций в развитие отрасли. В действующей системе плательщиками налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) являются все юридические лица, осуществляющие пользование недрами. Наряду с НДПИ важным фискальным инструментом для нефтяной промышленности служит экспортная пошлина. Экспортная пошлина, в отличие от НДПИ, взимается с объема экспортируемых углеводородов. Система начисления данных налогов, исключительно фискальных инструментов, не способна стимулировать развитие инвестиционных процессов в нефтяной промышленности. Для стимулирования инвестиционных процессов, формирующих устойчивый спрос на импортозамещающую продукцию отечественных производств, целесообразно рассмотреть вопрос о полной замене НДПИ и экспортной пошлины единым налогом на добавленный доход (НДД), рассчитывая ставку налога как отношение накопленных за период доходов по месторождению к накопленным совокупным расходам, учитывающим капитальные вложения компаний.
5. Актуально и активное использование потенциала отраслевой науки как источника эффективных и конкурентоспособных технологий и средств производства для отечественной промышленности.

Один из ключевых факторов, способствующих формированию долгосрочной промышленной политики в России в современных рыночных условиях, — приоритетное развитие науки и техники [15]. Основной документ, регулирующий направление развития отраслевой науки, — постановление Правительства РФ № 301 от 15 апреля 2014 г. [16], в котором описаны долгосрочные, среднесрочные направления развития фундаментальной и прикладной (отраслевой) наук. Однако не включены в данное постановление проблемы формирования единой, финансово устойчивой структуры отраслевых научных институтов. Соответствующие проблемы рассматриваются в отраслевых программах

развития прикладной науки. Но характер предлагаемых ими рекомендаций остается узкоспециализированным и не подходит для определения стратегических направлений развития отраслевой науки. Формирование единой системы отраслевых институтов может способствовать развитию национальной инновационной системы. Государственные отраслевые институты зачастую ограничены в финансовых возможностях и напрямую зависят от дотаций из федерального бюджета. Зависимость от дотаций из государственных бюджетов различных уровней в большинстве случаев приводит к закрытию институтов. Корпоративный сегмент отраслевой науки ориентирован в своей деятельности на расширение патентной базы

корпораций. Развитие нормативно-правовой базы в области национальной инновационной системы и механизмов поддержки отраслевых институтов будет способствовать решению проблемы источников технологий и опытных образцов конкурентоспособных средств производства для отечественной нефтяной промышленности.

Таким образом, учет выявленных нами проблем и реализация перечисленных мероприятий помогут стимулировать развитие политики импортозамещения и, как следствие, обеспечить поддержку отечественных производителей в отраслях промышленности, смежных с нефтяной, и одновременно достижение цели, указанной Президентом РФ [11].

Литература

1. *Послание Президента Федеральному Собранию*. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://krem-lin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 15.05.2019).
2. *Голубев В.* Нужна системная промышленная политика [Электронный ресурс] // Эксперт. 2019. № 20 (1119). URL: <https://expert.ru/expert/2019/20/nuzhna-sistemnaya-promyshlennaya-politika/> (дата обращения: 15.05.2019).
3. *Плотников В. А., Вертакова Ю. В.* Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. 2014. № 11 (109). С. 38–47.
4. *BP Statistical Review of World Energy June 2018*. 67th ed. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (дата обращения: 10.05.2019).
5. *OPEC Annual Statistical Bulletin 2018* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thegulfintelligence.com/mediafiles/downloadfile/4833753a-f159-46f2-8dc0-f2335344ebe6.pdf> (дата обращения: 10.05.2019).
6. *Федеральная служба государственной статистики* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.05.2019).
7. «Росгеология» — серьезный инструмент в реализации Стратегии развития геологической отрасли России: интервью Романа Панова журналу «Экономика и ТЭК России» [Электронный ресурс] // Росгеология. 2014. 1 сент. URL: <http://www.rosgeo.com/ru/content/intervyu-romana-panova-zhurnalu-ekonomika-i-tek-rossii> (дата обращения: 15.05.2019).
8. *Сечин И.* Есть ли альтернатива сценарию «50–60»? [Электронный ресурс] // Эксперт. 2015. № 26–27 (950) URL: <https://expert.ru/expert/2015/27/est-li-alternativa-stsenariyu-50-60/media/267474/> (дата обращения: 07.05.2019).
9. *Российский статистический ежегодник: стат. сб.* 2018. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2018. 597 с.
10. *Основные итоги работы транспорта* [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/transport/ (дата обращения: 20.05.2019).
11. *Конкурентная политика в системе институтов государственного управления*. М.: Изд-во Ин-та экономики РАН, 2016. 219 с.
12. *Вертакова Ю. В., Греченюк О. Н., Греченюк А. В.* Выявление перспектив импортозамещения в обрабатывающей промышленности России на основе оценки инновационного развития // Экономика и управление. 2015. № 6 (116). С. 39–47.
13. *Орлов В. А., Ошмарин Р. А., Бочков А. С., Масалкин Ю. В., Яковлев С. А., Ульянов В. Л., Данилин М. А.* Повышение ценности проекта геолого-разведочных работ на основе ранней проработки интегрированной концепции развития // ПРОНЕФТЬ. Профессионально о нефти. 2018. № 3. С. 46–50. DOI: 10.24887/2587-7399-2018-3-46-50
14. *Энергетическая стратегия России на период до 2035 года: офиц. текст*. М.: ИЭС, 2017. 98 с.
15. *Шманев С. В., Шманева Л. В.* Особенности государственной политики в формировании инновационной активности промышленного сектора национальной экономики // Вестник кафедры статистики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2017. Вып. 1. С. 348–351.
16. *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы* [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162175/ (дата обращения: 07.05.2019).

References

1. *Message from the President to the Federal Assembly*. 2019. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>. Accessed 15.05.2019. (in Russ.).
2. Golubev V. Nuzhna sistemnaya promyshlennaya politika [A systemic industrial policy is needed]. *Ekspert*, 2019, no. 20 (1119). Available at: <https://expert.ru/expert/2019/20/nuzhna-sistemnaya-promyshlennaya-politika/>. Accessed 15.05.2019. (in Russ.);
3. Plotnikov V. A., Vertakova Yu. V. Importozameshchenie: teoreticheskie osnovy i perspektivy realizatsii v Rossii [Russian Federation import substitution: How it fares in the face of foreign political and economic crises]. *Ekonomika i upravlenie*, 2014, no. 11 (109), pp. 38–47.
4. *BP Statistical Review of World Energy*. 67th ed. June 2018. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf>. Accessed 10.05.2019.
5. *OPEC Annual Statistical Bulletin*. 2018. [Available at: <http://www.thegulfintelligence.com/mediafiles/downloadfile/4833753a-f159-46f2-8dc0-f2335344ebe6.pdf>. Accessed 10.05.2019).
6. *Official website of the RF Federal State Statistics Service*. Available at: <http://www.gks.ru>. Accessed 15.05.2019. (in Russ.).
7. “Rosgeologiya” is a serious tool in implementing the Strategy for the development of the geological industry in Russia. Interview of Roman Panov to the magazine “*Ekonomika i TEK Rossii*”. 2014. Available at: <http://www.rosgeo.com/ru/content/intervyu-romana-panova-zhurnalu-ekonomika-i-tek-rossii>. Accessed 15.05.2019. (in Russ.).
8. Sechin I. Est' li al'ternativa stsensariyu “50–60”? [Is there an alternative to the “50–60” scenario?]. *Ekspert*, 2015, no. 26–27 (950). Available at: <https://expert.ru/expert/2015/27/est-li-alternativa-stsenariyu-50-60/media/267474/>. Accessed 07.05.2019. (in Russ.).
9. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik 2018* [Russian statistical yearbook]. Moscow: RF Federal State Statistics Service, 2018. 597 p.
10. *The main results of the transport work*. RF Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/transport/. Accessed 20.05.2019. (in Russ.).
11. *Konkurentnaya politika v sisteme institutov gosudarstvennogo upravleniya* [Competition policy in the system of government institutions]. Moscow: RAS Institute of Economics, 2016. 219 p.
12. Vertakova Yu. V., Grechenyuk O. N., Grechenyuk A. V. Vyyavlenie perspektiv importozameshcheniya v obrabatyvayushchey promyshlennosti Rossii na osnove otsenki innovatsionnogo razvitiya [Determining the prospects of import substitution in the Russian manufacturing industry through an assessment of innovative development]. *Ekonomika i upravlenie*, 2015, no. 6 (116), pp. 39–47.
13. Orlov V. A., Oshmarin R. A., Bochkov A. S., Masalkin Yu. V., Yakovlev S. A., Ul'yanov V. L., Danilin M. A. Povyshenie tsennosti proekta geologo-razvedochnykh rabot na osnove ranney prоработки integrirrovannoy kontseptsii razvitiya [Maximization of major oil & gas project value at identification/access stage by reframing of exploration strategy]. *PRONEFT'. Professional'no o nefti*, 2018, no. 3, pp. 46–50. DOI: 10.24887/2587-7399-2018-3-46-50
14. *Russia's energy strategy for the period up to 2035*. Moscow: Energy Strategy Institute, 2017. 98 p. (in Russ.).
15. Shmanev S. V., Shmaneva L. V. Osobennosti gosudarstvennoy politiki v formirovanii innovatsionnoy aktivnosti promyshlennogo sektora natsional'noy ekonomiki [Features of state policy in the formation of innovative activity of the industrial sector of the national economy]. *Vestnik kafedry statistiki Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*, 2017, no. 1, pp. 348–351.
16. *On approval of the state program of the Russian Federation “Development of science and technologies” for 2013-2020. Decree of the Government of the Russian Federation No. 301 of April 15, 2014*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162175/. Accessed 07.05.2019. (in Russ.).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ИНСТРУМЕНТОВ НЕЙРОМАРКЕТИНГА ПОКУПАТЕЛЯМИ В РОССИИ И КИТАЕ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-58-68

УДК 339.138

Молчанов Николай Николаевич

заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор экономических наук, профессор
191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62, e-mail: nikolay_molchanov@mail.ru

Галай Наталья Игоревна

слушатель магистратуры экономического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета
191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62

Ян Цзяньфэй

слушатель аспирантуры экономического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета
191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62

Цель. Выявить реакцию российских и китайских покупателей на применение инструментов нейромаркетинга. В рамках исследования выделен ряд гипотез, которые проверены с помощью статистического анализа.

Задачи. Оценить информированность респондентов в исследуемой области, а также их отношение как потребителей (физических лиц) к нейромаркетингу и использованию нейротехнологий в России и Китае.

Методология. Практическая проверка гипотез осуществлена на основе опроса методом анкетирования респондентов (посредством раздаточной анкеты и интернет-анкеты). Изучена оценка гражданами Российской Федерации (РФ) и Китайской Народной Республики (КНР) отношения к применению инструментов нейромаркетинга. Респондентам предложены вопросы с одним вариантом ответа, несколькими вариантами ответа и вопросы на базе шкалы Лайкерта. Обработка данных проведена в программе IBM SPSS Statistics 24 с использованием таких статистических методов, как частотный анализ, сравнение средних и др.

Результаты. Произведена всесторонняя оценка мнений российских и китайских потребителей о практике применения нейротехнологий в коммерческих целях. В ходе исследования проанализированы вопросы об осведомленности потребителей, российских граждан и граждан КНР, о нейротехнологиях и собственном потребительском поведении, отношении к использованию нейротехнологий. Потребительское мнение изучено с целью определения риска, связанного с общественным недовольством, предвзятым отношением к внедрению нейротехнологий.

Выводы. В России и КНР возможны угрозы развитию нейротехнологий со стороны общественного мнения. Риск законодательного запрета нейротехнологий вследствие общественного недовольства и низкой оценки потребителей с точки зрения этичности данного инструмента в России и КНР существенно завышен авторами современных исследований и в СМИ. В действительности потребители относятся к исследуемому инструменту терпимо, не проявляя активного недовольства или страха. Очевидна долгосрочная актуальность полученных данных.

Ключевые слова: нейромаркетинг, нейротехнологии, этические проблемы, маркетинговые исследования, шкала Лайкерта.

Для цитирования: Молчанов Н. Н., Галай Н. И., Ян Цзяньфэй. Сравнительный анализ восприятия инструментов нейромаркетинга покупателями в России и Китае // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 58–68. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-58-68.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PERCEPTION OF NEUROMARKETING TOOLS BY CONSUMERS IN RUSSIA AND CHINA

Nikolay N. Molchanov

St. Petersburg University

Chaykovskogo St. 62, St. Petersburg, Russian Federation, 191123, e-mail: nikolay_molchanov@mail.ru

Natal'ya I. Galay

St. Petersburg University

Chaykovskogo St. 62, St. Petersburg, Russian Federation, 191123

Yang Jian-Fei

St. Petersburg University

Chaykovskogo St. 62, St. Petersburg, Russian Federation, 191123

Aim. The presented study aims to gauge the reactions of Russian and Chinese consumers to the use of neuromarketing tools. In the course of the study, several hypotheses are tested using statistical analysis.

Tasks. The authors assess the awareness of the respondents in the field of interest and their attitude as consumers (individuals) to neuromarketing and the use of neurotechnology in Russia and China.

Methods. The hypotheses are tested in practice using a questionnaire survey of the respondents (by means of a handout questionnaire or an online questionnaire). The assessment of the attitude to the use of neuromarketing tools by the citizens of the Russian Federation and China is examined. The respondents are asked questions with one answer, multiple answers, and Likert scale questions. Data are processed in IBM SPSS Statistics 24 using such statistical methods as frequency analysis, contrast of means, etc.

Results. The opinion of Russian and Chinese consumers on the use of neurotechnology for commercial purposes is comprehensively assessed. The study analyzes the issues of the awareness of Russian and Chinese citizens about neurotechnology, their own consumer behavior, and their attitude to the use of neurotechnology. Consumer opinion is examined to determine the risk of public discontent and prejudice against the implementation of neurotechnology.

Conclusions. Both Russia and China are facing potential threats to the development of neurotechnology from public opinion. The risk of a statutory ban on neurotechnology due to public discontent and low perception of the ethical aspect of this tool by consumers in Russia and China is vastly overstated by contemporary researchers and media. Consumers are actually rather tolerant of the examined tool and show no signs of discontent or fear. The long-term relevance of the obtained data is obvious.

Keywords: *neuromarketing, neurotechnology, ethical issues, marketing research, Likert scale.*

For citation: Molchanov N. N., Galay N. I., Yang Jian-Fei. Sravnitel'nyy analiz vospriyatiya instrumentov neyromarketinga pokupatelyami v Rossii i KNR [Comparative Analysis of the Perception of Neuromarketing Tools by Consumers in Russia and China]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 58–68. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-58-68.

Введение

Появление нейротехнологий — логическое следствие развития инструментария маркетинга. Нейромаркетинг предполагает активное воздействие на поведение человека для активизации процесса продаж. По этой причине в некоторых странах (например, во Франции) [1] запрещено использование данного инструментария в коммерческих целях. Попытаемся определить перспективы развития нейромаркетинга в Российской Федерации (РФ) и Китайской Народной Республике (КНР). Проанализируем вопрос осведомленности китайских и российских потребителей в контексте нейротехнологий, а также

установим их мнение об использовании соответствующего метода. Кроме того, рассмотрим проблему, связанную с риском недовольства и предвзятого отношения респондентов к его внедрению. В итоге определим показатель оценки угроз развитию нейромаркетинга со стороны общественного мнения.

Следует отметить, что данное исследование стало продолжением ранее выполненной работы двух авторов [2; 3]. Оно проведено в соответствии с рядом предложенных гипотез. В качестве эмпирического метода использовано анкетирование посредством раздачи анкет респондентам, а также интернет-анкетирование. Практическая проверка гипотез осуществля-

лась на основе анкетирования респондентов — физических лиц. В анкете предлагались вопросы с несколькими вариантами ответа по шкале Лайкерта. Полученные сведения исследованы с помощью онлайн-системы анкетирования Wenjuan и компьютерного программного обеспечения для обработки статистических данных IBM SPSS Statistics 24, а также изучены с применением статистических методов частотного анализа, сравнения средних.

1. Этическая проблема нейромаркетинга

Исследовательский интерес в контексте статьи представляет этическая проблема нейромаркетинга. Нейромаркетинг — это услуга, включающая в себя проведение прикладного анализа рекламной продукции компании. На международном рынке представлены такие компании, как *Agnv*, *NeuroFocus*, *Nielsen*. Лидером российского рынка является компания *NeuroTrend*. Вместе с тем *Neuromanagement Laboratory* считается единственной специализированной лабораторией в Китае для изучения нейромаркетинга, где используют электроэнцефалографию, портативную электроэнцефалографию, ай-трекинг (*eye-tracking*) и миографию.

Ряд исследований обусловили возникновение дискуссии об этичности нейромаркетинга и нейротехнологий. С одной стороны, обращение коммерческих организаций к подсознанию потребителя считается в литературе маркетинговой манипуляцией [4]. С другой — большая часть информации воспринимается потребителем подсознательно вне зависимости от действий коммерческих компаний. Основной объект критики нейромаркетинга — сформулированная А. Бродриком, Л. Чемберлином, Н. Ли еще в начале формирования нейромаркетинга теория *buy-button*. В настоящее время возможности нейромаркетинга не позволяют с абсолютной точностью управлять потребительскими предпочтениями. Однако медиа и обеспокоенные люди развили данную теорию до масштабов общественной проблемы [5].

С. Стэнтон, В. Синнот-Армстронг, С. Хэттел подчеркивают, что причиной недовольства нейромаркетингом является «риск причинения вреда и нарушения прав». На самом деле нейромаркетинг используется лишь для лучшего понимания потребительских предпочтений [6]. При этом важно оценивать совокупность факторов (внешних и внутренних), влияющих на выбор потребителя, и обусловленные ими направления изменений в модели потребительского поведения.

Э. Глаэнцер отмечает, что до сих пор *Institutional Review Board* — общество, обеспечивающее этичность исследований коммерческих компаний, — не сформировало свою позицию

в отношении нейромаркетинга. Однако это обусловлено его незначительным распространением; по мере внедрения данного инструмента следует ожидать разработку законов, ограничивающих его применение [7]. В России по-прежнему не создана соответствующая законодательная база.

Этическая сторона вопроса касается не только нейромаркетинга, но и нейротехнологий в целом. В 2014 г. президент США Б. Обама поручил Президентской комиссии по изучению биоэтических вопросов (*Presidential Commission for the Study of Bioethical Issues*) подготовить заключение об этичности использования нейротехнологических исследований в юриспруденции. Основные риски этической проблемы в данном случае — выявление биологических факторов, разделяющих социальные группы; разглашение личной информации в судебных разбирательствах. Комиссия из 15 ученых признала нейротехнологические исследования этичными, в частности, в области юриспруденции [8].

М. Берман, анализируя американское законодательство о рекламе, а также сопутствующие проблемы и возможности запрета маркетинговых манипуляций, определяет последние как стремление воздействовать на подсознание человека. В этой категории рассматривается нейромаркетинг и сенсорный маркетинг. Данная проблема актуальна для любого государства, поскольку при рекламе потребителем подсознательно воспринимаются цвет упаковки или товара, его расположение, запах, музыкальное сопровождение. Автор признает, что полностью исключить воздействие на подсознание потребителя через органы чувств законодательно невозможно. На законодательном уровне приняты меры по ограничению рекламы алкогольной и табачной продукции, но реклама *fast food*, сладкого, других низкокачественных товаров остается проблемой. Нейроэкономические исследования должны выявлять возникающие ассоциации у человека, чтобы законодательство ограничивало возможности коммерческих компаний по использованию их в собственных интересах [4].

Угрозы развитию нейромаркетинга могут исходить также от конкурирующих агентств, предоставляющих прочие маркетинговые услуги без применения специализированного оборудования. В 2009 г. Л. Арусси, основатель и президент компании *Strativity Group*, специализирующейся на маркетинговых исследованиях, консалтинге и имеющей влиятельных клиентов (*Bain*, *Deloitte*, *Accenture*, *EY*, *Ipsos*, *Bulgari*, *MaritzCX*, *WPP*, *HP*), представил статью о глубоком недовольстве современными тенденциями рынка под ярким названием «Нейромаркетинг — это не маркетинг» (*Neu-*

romarketing is Not Marketing) [9]. Подобные эмоционально заряженные статьи прямых конкурентов нейромаркетинговых агентств могут подкреплять страх и недовольство потребителей использованием нейромаркетинга.

Этическая проблема нейромаркетинга считается его слабой стороной. С ней связаны общественное недовольство и возможность законодательного запрета. Отождествление нейромаркетинга с инструментом манипулирования привело к тому, что корпорации развитых стран с активным общественным движением (США и европейские страны) стремятся скрыть факт его использования и не афишировать финансирование нейротехнологических лабораторий, осуществляемое ими. В действительности степень этичности нейротехнологий и нейромаркетинга определяется культурными и ментальными особенностями социума. В зависимости от принятых в стране этических норм существует вероятность законодательного запрета или ограничений на его использование. Таким образом, угроза развитию нейромаркетинга со стороны общества может быть оценена в два этапа: 1) оценка информированности граждан о нем; 2) оценка отношения респондентов к нему.

2. Цель и методология исследования

Характеризуя процесс развития нейротехнологий в КНР и России на основе анализа потребительских настроений и общественного мнения, необходимо решить задачи по определению таких параметров, как:

- уровень информированности китайских и российских потребителей о нейротехнологиях и оценка качества их знаний;
- оценка отношения потребителей, в частности граждан Китая и России, к применению нейротехнологий в коммерческих целях;
- уровень угроз развитию нейротехнологий в современном Китае и российском обществе.

Результаты исследования получены с помощью общенаучных и эмпирических методов анализа. В качестве эмпирического метода использовано анкетирование, проведенное в городе Санкт-Петербурге в 2017–2018 гг. В России респондентам раздавали анкеты, специально разработанные авторами статьи в соответствии с поставленными задачами. Перед анкетированием респондентам была объяснена сущность понятия нейромаркетинга, дано его определение, рассказано о характеристиках и области применения, чтобы участники опроса отличали нейротехнологии от других маркетинговых инструментов и чтобы у них сформировалась однозначная позиция по отношению к использованию таких инструментов. Предварительно респондентов, которые ранее не слышали

о нейротехнологиях, проинформировали о них с целью снижения риска получения некорректных ответов об отношении к данному инструменту. В Китае анкетирование осуществлялось в 2018 г. с применением интернет-анкеты путем информирования респондентов о сайте, где она была размещена. Опрошенным заполнили ее в онлайн-режиме, воспользовавшись мобильным телефоном или компьютером. Затем система автоматически собрала такие анкеты в готовом виде и записала данные по каждой из них для дальнейшего анализа. Дистанционное анкетирование проведено среди населения 20 разных провинций из 34 имеющихся в Китае. Выборка охватывает все уровни образования (от школы до третьего высшего образования).

В России обработка данных проведена в программе IBM SPSS Statistics 21, а в Китае — с помощью онлайн-системы анкетирования Wenjuan» и компьютерного программного обеспечения для разработки статистических данных IBM SPSS Statistics 24.

Параметры выборки в России

На территории РФ в анкетировании участвовали 318 респондентов — физических лиц. Среди них 58,1 % — женщины, 42,4 % — мужчины. Сформированная выборка в равной степени характеризует мужские и женские особенности принятия потребительских решений и мнений. В опросе приняли участие респонденты 17–45 лет. При этом 7,9 % из них — лица 17–25 лет, 38,9 % — 26–35 лет, 53,2 % — 36–45 лет.

С учетом своего возраста потребители, способны самостоятельно покупать тот или иной товар. Это означает, что респонденты сформировали свое отношение к потреблению товаров и маркетинговым мероприятиям, допустимым в целях их продвижения. Соответствующая выборка из респондентов 17–35 лет позволяет выявить и оценить формирующийся тренд потребительских мнений в рыночной экономике России.

По параметру дохода ввиду качественного критерия, в зависимости от возможности приобрести одежду, бытовую технику (мебель), автомобиль, квартиру без привлечения кредита, респонденты распределены по категориям:

- 1) денег хватает на продукты, но покупка одежды вызывает затруднения (4 %);
- 2) денег хватает на продукты и одежду, но крупные покупки требуют накопления или кредита (24 %);
- 3) денег хватает на крупные покупки, однако затруднительно приобретать более дорогие вещи (например, автомобиль) — 38 %;
- 4) можем позволить себе достаточно дорогие покупки, но приобретение квартиры или дачи требует накоплений или кредита (27 %);
- 5) можем позволить себе покупку квартиры или дачи (7 %).

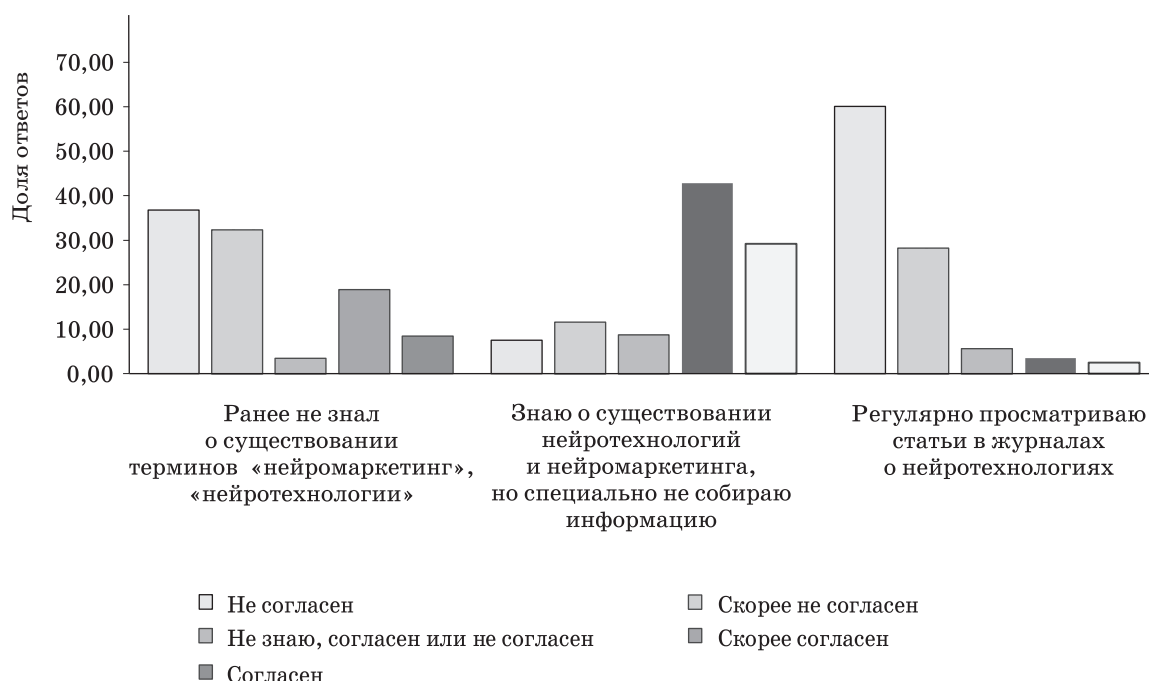

Рис. 1. Оценка информированности респондентов о нейромаркетинге и нейротехнологиях по шкале Лайкерта

Таким образом, сформированная выборка позволяет оценить мнения потребителей с теми или иными потребительскими способностями и статьями доходов. Опрошенные респонденты имеют опыт в покупке товаров различной стоимости. Выборка по параметру доходов соответствует распределению людей с учетом их потребительских возможностей в обществе.

Параметры выборки в Китае

В КНР участниками анкетирования стали 157 респондентов (физических лиц), в том числе 86 женщин (54,8 %) и 71 мужчина (45,2 %). Большинство опрошенных составили молодые люди 17–35 лет (44,6 % — лица 17–25 лет, 33,8 % — 26–35 лет). Незначительная часть респондентов представлена участниками менее 17 лет, а также 36–45 лет и старше 45 лет (22 %). По степени образования 45,3 % респондентов имеет первое высшее образование (бакалавриат), у 19,8 % — второе высшее образование (магистратура) и у 18,5 % — третье высшее образование (аспирантура). По критерию обеспеченности денежными средствами более половины респондентов (66,3 %) обладают достаточным бюджетом для жизни и позволяют приобретение для себя бытовой техники, даже машины.

В соответствии с итогами анкетирования целесообразно учесть специфику выборки. Среди опрошенных в основном молодые люди 17–35 лет, при этом количество женщин несколько превышает число мужчин. Спецификой выборки является и тот факт, что доминируют респонденты с высшим образованием. В целом в опрошенной группе наблюдается склонность

к новым технологиям и изменениям, доступ к новым знаниям, желание постоянного обновления восприятия и понимания разных товаров, необходимые навыки поиска и сбора информации через интернет.

3. Гипотезы исследования и результаты их проверки

Предложенные нами гипотезы позволяют определить возможности и угрозы развитию нейромаркетинга со стороны общественного мнения. Проверим последовательно каждую из гипотез.

Гипотеза 1. Респонденты РФ и КНР имеют низкий уровень информированности о нейротехнологиях. Практика их использования в России и Китае находится на начальной стадии развития. В связи с этим предполагается, что потребители, как правило, мало информированы или имеют поверхностные знания о рассматриваемом инструменте. Наиболее доступными для них каналами распространения информации о нейротехнологиях являются источники в сети Интернет: публикации в социальных сетях, сайты нейромаркетинговых компаний, публикации в электронных журналах.

Информированность граждан РФ о нейротехнологиях

При оценке показателя информированности опрошенных россиян проанализированы ответы респондентов на вопрос об уровне их осведомленности о нейротехнологиях по шкале Лайкерта (от 1 до 5), как представлено на рисунке 1.

Большинству респондентов (69,2 %) известны термины «нейромаркетинг» и «нейротехно-

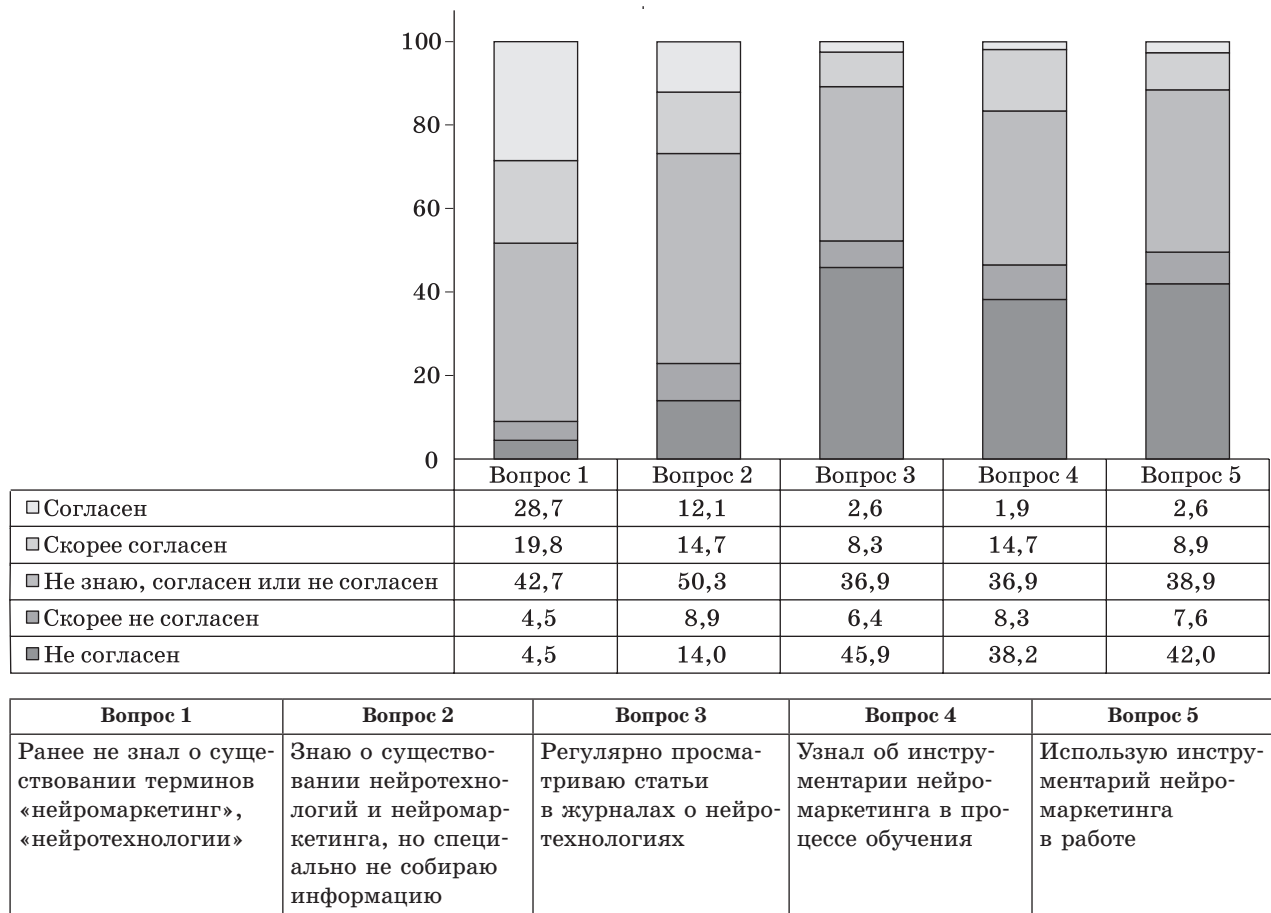

Рис. 2. Информированность о нейромаркетинге и нейротехнологиях граждан Китая, %

логии». Кроме того, в основном респонденты (72,0 %) знают о существовании нейромаркетинга и нейротехнологий, но не собирают дополнительную информацию, о чем свидетельствует сумма положительных ответов на данный вопрос, т. е. знания в исследуемой области у большей части опрошенных поверхностные. На это указывает и тот факт, что регулярно просматривают статьи в журналах о нейромаркетинге и нейротехнологиях только 6,0 % респондентов.

Информированность граждан КНР о нейротехнологиях

Сведения, приведенные на рисунке 2, отражают степень информированности граждан Китая о нейромаркетинге. Почти половина (около 43 %) опрошенных не знает о существовании терминов «нейромаркетинг» и «нейротехнологии», а также науки, изучающей их. Более 45 % респондентов признали, что ранее не встречали эти термины и (или) скорее не встречали. Эти данные могут служить доказательством того, что большинство жителей КНР ранее, до заполнения анкеты, не обращали внимания на соответствующую область знаний.

Большая часть (более 50 %) респондентов признали, что не регулярно просматривают статьи, связанные с нейромаркетингом. С од-

ной стороны, этот результат может отражать низкую степень популярности регулярного чтения в китайском обществе и быстрый темп жизни для основной массы населения Китая. С другой — данный факт косвенным образом объясняет, почему большинство опрошенных не знают о существовании нейромаркетинга и соответствующих технологий или не уверены в том, сталкивались ли они ранее с нейромаркетингом. Ответы ввиду утверждений «Узнал об инструментарии нейромаркетинга в процессе обучения» и «Использую инструментарий нейромаркетинга в работе» усиливают предположение о том, что степень информированности среди граждан КНР пока низка.

В числе опрошенных, как правило, молодые люди, имеющие высшее образование, среди которых должны быть экономисты, изучающие маркетинг или связанные с ним курсы. Тем не менее, согласно результатам анкетирования, большая часть (более 45 %) опрошенных не знали об инструментарии нейромаркетинга в процессе обучения, что является объяснением того, почему в течение последних 12 лет в Китае создан только один центр для исследований в области нейромаркетинга, нейроэкономики и нейроменеджмента. Нейромаркетинг не входит в основную образовательную программу большинства китайских вузов. Ответ с учетом утверждения «Использую инструмен-

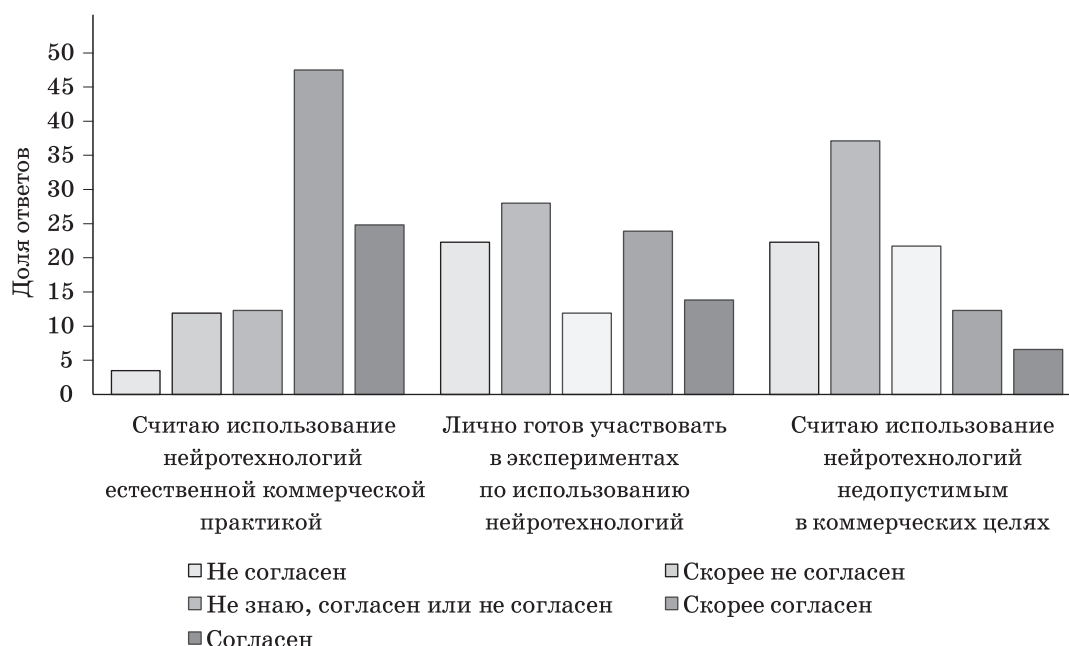

Рис. 3. Ответы респондентов на вопросы об их отношении к использованию нейротехнологий в России

тарий нейромаркетинга в работе» в какой-то степени детерминирован, поскольку низкая информированность ограничивает возможность применения соответствующей науки на практике и влияет на желание многих преподавателей внести нейромаркетинг в свою предметную программу.

Итак, гипотеза 1 принимается. Граждане России и Китая плохо информированы о нейротехнологиях и нейромаркетинге. Хотя в целом информированность граждан РФ о нейромаркетинге и нейротехнологиях выше, чем в Китае. Отношение потребителей к использованию нейромаркетинга выступает потенциальной угрозой для его развития из-за их стремления ввести законодательный запрет. Негативная реакция потребителей в настоящее время препятствует реализации анализируемого инструмента в полной мере. В аспекте мировой практики нейромаркетинговые исследования запрещены во Франции. Аналогичные попытки предпринимаются и в других европейских странах.

Гипотеза 2. Респонденты России и Китая имеют выраженное негативное отношение к использованию нейромаркетинга.

Отношение к нейромаркетингу в РФ

Отношение респондентов к нейромаркетингу и нейротехнологиям оценивалось на основе суждений о нейромаркетинге, как показано на рисунке 3. Большинство российских респондентов (230 человек, т. е. 72,3 %) считают нейромаркетинг естественной практикой компаний. Личное участие в нейромаркетинговых исследованиях за дополнительную плату готовы принять 120 человек. Судя по итогам опроса, использование нейротехнологий вполне допустимо в коммерческих целях. За введение законодательного

запрета нейромаркетинга выступили 60 респондентов (18,9 %), а против запрета — 189 (59,4 %). Таким образом, большинство опрошенных воспринимают нейромаркетинг положительно и не поддерживают законодательный запрет, а негативное отношение характерно для меньшего количества потребителей в данной выборке.

Ввиду изложенного можно сделать вывод о нейтральной оценке нейромаркетинга среди опрошенных. Участники опроса полагают, что нейромаркетинг — это естественная практика предприятий и не проявляют активности в отношении законодательного запрета соответствующего инструмента, не считают нужным защищать себя от маркетинговых воздействий.

Отношение к нейромаркетингу в КНР

При рассмотрении отношения граждан Китая к применению нейротехнологий в коммерческих целях нами сформулировано два утверждения: 1) считаю, что использование нейротехнологий позволяет получить более объективные данные о потребностях покупателя; 2) считаю использование нейротехнологий естественной коммерческой практикой для повышения конкурентоспособности фирмы. Ответ с учетом утверждения «Считаю, что использование нейротехнологий позволяет получить более объективные данные о потребностях покупателя» отражает перспективы использования нейротехнологий в коммерческой сфере. Более 45 % респондентов рассматривают их как новые подходы в практике предприятий для получения объективной информации о потребностях покупателя, о чем свидетельствует рисунок 4.

Но существует часть опрошенных (чуть меньше 40 %), которые не могут оценить практику

Рис. 4. Отношение граждан КНР к использованию нейротехнологий в коммерческих целях, %

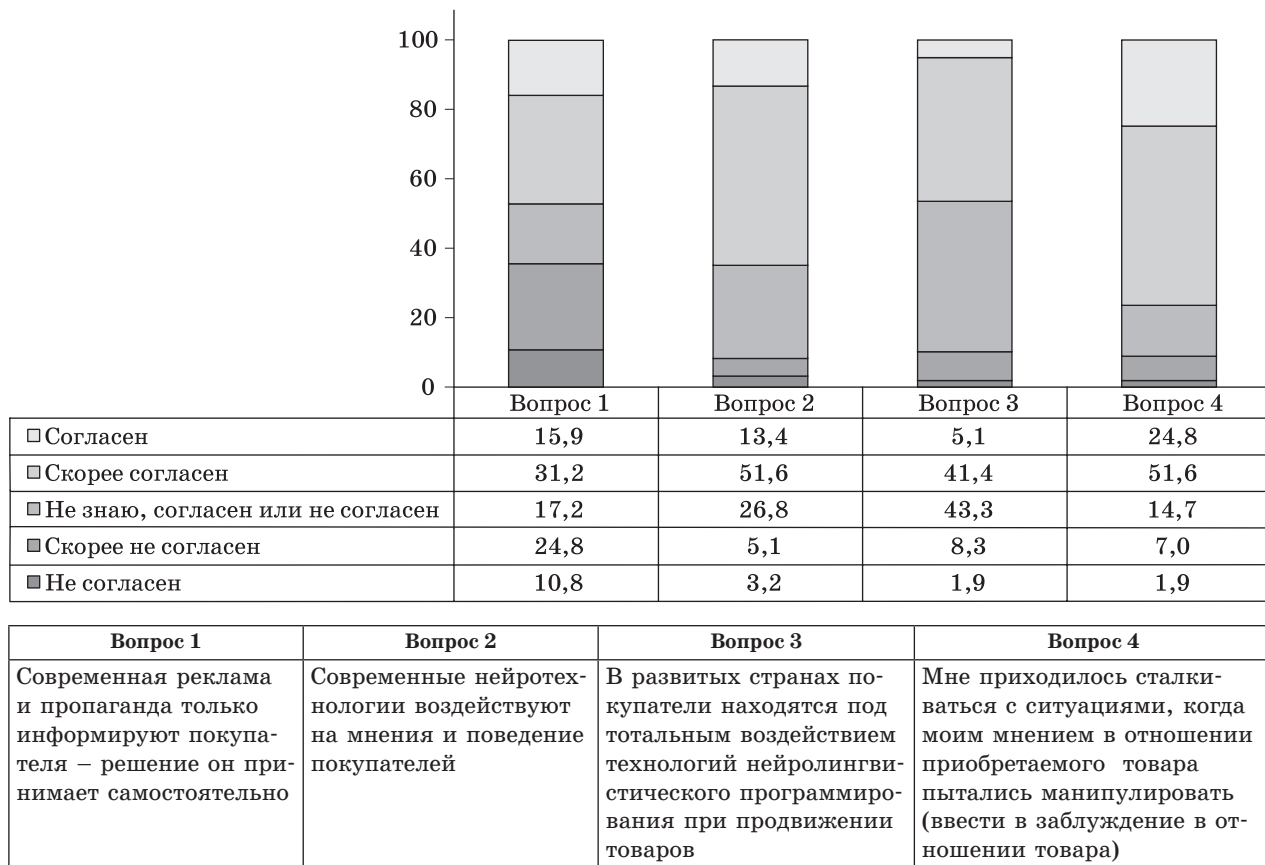

Рис. 5. Оценка граждан КНР степени манипуляции маркетинговой деятельности и нейромаркетинга, %

использования предприятиями нейротехнологий в коммерческих целях из-за отсутствия соответствующих знаний о таких технологиях или информации о применении национальными предприятиями нейротехнологий в маркетинговой деятельности. Несколько больше (на 15 %) опрошенных уверены, что применение нейротехнологий способствует повышению конкурентоспособности предприятий. При этом около 32 % опрошенных выразили

нейтральное мнение. Если объединить обе группы ответов на соответствующие вопросы, то можно резюмировать, что у граждан КНР проявляется позитивное отношение к использованию предприятиями нейротехнологий в коммерческих целях, а не нейтральное или отрицательное.

Исследовательский интерес представляют сведения об отношении населения Китая к этичности нейромаркетинга, содержащиеся

Рис. 6. Отношение граждан КНР к личному участию в экспериментах, связанных с нейромаркетингом, %

Рис. 7. Отношение граждан КНР к юридическому запрету технологий и инструментариев нейромаркетинга, %

в ответах на вопросы, приведенных на рисунках 5, 6 и 7. Проблема этичности нейромаркетинга — это возможность манипуляции поведением потребителя, вследствие которой возможен вред здоровью испытуемого (в процессе или после проведения экспериментов), а также нарушение прав конфиденциальности лиц, участвующих в экспериментах. Проанализируем каждый из компонентов.

Нейролингвистическое программирование и нейротехнологии считаются основными инструментами в реализации методов нейромаркетинга. Предложенные вопросы, ответы на которые представлены на рисунке 5, раз-

работаны для выявления степени манипуляции потребительским поведением со стороны нейромаркетинга в контексте взглядов граждан КНР. Менее половины (около 45 %) опрошенных считают, что реклама и пропаганда действительно имеют влияние на их решения о покупке (уверены, что в процессе принятия решений доминирует их самостоятельное сознательное мышление). Если объединить ответы с учетом утверждений «Современная реклама и пропаганда только информируют покупателя — решение он принимает самостоятельно» и «Современные нейротехнологии воздействуют на мнения и поведение поку-

пателей», несложно заметить, что примерно 35 % респондентов признают существенным влияние рекламы на их решения о покупке (для тех, кто выбрал «скорее не согласен» или «совершенно не согласен» в контексте утверждения «Современная реклама и пропаганда только информируют покупателя — решение он принимает самостоятельно») и не уверены в своей свободной воле в принятии решений. Однако 65 % опрошенных признают воздействие современных нейротехнологий на свое мнение и поведение. В данном случае наблюдается противоречие, так как некоторые не уверены в том, что современные нейротехнологии воздействуют на них, но в то же время они подвержены рекламе и пропаганде.

Подобная ситуация объясняется тем, что большинству респондентов плохо известен механизм воздействия нейротехнологий или что они не осознали факт его применения в рекламе и пропаганде на современном этапе. Поэтому они разделяют нейротехнологии и современную рекламу, пропаганду. В итоге появляется низкая степень информированности граждан КНР о тех или иных способах применения нейротехнологий в практике определенного предприятия. Более 46 % считают, что в развитых странах применяется нейролингвистическое программирование для продвижения товаров, а около 43 % опрошенных не может точно указать текущее состояние и степень воздействия нейролингвистического программирования на покупателей за рубежом (не обращают внимания на зарубежную ситуацию в этой области). Более 75 % респондентов уверены, что их личное мнение и оценка продуктов сформированы. Из них 45 % утверждают, что данный эффект манипуляции еще не так велик, чтобы оказать решающее влияние на самостоятельное решение о покупке. Остальные считают утраченным свое «право» на самостоятельное принятие решений о покупке. Таким образом, судя по ответам, жителями Китая дана оценка выше среднего для степени манипуляции покупательским поведением со стороны маркетинга (в том числе нейротехнологий).

Утверждения, приведенные на рисунке 6, разработаны для выявления отношения населения КНР к личному участию в экспериментах, связанных с нейромаркетингом, чтобы проанализировать проблему его этичности (с точки зрения возможного вреда здоровью испытуемого в процессе или после проведения экспериментов). Согласно ответам, численность, лиц, считающих применение нейротехнологий нормальной коммерческой практикой, но не готовых участвовать в подобных экспериментах (около 42 %), была больше в сравнении с теми, кто готов быть испытуемым (около 34 %). Полученный результат является, как

правило, свидетельством переживаний граждан КНР о том, что подобные эксперименты способны вызвать некомфортное ощущение или что они подвергнут риску здоровье (в процессе или после экспериментов). Вместе с тем большинство опрошенных (38 % ответивших в первом случае и 33 % — во втором) выразили нейтральное отношение к собственному участию в экспериментах, связанных с нейромаркетингом. Нерешительность объясняется, на наш взгляд, их сомнениями в безопасности экспериментов. В целом две трети граждан КНР еще не готовы участвовать в нейромаркетинговых экспериментах.

Утверждения, представленные на рисунке 7, разработаны для выявления отношения жителей Китая к возможному юридическому запрету нейромаркетинга. Полученные ответы косвенно показывают, насколько значима проблема этичности нейромаркетинга в КНР. Основная часть респондентов выразила нейтральное отношение, выбрав вариант ответа «не знаю, согласен или не согласен». Число опрошенных, которые не поддерживают юридический запрет нейролингвистического программирования и нейротехнологий, превысило количество требовавших запрета (на 10–15 %). Данный факт подтверждает точку зрения о наличии перспектив нейромаркетинга в Китае. В настоящее время в обществе не выявлена тенденция к юридическому запрету нейромаркетинга.

Заключение

Информированность о нейротехнологиях у респондентов РФ и КНР находится на поверхностном уровне. Большая часть респондентов знает о существовании нейротехнологий, но не собирает специально информацию. Ввиду этого можно сделать вывод о том, что в обществе информация о нейротехнологиях доступна и достаточно распространена. Незначительная группа наиболее заинтересованных респондентов целенаправленно и регулярно просматривает соответствующую информацию в журналах. Таким образом, сегодня фактор информированности незначителен для формирования общественного мнения о нейромаркетинге, поскольку спрос на информацию удовлетворен источниками в открытом доступе. Но для активного распространения этого маркетингового инструмента на предприятиях следует углублять знания о нем среди потенциальных работников данной сферы.

Оценка отношения к нейромаркетингу в Китае и России показала, что респонденты в основном воспринимают его как естественную коммерческую практику предприятий. В современных научных исследованиях часто находит отражение вопрос об этичности нейротехноло-

гий, что оживляет научную дискуссию о его законодательном запрете. Однако, в отличие от отношения к нейромаркетингу в Европе, в КНР и РФ проявляется терпимость к его ис-

пользованию. Для подтверждения полученных нами результатов и мониторинга изменений тенденций в обществе возможно проведение через несколько лет аналогичного исследования.

Литература

1. *Petition for the banning of Neuromarketing and its use within the EU* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.change.org/p/council-of-the-european-union-free-mind-petition-for-the-banning-of-neuromarketing-and-its-use-within-the-eu> (дата обращения: 01.04.2019).
2. Molchanov N. N., Korableva O. N., Muraveva O. S., Galay N. I. Neuromarketing as an Innovative Approach to Market Research of Consumer Behavior // Proceedings of the 29th International Business Information Management Association Conference "Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: From Regional Development Sustainability to Global Economic Growth". (Vienna, 3–4 May, 2017). King of Prussia, PA: IBIMA, 2017. P. 2489–2500.
3. Молчанов Н. Н., Муравьева О. С., Галай Н. И. Нейротехнологии: оценка перспектив развития в России // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2019. Т. 29, Вып. 2. С. 142–151.
4. Berman M. L. Manipulative Marketing and the First Amendment. *Georgetown Law Journal*. 2015. Vol. 103, no. 2. P. 497–546.
5. Lee N., Broderick A. J., Chamberlain L. What is "neuromarketing"? A discussion and agenda for future research // *International Journal of Psychophysiology*. 2007. Vol. 63, no. 2. P. 199–204. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2006.03.007.
6. Stanton S. J., Sinnot-Armstrong W., Huettel S. Neuromarketing: Ethical Implications of its Use and Potential Misuse // *Journal of Business Ethics*. 2017. Vol. 144, no. 4. P. 799–811. DOI: 10.1007/s10551-016-3059-0.
7. Glaenger E. Are the Brain and the Mind One? Neuromarketing and How Consumers Make Decisions [Электронный ресурс] // Honors Theses. 2016. URL: <https://digitalcommons.colby.edu/cgi/view-content.cgi?article=1831&context=honorstheses> (дата обращения: 01.04.2019).
8. Jones O. D., Bonnie R., Casey B. J., Davis A. et al. Law and Neuroscience: Recommendations Submitted to the President's Bioethics Commission // *Journal of Law and Biosciences*. 2014. Vol. 1, no. 3. P. 224–236. DOI: 10.1093/jlb/lisu012.
9. Arussy L. Neuromarketing is not marketing [Электронный ресурс]. URL: <http://www.destination-crm.com/Articles/Columns-Departments/CustomerCentricity/Neuromarketing-Isnt-Marketing-52113.aspx> (дата обращения: 17.03.2019).

References

1. *Petition for the banning of Neuromarketing and its use within the EU*. Available at: <https://www.change.org/p/council-of-the-european-union-free-mind-petition-for-the-banning-of-neuromarketing-and-its-use-within-the-eu>. Accessed 01.04.2019.
2. Molchanov N. N., Korableva O. N., Muraveva O. S., Galay N. I. Neuromarketing as an innovative approach to market research of consumer behavior. In: *Proc. 29th International Business Information Management Association Conference "Education excellence and innovation management through vision 2020: From regional development sustainability to global economic growth"* (Vienna, 3–4 May, 2017). King of Prussia, PA: IBIMA, 2017, pp. 2489–2500.
3. Molchanov N. N., Murav'eva O. S., Galay N. I. Neyrotekhnologii: otsenka perspektiv razvitiya v Rossii [Neurotechnologies: Assessment of development prospects in Russia]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2019, vol. 29, no. 2, pp. 142–151.
4. Berman M. L. Manipulative marketing and the first amendment. *Georgetown Law Journal*, 2015, vol. 103, no. 2, pp. 497–546.
5. Lee N., Broderick A. J., Chamberlain L. What is "neuromarketing"? A discussion and agenda for future research. *International Journal of Psychophysiology*, 2007, vol. 63, no. 2, pp. 199–204. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2006.03.007.
6. Stanton S. J., Sinnot-Armstrong W., Huettel S. Neuromarketing: Ethical implications of its use and potential misuse. *Journal of Business Ethics*, 2017, vol. 144, no. 4, pp. 799–811. DOI: 10.1007/s10551-016-3059-0.
7. Glaenger E. *Are the brain and the mind one? Neuromarketing and how consumers make decisions. Honors theses*. 2016. Available at: <https://digitalcommons.colby.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1831&context=honorstheses>. Accessed 01.04.2019.
8. Jones O. D., Bonnie R., Casey B. J., Davis A. et al. Law and neuroscience: Recommendations submitted to the President's Bioethics Commission. *Journal of Law and the Biosciences*, 2014, vol. 1, no. 3, pp. 224–236. DOI: 10.1093/jlb/lisu012.
9. Arussy L. *Neuromarketing isn't marketing*. Destination CRM. 2016. Available at: <http://www.destinationcrm.com/Articles/Columns-Departments/CustomerCentricity/Neuromarketing-Isnt-Marketing-52113.aspx>. Accessed 17.03.2019.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ «ЗЕЛЕНОГО» МОЛОКА

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-69-80

УДК 332.36

Лебедев Александр Валерьевич

преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, e-mail: Aleksander.Lebedew@gmail.com

Стручкова София Александровна

магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, e-mail: Sofiastern@mail.ru

В статье раскрыта сущность факторов, благоприятствующих покупкам «зеленого» молока. Данное словосочетание служит наиболее подходящим термином для определения экологического и органического молока животного и растительного происхождения.

Цель. Выявить факторы, оказывающие влияние на показатели склонности к приобретению «зеленого» молока.

Задачи. Сформировать путем обобщения предшествующих исследований набор факторов, влияющих на «зеленое» потребительское поведение; провести эмпирическую оценку воздействия этих факторов; конкретизировать критерии отнесения продуктов питания в сознании потребителей к категории экологических.

Методология. В основе статьи — эмпирическое исследование качественно-количественного характера. Его качественная часть построена на серии полуструктурированных интервью с целью получения инсайтов. Количественная часть обработана в IBM SPSS 23.0 с помощью метода регрессионного анализа. В качестве p-value выбран уровень альфа 10 %. Отбор респондентов осуществлялся методом «снежного кома», учитывая нишевую составляющую. Некоторые респонденты являются микроинфлюенсерами: ведут собственные блоги, активны в социальных сетях, управляют электронными сообществами. С позиции возрастных характеристик среди опрошенных представлены миллениалы, проживающие в столице российского государства (рожденные с 1982 по 2000 г., согласно классификации В. В. Радаева) [1]. По данным компании Nielsen, потребление миллениалами органической продукции выросло в 2018 г. на 14 %, что делает их наиболее быстрорастущим сегментом потребителей экорынка. Москва аккумулирует в себе 70 % экорынка России [2]. На основании вышеизложенного исследуемую группу респондентов можно считать инноваторами и ранними последователями зарождающегося рынка «зеленого» молока.

Результаты. В процессе анализа литературы выявлены факторы, которые потенциально могут влиять на «зеленое» потребительское поведение. Построенная регрессионная модель позволяет утверждать, что основной мотив, побуждающий покупать «зеленые» продукты, — забота о здоровье. Несмотря на затруднения в разграничении терминов «экологический» и «органический» в контексте рассматриваемой темы, установлено, что молоко (растительное и фермерское) может быть как экологическим, так и органическим. При этом женщины представляют собой большинство потребителей этой продукции. Состав и экомаркировка являются ключевыми факторами, на которые потребители обращают внимание при выборе экологических или органических продуктов питания.

Выводы. С учетом полученных результатов маркетологам, работающим с «зелеными» продуктами, следует делать акцент на их пользе для здоровья. Ключевые критерии при определении товара как «зеленого» — состав и экомаркировка. В связи с этим важно указывать на упаковке информацию о пользе компонентов для здоровья потребителей и желательно ставить экомаркировку. По итогам проведенного исследования очевидным стал тот факт, что потребители не различают официальные и неофициальные знаки сертификации «зеленой» продукции. Поэтому слова *green, organic, vegan, eco*, возможно, и не увеличат продажи, но помогут определить продукт как «зеленый». При выстраивании маркетинговой коммуникации необходимо помнить о том, что целевую аудиторию в большинстве случаев представляют женщины. В качестве бизнес-возможности целесообразно обратить внимание и на такую нишу, как органические продукты, способствующие здоровью мужчин, что поможет дифференцировать новый продукт.

Ключевые слова: экологический маркетинг, «зеленый» маркетинг, экологические продукты, органические продукты, «зеленое» поведение потребителей, альтернативное молоко.

Для цитирования: Лебедев А. В., Стручкова С. А. Факторы, влияющие на приобретение «зеленого» молока // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 69–80. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-69-80.

FACTORS INFLUENCING THE PURCHASE OF GREEN MILK

Aleksandr V. Lebedev

National Research University Higher School of Economics (Moscow)
Myasnitskaya, St. 20, Moscow, Russian Federation, 101000, e-mail: Aleksander.Lebedev@gmail.com

Sofiya A. Struchkova

National Research University Higher School of Economics (Moscow)
Myasnitskaya, St. 20, Moscow, Russian Federation, 101000, e-mail: Sofiastern@mail.ru

The presented study explores the nature of factors that facilitate the purchase of “green milk”, which serves as the most appropriate term for defining environmental and organic milk of animal and vegetable origin.

Aim. The study aims to identify factors that affect the indicators of disposition towards purchasing green milk.

Tasks. By summarizing previous studies, the authors put together a set of factors influencing green consumer behavior, conduct an empirical assessment of the impact of these factors, and specify the criteria for facilitating an environmental perception of food products by the consumer.

Methods. This study is based on empirical quantitative-qualitative research. Its qualitative section involves a series of semi-structured interviews aimed at gaining insights. The quantitative section is processed in IBM SPSS 23.0 using a regression analysis. Alpha level 10 % is chosen as the p-value. The respondents are selected using the snowball method with allowance for the niche component. Some respondents are micro-influencers running their own blogs, active on social media, and managing digital communities. From the age perspective, the respondents include millennials living in the capital of the Russian Federation (born in 1982-2000, according to V.V. Radaev) [1]. According to Nielsen, the consumption of organic products by millennials increased by 14 % in 2018, which makes them the fastest growing consumer segment in the eco-market. Moscow accounts for 70% of the Russian eco-market [2]. Based on the above, the examined group of respondents can be regarded as innovators and early supporters of the emerging green milk market.

Results. Literature analysis reveals factors that could potentially affect green consumer behavior. The constructed regression model shows health concerns to be the main motive for buying green products. Despite certain difficulties in distinguishing between the terms “ecological” and “organic” in the context of the topic, it is established that milk (of vegetable and farm origin) can be both ecological and organic. The majority of consumers of these products are women. The key factors that consumers pay attention to when choosing environmental or organic food products are ingredients and eco-labels.

Conclusions. Based on the obtained results, marketers working with green products should focus on their health benefits. Ingredients and eco-labels are the key criteria for identifying a product as green. Therefore, it is necessary to provide information about the health benefits of the ingredients on the packaging, and it also advisable to put an eco-label. The results of the study make it obvious that consumers cannot tell the difference between official and non-official certification marks on green products. Thus, such words as *green*, *organic*, *vegan*, *eco* may not increase sales, but will help define the product as green. When developing a marketing communication strategy, it is necessary to keep in mind that women are the target audience in most cases. A potential business opportunity that deserves attention is organic products for men’s health, which will help to differentiate a new product.

Keywords: *environmental marketing, green marketing, environmental products, organic products, green consumer behavior, alternative milk.*

For citation: Lebedev A. V., Struchkova S. A. Faktory, vliyayushchie na priobretenie «zelenogo» moloka [Factors Influencing the Purchase of Green Milk]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 69–80. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-69-80.

С ростом благосостояния населения и ввиду технологического прогресса изменяются потребительские привычки. Традиционные продукты обогащаются дополнительными характеристиками и компонентами, растет спрос на экологические заменители классических товаров. Согласно исследованию KPMG, выполненному по заказу Effie Russia, на российском рынке наблюдается нереализованный потенциал продаж экологической продукции. Это происходит вследствие увеличения процента людей, выражающих готовность платить ценовую премию за экологические характеристики продуктов питания. В то же время фактические покупки составляют примерно лишь 1/10 от потенциального спроса [3]. Экологическая продукция в массовом сознании обладает признаком друже-

зованный потенциал продаж экологической продукции. Это происходит вследствие увеличения процента людей, выражающих готовность платить ценовую премию за экологические характеристики продуктов питания. В то же время фактические покупки составляют примерно лишь 1/10 от потенциального спроса [3]. Экологическая продукция в массовом сознании обладает признаком друже-

Классификация факторов влияния на экологическое поведение потребителей

Потребительские факторы влияния	Организационные факторы влияния
Ценности	Цена
Привычка потребления экологических продуктов	Бренд
Забота о природе	Экомаркировка
Забота о здоровье	Состав продукта
Социально-демографические факторы, в том числе пол (гендер), уровень образования, уровень дохода	Доступность товара (логистика)

любного отношения к окружающей среде, природоподобием.

Интерес бизнеса к экологизации продукции поддерживает законодательная ветвь российской власти. Термин «экологическое» синонимичен в определенном смысле термину «органическое». Согласно Федеральному закону от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в российское правовое поле с 2020 г. вводятся понятия «производитель органической продукции», «органическая продукция», «органическое сельское хозяйство» [4]. Эта новелла будет способствовать развитию рынка органических продуктов. В соответствии с прогнозом экспертов Союза органического земледелия, к 2020 г. (в сравнении с 2017 г.) рынок удвоит объем реализации органической продукции, достигнув годового показателя в четверть миллиарда долларов США [5].

Об актуальности исследования вопросов, связанных с практикой экологизации бизнеса, говорят изменения в правовом регулировании (за несанкционированное использование знака «органическая продукция» агентов рынка будут штрафовать); сдвиг потребительских настроений; новые бизнес-возможности. При этом наблюдается дефицит научных статей, где были бы исследованы эти проблемы на российском эмпирическом материале. Менеджеры по маркетингу производителей продуктов питания опираются на традиционные методики маркетинга при разработке и выводе товаров экологического характера, не в полной мере учитывая специфику экологически чувствительных потребителей. Отчасти данный факт объясняется так называемой молодостью феномена. Поэтому для восполнения лакуны в области научного знания проведено исследование факторов, определяющих экологическое, т. е. «зеленое» поведение потребителей.

Для вычленения соответствующих факторов нами исследована нишевая разновидность широко распространенного продукта. В качестве объекта исследования выбраны торговые марки «зеленого» молока, под которым предлагаем понимать совокупность напитков животного и растительного происхождения, объединенных

по признаку принадлежности к экологическим альтернативам молока. Российская культура высоко ценит молочные продукты. По распространенности в потребительской корзине они уступают только фруктам и овощам [6]. Выбор категории обусловлен тем, что нишевой рынок экологических альтернатив молока находится в начале жизненного цикла и в большей степени сконцентрирован в городах-миллионниках. Вместе с тем, согласно данным международного исследовательского агентства GfK, косвенные признаки свидетельствуют о расширении экологической сознательности граждан России [7], что является предиктором будущего спроса на экологические альтернативы традиционных продуктов. Ценность исследования заключается и в том, что сбор эмпирического материала проведен в группе микроинфлюенсеров, отраслевых блогеров, ранних последователей экологического тренда.

В процессе исследования решены следующие задачи:

- 1) на основе обобщения работ предшествующих исследователей сформирован набор факторов, влияющих на «зеленое» потребительское поведение;
- 2) проведена эмпирическая оценка влияния выделенных факторов;
- 3) конкретизированы критерии отнесения продуктов питания к категории экологических в сознании потребителей.

Факторы, влияющие на экологическое поведение потребителей

В ходе анализа экологического поведения потребителей факторы, влияющие на экологическое поведение потребителей, собраны в две группы, представленные в таблице 1. Рассмотрим их подробнее.

Ценности. Клевланд (Cleveland) определил корреляционную связь между «зеленым» поведением и ценностями трех типов: биосферными, а также двумя противоположными эгоистическими и альтруистическими [8]. Потребители с биосферной ориентацией ценностей рассчитывают в целом для биосферы отношение положительных и отрицательных экстерналий. В противовес им эгоистически

Гипотезы

Н1. Потребительские факторы влияют на вероятность приобретения экологического продукта:	Н2. Организационные факторы влияют на вероятность приобретения экологического продукта:
Н1.1. Фактор «забота о здоровье» положительно связан с покупкой экологических продуктов	Н2.1. Фактор «цена» отрицательно коррелирует с вероятностью приобретения экологического продукта
Н1.2. Фактор «забота об окружающей среде» положительно связан с покупкой экологических продуктов	Н2.2. Известность бренда для потребителя и приобретение экологического продукта связаны положительно
Н1.3. Наличие предыдущего опыта приобретения экологических товаров положительно коррелирует с покупкой экологических продуктов	Н2.3. Официальная экологическая маркировка на упаковке при покупке органического молока является значимым фактором
Н1.4. Женщины чаще мужчин приобретают органическое молоко	Н2.4. Доступность товара в магазине и совершение покупки связаны положительно
Н1.5. Наличие высшего образования положительно коррелирует с вероятностью приобретения органического молока	Н2.5. Значимость состава экологических продуктов для потребителей и их покупка положительно связаны
Н1.6. Потребители «зеленого» молока располагают доходом средним и выше среднего	

настроенные потребители обращают внимание на персональное соотношение затрат и выгод, в том числе практики экологического поведения, когда это сулит преимущества, и переключаются обратно, если такое поведение сопряжено с увеличением издержек. Наконец, потребители с альтруистической ценностной ориентацией нацелены на общественную пользу, социальный эффект от экологического потребления.

Цена. Многие исследователи определяют цену как основной барьер при распространении экологического поведения. В частности, об этом пишут Б. Се (B. Xie) [9] и Г. Сингх (G. Singh) [10].

Привычки потребления экологических продуктов. Предыдущий положительный опыт потребления экологических продуктов вырабатывает экологические привычки, лояльность к экопрактикам. Дж. Тегерсен (J. Thøgersen) [11] вычленил привычки в факторы, детерминирующие экологическое поведение. Они способствуют большей заинтересованности в экологическом поведении, повышенной осведомленности и преобразованию намерения в устойчивое поведение.

Бренд. Знания потребителей об особенностях экологических продуктов, выделение на полке магазина экобрендов, способность дифференцировать различные характеристики «экологичности» — значимые факторы экоповедения [12].

Забота о природе. Исследователи во всем мире отмечают возросшую обеспокоенность потребителей вопросами состояния окружающей среды [13; 14; 15; 16].

Экомаркировка. В России, как и в мире в целом, существует три типа экомаркировок. I и III типы — экологические маркировки добровольной сертификации — заверяются третьей стороной. I тип — организацией, под-

держиваемой государством, III тип — независимой организацией. II тип — экологическая самодекларация. В России представлена только одна официальная маркировка I типа — «Листок жизни». При этом рынок наполнен самодекларируемыми маркировками, что нередко вводит потребителей в заблуждение. Однако, по итогам исследования НП «Экологический союз», потребители при выборе товаров принимают в расчет наличие экомаркировки [17].

Забота о здоровье. Экологические продукты питания чаще всего наделяются потребителем свойствами, улучшающими состояние здоровья. Согласно исследованию 2017 г., А. Трипати и М. Сингх (A. Tripathi, M. Singh) [16], 87,6 % потребителей, сравнивая органические и неорганические продукты, считают первые более «здоровыми» [18].

Состав продукта. Этот фактор тесно связан с идеей о безопасности. Критериями отнесения продуктов к экологическим служат механико-биологическая обработка почвы, отсутствие химической обработки растений, запрет на применение антибиотиков и гормонов роста при выращивании скота. В исследовании Дж. Эртсенс (J. Aertsens) и других [19] выявлено, что решающий фактор при покупке органической курицы — уверенность покупателей в отсутствии антибиотиков в туше.

Социально-демографические факторы. С учетом позиции П. Стерна (P. Stern) к значимым подфакторам социально-демографических факторов относятся уровень образования, доходы, социальный статус [20]. Связь дохода и склонности к экологическому потреблению также выявлены в данном исследовании [21]. Существует и дискуссия о зависимости экологического потребления и возраста, пола, семейного статуса, состава до-

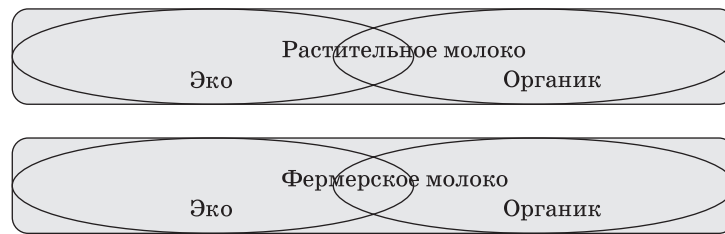

Рис. 1. Схема иерархии терминов

мохозайства [22]. *Доступность товара.* Физическое нахождение экологических продуктов в местах продаж, удобных для частого посещения (ввиду ограниченного срока годности экопродуктов), признается важным фактором экологического поведения. По результатам опроса российских потребителей, проведенного в рамках исследования М. А. Николаевой, С. А. Калугиной, Л. В. Карташовой [12], 62 % респондентов указали на физическую недоступность товара как причину отказа от покупки экопродуктов. Подобные сведения получены и при исследовании НП «Экологический союз»: 63,9 % покупателей сетовали на сложности в поиске экологических продуктов на полках магазинов [17].

В процессе исследования нами сформулирован ряд гипотез (см. таблица 2). Для концептуализации терминов, применяемых синонимично при описании экологического («зеленого») молока, проведены полуструктурированные интервью в ходе качественного этапа исследования. На основе полученных инсайтов составлена иерархическая схема определений «экологического», «органического» и «зеленого» молока в восприятии респондентов. Приведем фрагменты их ответов. Веган Ирина сообщила: «*Экологичным считаю только молоко своей бабушки, а вот фермерское, наоборот, самое неэкологичное — его производство требует колоссальных ресурсов, что вредит природе. При этом слово «зеленое» у меня прежде всего ассоциируется со словом «зелень», а эко, органик и веган — все-таки другие определения*». У вегана Надежды такое мнение: «*Растительное молоко для меня без всяких условий самое эко. Мне важно, что при его производстве животные не страдают. Вы, наверное, слышали, что коровы оказывают существенное влияние на озоновый слой Земли, что приводит к парниковому эффекту? Это еще одна причина, по которой молоко «из-под коровы» не может быть органическим. Хотя я не ем молочные продукты не по этим соображениям*». Интересна точка зрения исследователя-социолога Евгения: «*Когда я ем вне дома, то всегда прошу сделать мне блюдо на растительном молоке, например, на кокосовом или миндальном. Экологическим для меня больше*

является растительное молоко, хотя я не то, чтобы строго следуя этому принципу в питании». По словам модельера Эльвиры: «*органически чистое сырье — основа органического молока, никак иначе*». Юрист Анна утверждает: «*Органическое молоко получается от правильных коров. Им не подсовывали в пищу разных добавок бесполезных. Экологическое же (молоко) скорее просто про перерабатываемую упаковку*». Очевидны и предпочтения финансиста Валерия: «*Вот все то молоко, что стоит на экополках «Перекрестка», для меня экологическое, а так предпочитаю безлактозное*».

Наблюдаются различия в определении экологического молока, поэтому на основе обзора ряда источников литературы и полуструктурированных интервью авторы предлагают схему иерархии используемых терминов на рисунке 1, построенного авторами на базе сведений, которые получены при проведении нашего исследования.

Термин «зеленое» молоко введен с целью объединения остальных близких по значению терминов. По типу происхождения различают два типа молока: растительное и фермерское (чаще всего коровье). Каждое из них может быть как экологическим, так и органическим. Экологическое обобщает то, что не приносит вреда окружающей среде: перерабатываемую упаковку, гуманное обращение с животными, не влияющие на плодородие почвы компоненты. Органическое включает в себя использование при изготовлении молока натуральных кормов для животных (коров) и химических средств, не приносящих вреда окружающей среде и здоровью человека.

В исследовании приняли участие 36 человек, в основном женщины, что согласуется с результатами, полученными в ходе предыдущих исследований на крупных выборках. Женщины более склонны к потреблению экопродуктов и охотнее участвуют в маркетинговых исследованиях [23]. Процентное соотношение мужчин и женщин составило 14 % и 86 % соответственно. Гипотезу Н1.4 о преобладании среди потребителей «зеленого» молока женщин считаем подтвержденной.

Уровень образования респондентов показан на рисунке 2.

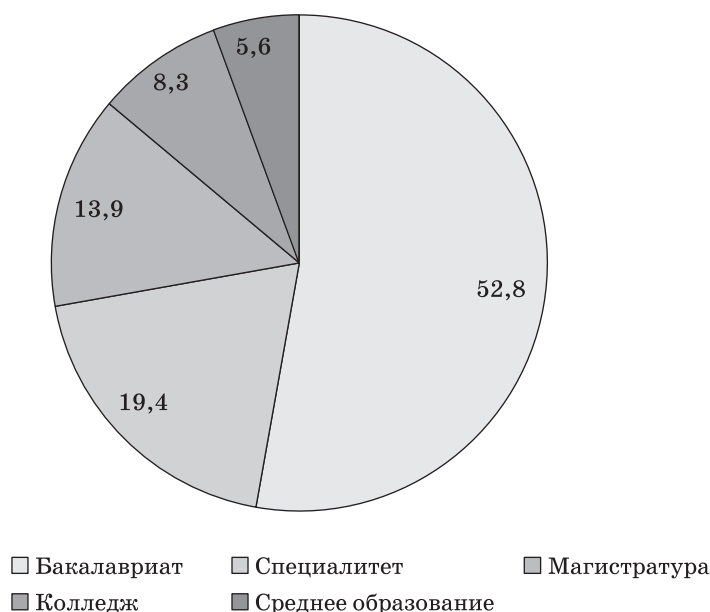

Рис. 2. Уровень образования респондентов, %

Рис. 3. Уровень дохода респондентов, %

Для проверки гипотезы Н1.5 нами объединены ответы респондентов («бакалавриат», «магистратура», «специалитет») в единую группу «высшее образование» и получен результат в виде 86,1 % от общего числа опрошенных. Тем самым подтверждается гипотеза о наличии высшего образования у большинства потребителей «зеленого» молока.

Респондентам предлагалось субъективно оценить доход по самовосприятию, как показано на рисунке 3. Наибольшее количество ответивших (36,1 %) указали, что дохода «хватает на мелкую бытовую технику, но покупка дорогих вещей вызывает трудности». 30,6 % сообщили, что «хватает денег на все, а на покупку квартиры, машины, дачи необходимо накапливать средства». 2,8 % ответили, что «могут позволить себе все». Объединив ответы (69,5 %) в группу «доход средний и выше

среднего», считаем гипотезу Н1.6 подтвержденной (об уровне дохода среднего и выше среди потребителей «зеленого» молока).

Кроме того, установлено, что самые весомые критерии отнесения продуктов к категории «зеленых» в восприятии потребителей — состав и экомаркировка. Об этом свидетельствует рисунок 4.

При определении наибольшей цены, к которой потребитель готов, покупая идеальное для себя молоко (предварительно дав ему описание), применялась десятибалльная шкала оценки. Тем самым стало понятно, в какой степени цена выступает барьером при покупке. Выбор наибольшей цены осуществлялся по порядковой шкале с интервалом 50 руб. Оказалось, что 38,9 % потребителей готовы тратить не более 101–150 руб. за литр идеального, с их точки зрения, «зеленого» молока,

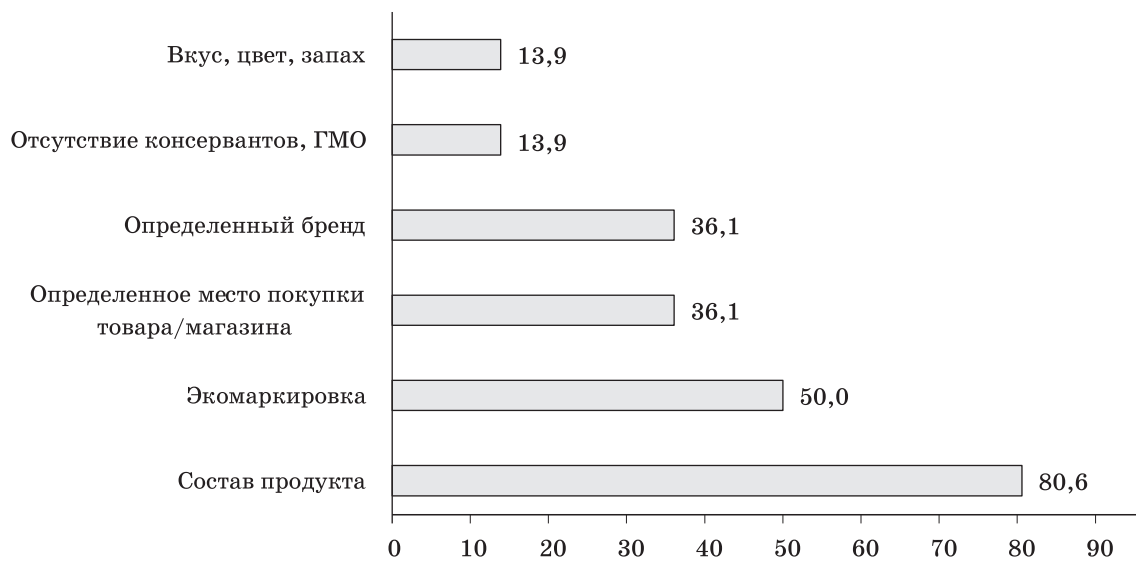

Рис. 4. Критерии отнесения товара к «зеленому», %

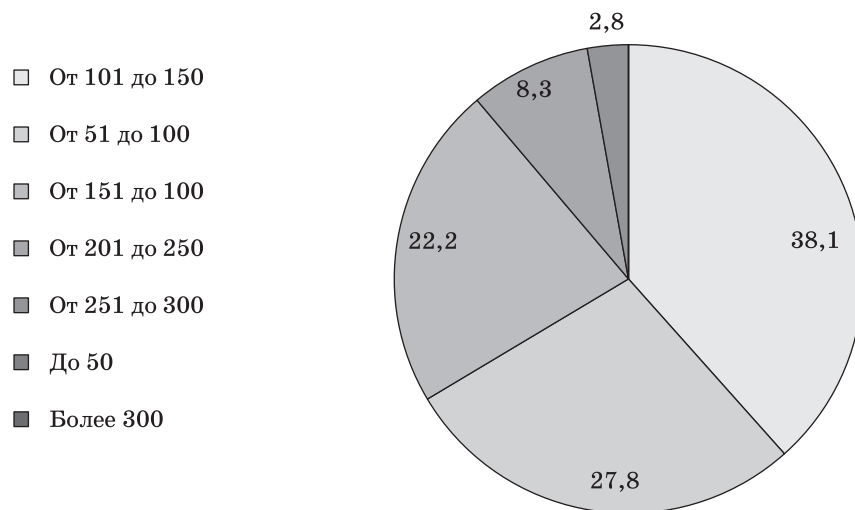

Рис. 5. Максимальная цена, с учетом которой потребители готовы приобрести литр идеального для себя молока, руб.

а «коридор» предпочтительной максимальной цены находится в промежутке с 51 до 200 руб., что находит отражение на рисунке 5.

Таблица 3 иллюстрирует уровень знания брендов «зеленого» молока у потребителей. Потребители назвали всего 20 марок органического молока (69 % упомянули Nemoloko, а 67 % — Alpro). Bite показал уровень знания, равный 17 %, Aroy D — 11 %. Выявлена также конверсия из знания в покупку: у Nemoloko этот показатель составляет 96 %, у Alpro — лишь 42 %, а у Bite и Aroy D — 50 % и 75 % соответственно. Если соотнести полученные цифры с нашим выводом о так называемом коридоре максимальной цены «зеленого» молока, сделанным ранее, факт меньшей конверсии ввиду показателей в отношении Alpro по сравнению с Nemoloko можно объяснить высокой ценой.

Респондентам предлагалось также выбрать экомаркировки (официальные и самодекла-

рационные), отраженные на рисунке 6, на которые они ориентировались бы при покупке молока. Темные столбики на рисунке характеризуют официальные маркировки, светлые — самодекларационные. Очевидно, что первые три места в зависимости от степени доверия заняли официальные маркировки I типа: Vegan, EU Organic и EU Ecolabel. На четвертом месте, по информации 39 % респондентов, — 100 % Organic (самодекларация производителя) и ICEA. Низкой узнаваемостью отличается официальная маркировка «Зеленая точка». Она наносится на упаковку, которая впоследствии будет должным образом переработана.

Далее нами построена линейная регрессия между ключевым фактором Y («зеленое» потребление) и факторами X, соответствующими гипотезам. Необходимо отметить, что Y измерялся как процент потребления «зеленого» молока от уровня общего его потребления. В мо-

Знание брендов «зеленого» молока

Бренд	Кол-во знающих	Доля знающих, %	Кол-во покупающих	Доля покупающих, %	Покупка/Знание, %
	24	67	10	28	42
	25	69	24	67	96
	3	8	3	8	100
	1	3	1	3	100
	6	17	3	8	50
	1	3	1	3	100
	4	11	3	8	75
	1	3	0	0	0
	3	8	1	3	33
	1	3	1	3	100
	1	3	0	0	0
	1	3	1	3	100
	1	3	0	0	0
	2	6	1	3	50
	1	3	1	3	0
	1	3	0	0	100
	1	3	1	3	0
	1	3	1	3	50

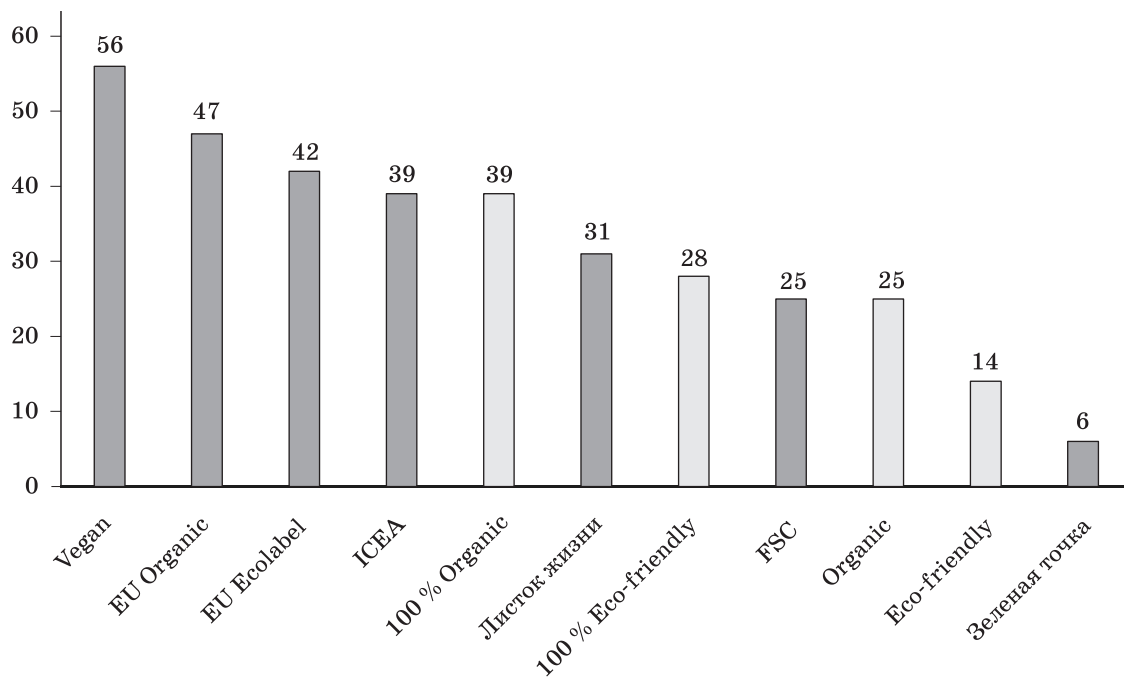

Рис. 6. Ранжирование экомаркировок по уровню доверия среди потребителей, %

Таблица 4

Сводка для модели

Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки	Статистика изменений				
					Изменение R-квадрат	Изменение F	ст. св. 1	ст. св. 2	Знач. изменение F
1	0,751	0,563	0,336	2,49039	0,563	2,474	12	23	0,030

дель, сводка для которой представлена в виде таблицы 4, на основе обзора соответствующей литературы включены такие факторы, как:

- Y — «зеленое» потребление;
- X_1 — ценовой барьер;
- X_2 — значимость торговой марки (бренда);
- X_3 — узнавание торговой марки (бренда);
- X_4 — частота приобретения торговой марки (бренда);
- X_5 — значимость наличия и вида экомаркировки;
- X_6 — физическая доступность товара в магазине;
- X_7 — значимость состава продукта;
- X_8 — важность заботы о здоровье (ЗОЖ, диеты);
- X_9 — проявление заботы об окружающей среде;
- X_{10} — приобретение других зеленых товаров;
- X_{11} — верно определенные знаки экомаркировки;
- X_{12} — неверно определенные знаки экомаркировки;
- X_{13} — разница (верно или неверно выявленные экомаркировки).

При проверке на мультиколлинеарность установлено, что все факторы, за исключением X_{13} (разницы), прошли ее. В частности, критерий корреляции Пирсона X_{11} и X_{13} по-

казал значение, равное 0,766, что диктует выбор между двумя указанными выше переменными. При построении регрессии решено отказаться от фактора X_{11} , так как он имеет положительную корреляцию с фактором X_5 (значимость наличия и вида экомаркировки). Фактор X_{13} (разница) демонстрирует значимую связь с факторами X_{10} (приобретение других «зеленых» товаров) и X_{12} (неверно определенные знаки экомаркировки). Дополнительно при этом пройдена проверка в программе SPSS на нормальность распределения. Предусмотрен R^2 для выявления объяснительной силы модели.

Полученное значение говорит о том, что данная модель — среднего качества. Набор включенных в регрессию переменных X_1 – X_{10} , X_{12} , X_{13} объясняет только 56,3 % «зеленого» потребления. Следовательно, существуют и неучтенные факторы, которые могут увеличить силу модели. Таким образом, выводы в отношении гипотез можно обобщить в таблице 5 следующим образом.

Итак, гипотезы, объединенные в блок «Организационные факторы», не нашли подтверждения. Гипотеза Н2.1 (фактор «цена» отрицательно коррелирует с вероятностью приобретения экологического продукта) косвенно подтверждена. В ходе опроса определен диа-

Результаты проверки гипотез

Потребительские факторы	Организационные факторы
H1. (частично подтверждена)	H2. (не значима)
H1.1 (подтверждена)	H2.1 (частично подтверждена)
H1.2 (не значима)	H2.2 (не значима)
H1.3 (не значима)	H2.3 (не значима)
H1.4 (подтверждена)	H2.4 (не значима)
H1.5 (подтверждена)	H2.5 (не значима)
H1.6 (подтверждена)	

пазон максимальных цен «зеленого» молока, составивший 51–200 руб. Учитывая этот факт, нам удалось сравнить конверсию из знания в покупку. В результате конверсия (96 %) бренда Nemoloko выше, чем бренда Alpro (42 %). Вместе с тем показатели упоминания без подсказки у брендов близки (Nemoloko — 69 %; Alpro — 67 %). Но если проанализировать цены, указанные на сайте Utkonos.ru, то можно обнаружить, что стоимость существенно отличается (Nemoloko — 100 руб.; Alpro — 300 руб.). Разница в конверсии обусловлена именно ценой. При этом фактор X_1 (ценовой барьер) в регрессионной модели не проявил значимости.

Блок гипотез «Потребительские факторы» нашел больше подтверждений. В частности, подтверждена гипотеза H1.1 (фактор «забота о здоровье» положительно связан с покупкой экологических продуктов). Рост фактора «забота о здоровье» потребителей «зеленого» молока на 1 % приведет к росту «зеленого» потребления на 0,581 %. Бета положительная и высокая (0,531), поэтому связь прямо пропорциональная. Гипотезы H1.2 «забота об окружающей среде» и H1.3 «опыт потребления других "зеленых" продуктов» не подтверждены, модель признала данные факторы незначимыми. Гипотезы H1.4, H1.5 и H1.6 нашли подтверждение. «Зеленых» потребителей среди женщин оказалось гораздо больше (86,1 %), что соответствует гендерному распределению «зеленых» потребителей, обнаруженных ранее предыдущими исследователями. 86,1 % респондентов имеют высшее образование, уровень их доходов, в 69,5 % случаев — средний и выше среднего.

Ввиду обзора и инсайтов, полученных в ходе полуструктурированных интервью с потребителями «зеленого» молока, нами предложена схема дифференциации типов соответствующего продукта. «Зеленое» молоко — термин, введенный для объединения остальных классификаций. Анализ состава и экомаркировка продукции являлись для потребителя значимыми факторами, на которые он обращает внимание при покупке. По итогам проведенного исследования можно сформулировать следующие реко-

мендации для компаний, занимающихся продвижением экологических продуктов питания.

1. Покупатели благоприятно реагируют на подтвержденную информацию о пользе для здоровья, поэтому следует указывать ее на упаковке, где «зеленые» потребители готовы читать даже развернутые аннотации.
2. Ключевые критерии для определения товара как «зеленого» — состав и экомаркировка. Верной стратегией является увеличение размера шрифта при указании сведений о составе продукта (в ходе интервью выявлено, что по этой причине многие из респондентов с трудом, напряженно, читают такую информацию).
3. Желательно пройти экосертификацию с нанесением знака экомаркировки. Однако нельзя не учитывать, что потребители слабо ориентируются между официальными и неофициальными знаками сертификации «зеленой» продукции.
4. При построении стратегии позиционирования, маркетинговой коммуникации важно помнить о том, что 70–80 % «зеленых» потребителей — женщины, имеющие высшее образование, с доходом средним и выше среднего. Данный факт побуждает обратить внимание и на незанятую нишу, т. е. «зеленые» продукты для мужчин, заботящихся о здоровье, что поможет создать товар на рынке, отличающийся от предлагаемого конкурентами.
5. Рекомендованная розничная цена за литр «зеленого» молока находится в диапазоне от 51 до 200 руб.

В связи с изложенным, предлагаем будущим исследователям обратить внимание на ряд тезисов, которые не раскрыты в данной статье. Во-первых, сегментация преобладающей женской аудитории на исследуемом рынке позволит выделить сегменты и в своих коммуникациях таргетироваться на определенный тип женщин. Например, в ходе проведения полуструктурированных интервью один из часто встречающихся факторов приобретения «зеленого» молока — «забота о здоровье детей», что помогает выделить «мамочек» и кастомизировать коммуникационные посы-

лы. Во-вторых, увеличение размера выборки будет способствовать построению более достоверной регрессионной модели. В-третьих,

необходимо осуществлять поиск дополнительных факторов для увеличения доказательной силы модели.

Литература

1. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.
2. *Tops of 2018: Organic* [Электронный ресурс] // Nielsen. 2018. 19 Dec. URL: <https://www.nielsen.com/us/en/insights/news/2018/tops-of-2018-organic.html> (дата обращения: 28.03.2019).
3. Совместное исследование Effie Russia и KPMG в рамках программы Effie и ООН по продвижению 17 целей устойчивого развития ООН в России [Электронный ресурс] // KPMG International Cooperative. 2018. 32 с. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2018/09/ru-ru-effie-russia-and-kpmg-joint-study-on-sustainable-development-goals-in-Russia.pdf> (дата обращения: 28.03.2019).
4. Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 280-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/ (дата обращения: 28.03.2019).
5. Дятловская Е. Российский рынок органических продуктов к 2020 г. вырастет вдвое // Agroinvestor.ru. 2017. 28 авг. URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/28442-rossiyskiy-rynok-organicheskikh-produktov-k-2020-godu/> (дата обращения: 02.04.2019).
6. Мироненко О. В. Органический рынок России: итоги и перспективы // Мясные технологии. 2017. № 8 (176). С. 38–43.
7. Демидов А. Глобальные тренды и российский потребитель 2017 // GfK Rus. 2017. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/Gfk-Global-Russian-Trends-Sep-2017_Report.pdf (дата обращения: 28.04.2019).
8. Cleveland M., Kalamas M., Laroche M. Shades of green: Linking Environmental Locus of Control and Pro-environmental Behaviors // Journal of Consumer Marketing. 2005. Vol. 22, no. 4. P. 198–212. DOI: 10.1108/07363760510605317.
9. Xie B., Wang L., Yang H., Wang Y., Zhang M. Consumer Perceptions and Attitudes of Organic Food Products in Eastern China // British Food Journal. 2015. Vol. 117, no. 3. P. 1105–1121. <https://doi.org/10.1108/BFJ-09-2013-0255>.
10. Singh G., Pandey N. The Determinants of Green Packaging That Influence Buyers' Willingness to Pay a Price Premium // Australasian Marketing Journal. 2018. Vol. 26, no. 3. P. 221–230. DOI: 10.1016/j.ausmj.2018.06.001.
11. Thøgersen J. Consumer Decision Making With Regard to Organic Food Products // Noronha Vaz T., Nijkamp P., Jean-Louis Rastoin J.-L., eds. Traditional Food Production and Rural Sustainability Development: A European Challenge. Farnham: Ashgate. 2009. P. 173–192.
12. Николаева М. А., Калугина С. А., Карташова Л. В. Анализ российского рынка органических продуктов питания // Сибирский торгово-экономический журнал. 2016. № 1 (22). С. 226–230.
13. Huttunen K., Autio M. Consumer Ethoses in Finnish Consumer Life Stories — Agrarianism, Economism and Green Consumerism // International Journal of Customer Studies. 2010. Vol. 34, no. 2. P. 146–152. <https://doi.org/10.1111/j.1470-6431.2009.00835.x>.
14. Nguyen H. V., Nguyen N., Nguyen B. K., Lobo A., Vu P. A. Organic Food Purchases in an Emerging Market: The Influence of Consumers' Personal Factors and Green Marketing Practices of Food Stores // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16, no. 6. P. 1037. DOI: 10.3390/ijerph16061037.
15. Finisterra do Paço A. M., Barata Raposo M. L. Green Consumer Market Segmentation: Empirical Findings from Portugal // International Journal of Consumer Studies. 2010. Vol. 34, no. 4. P. 429–436.
16. Tripathi A., Singh M. P. Determinants of Sustainable/Green Consumption: a Review // International Journal of Environmental Technology and Management. 2016. Vol. 19, no. 3–4. P. 316–358. DOI: 10.1504 / IJETM.2016.10003118.
17. Результаты опроса «Почему и как покупатели выбирают экотовары?» // Экологический союз. 2018. 7 сент. URL: <http://ecounion.ru/pochemu-i-kak-pokupateli-vybirayut-ekotovyary/> (дата обращения: 28.04.2019).
18. Tsakiridou E., Boutsouki C., Zotos Y., Mattas K. Attitudes and behaviour towards organic products: An exploratory study // International Journal of Retail & Distribution Management. 2008. Vol. 36, no. 2. P. 158–175. <https://doi.org/10.1108/09590550810853093>.
19. Aertsens J., Mondelaers K., Verbeke W., Buysse J., Van Huylenbroeck G. The Influence of Subjective and Objective Knowledge on Attitude, Motivations and Consumption of Organic Food // British Food Journal. 2011. Vol. 113, no. 11. P. 1353–1378. <https://doi.org/10.1108/0007070111179988>.
20. Stern P. C. Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior // Journal of Social Issues. 2000. Vol. 56, no. 3. P. 407–424. DOI: 10.1111/0022-4537.00175. DOI: 10.1111/j.1470-6431.2010.00869.x.
21. Gatersleben B., Steg L., Vlek C. Measurement and Determinants of Environmentally Significant Consumer Behavior // Environment and Behavior. 2002. Vol. 34, no. 3. P. 335–362. DOI: 10.1177/0013916502034003004.
22. Milovanov O. Marketing and Sustainability: Identifying the Profile of Green Consumers // Strategic Management. 2015. Vol. 20, no. 4. P. 54–66.
23. Ткаченко Е. В. Потребительское сообщество веганов: идентичности, потребительские практики и правила взаимодействия (на примере «Веган Феста»). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/219517878> (дата обращения: 30.04.2019).

References

1. Radaev V. V. Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokoleniy: empiricheskiy analiz [Millennials compared to previous generations: An empirical analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018, no. 3 (407), pp. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.
2. *Tops of 2018: Organic*. Nielsen. 19 Dec., 2018. Available at: <https://www.nielsen.com/us/en/insights/news/2018/tops-of-2018-organic.html>. Accessed 28.03.2019.
3. *Effie Russia and KPMG joint study under the Program of Effie and the United Nations to promote the 17 sustainable development goals in Russia*. Moscow: KPMG, 2018. 32 p. Available at: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2018/09/ru-en-effie-russia-and-kpmg-joint-study-on-sustainable-development-goals-in-Russia.pdf>. Accessed 28.03.2019.
4. *Federal law "On organic products and on amending certain legislative acts of the Russian Federation" dated August 3, 2018 No. 280-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/. Accessed 28.03.2019. (in Russ.).
5. Dyatlovskaya E. *The Russian market for organic products will double by 2020*. Agroiinvestor.ru. 28 Aug., 2017. Available at: <https://www.agroiinvestor.ru/analytics/news/28442-rossiyskiy-rynok-organicheskikh-produktov-k-2020-godu/>. Accessed 02.04.2019. (in Russ.).
6. Mironenko O. V. Organicheskiy rynek Rossii: itogi i perspektivy [Organic market of Russia: Results and prospects]. *Myasnye tekhnologii*, 2017, no. 8 (176), pp. 38–43.
7. Demidov A. *Global trends and Russian consumers 2017*. GfK Rus. 2017. Available at: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/GfK-Global-Russian-Trends-Sep_2017_Report.pdf. Accessed 28.04.2019. (in Russ.).
8. Cleveland M., Kalamas M., Laroche M. Shades of green: Linking environmental Locus of control and pro-environmental behaviors. *Journal of Consumer Marketing*, 2005, vol. 22, no. 4, pp. 198–212. DOI: 10.1108/07363760510605317.
9. Xie B., Wang L., Yang H., Wang Y., Zhang M. Consumer perceptions and attitudes of organic food products in Eastern China. *British Food Journal*, 2015, vol. 117, no. 3, pp. 1105–1121. DOI: 10.1108/BFJ-09-2013-0255.
10. Singh G., Pandey N. The determinants of green packaging that influence buyers' willingness to pay a price premium. *Australasian Marketing Journal*, 2018, vol. 26, no. 3, pp. 221–230. DOI: 10.1016/j.ausmj.2018.06.001.
11. Thøgersen J. Consumer decision making with regard to organic food products. In: de Noronha Vaz T., Nijkamp P., Jean-Louis Rastoin J.-L., eds. *Traditional food production and rural sustainability development: A European challenge*. Farnham: Ashgate, 2009, pp. 173–192.
12. Nikolaeva M. A., Kalugina S. A., Kartashova L. V. Analiz rossiyskogo rynka organicheskikh produktov pitaniya [Analysis of the Russian organic food market]. *Sibirskiy trgovno-ekonomicheskii zhurnal*, 2016, no. 1 (22), 226–230.
13. Huttunen K., Autio M. Consumer ethoses in Finnish consumer life stories — agrarianism, economism and green consumerism. *International Journal of Customer Studies*, 2010, vol. 34, no. 2, pp. 146–152. DOI: 10.1111/j.1470-6431.2009.00835.x.
14. Nguyen H. V., Nguyen N., Nguyen B. K., Lobo A., Vu P. A. Organic food purchases in an emerging market: The influence of consumers' personal factors and green marketing practices of food stores. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019, vol. 16, no. 6, p. 1037. DOI: 10.3390/ijerph16061037.
15. Finisterra do Paço A. M., Barata Raposo M. L. Green consumer market segmentation: Empirical findings from Portugal. *International Journal of Consumer Studies*, 2010, vol. 34, no. 4, pp. 429–436. DOI: 10.1111/j.1470-6431.2010.00869.x.
16. Tripathi A., Singh M. P. Determinants of sustainable/green consumption: A Review. *International Journal of Environmental Technology and Management*, 2016, vol. 19, no. 3–4, pp. 316–358. DOI: 10.1504 / IJETM.2016.10003118.
17. *The results of the survey "Why and how do customers choose eco products?"* Ecological Union. 7 Sept., 2018. Available at: <http://ecounion.ru/pochemu-i-kak-pokupateli-vybirayut-ekotovary/>. Accessed 28.04.2019. (in Russ.).
18. Tsakiridou E., Boutsouki C., Zotos Y., Mattas K. Attitudes and behaviour towards organic products: An exploratory study. *International Journal of Retail & Distribution Management*, 2008, vol. 36, no. 2, pp. 158–175. DOI: 10.1108/09590550810853093.
19. Aertsens J., Mondelaers K., Verbeke W., Buysse J., Van Huylenbroeck G. The influence of subjective and objective knowledge on attitude, motivations and consumption of organic food. *British Food Journal*, 2011, vol. 113, no. 11, pp. 1353–1378. DOI: 10.1108/00070701111179988.
20. Stern P. C. Toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*, 2000, vol. 56, no. 3, pp. 407–424. DOI: 10.1111/0022-4537.00175.
21. Gatersleben B., Steg L., Vlek C. Measurement and determinants of environmentally significant consumer behavior. *Environment and Behavior*, 2002, vol. 34, no. 3, pp. 335–362. DOI: 10.1177/0013916502034003004.
22. Milovanov O. Marketing and sustainability: Identifying the profile of green consumers. *Strategic Management*, 2015, vol. 20, no. 4, pp. 54–66.
23. Tkachenko E. V. *The vegan consumer community: Identities, consumer practices, and interaction rules (the example of "Vegan Festa")*. Available at: <https://www.hse.ru/edu/vkr/219517878>. Accessed 30.04.2019. (in Russ.).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-81-89

УДК 336:004

Аббасов Али Мамед оглы

*академик Национальной академии наук Азербайджана,
доктор технических наук, профессор*

AZ1001, Азербайджанская Республика, Баку, ул. Истиглалият, д. 30

Мамедов Захид Фаррух

*директор департамента Азербайджанского государственного экономического университета,
доктор экономических наук, профессор*

AZ1001, Азербайджан, Баку, ул. Истиглалият, д. 6, e-mail: prof.zahid.mamed@mail.ru

Алиев Саттар Ариф оглы

докторант Азербайджанского государственного экономического университета

AZ1001, Азербайджан, Баку, ул. Истиглалият, д. 6

Исследование направлено на изучение модели цифрового банкинга в современных условиях глобализации.

Цель. Рассмотреть вопросы о сущности и состоянии цифрового банкинга, выявлении перспективных направлений его прогресса в Азербайджане.

Задачи. Изучить главные тенденции прогресса цифрового банка, определить его классификацию в отношении российского рынка цифрового банкинга и перспективные направления развития в Азербайджане.

Методология. В статье с помощью общих методов научного познания в различных аспектах представлены модели прогресса, выявлены его тенденции, характерные черты и новые перспективные направления развития в Азербайджане.

Результаты. Прогресс как интернет-банкинга, так и мобильного банкинга тесно коррелируется со сферой электронной торговли. Из 30 банков, действующих в Азербайджане, 27 применяют интернет-банкинг, а 25 — мобильный банкинг. В настоящее время 25 % операций по текущим счетам в азербайджанских банках проводится посредством электронных платежей. Согласно индексу электронной торговли В2С ЮНКТАД, Азербайджан занимает 68-е место среди 144 государств мира по ее развитию. Поэтому важнейшими стратегическими приоритетами в стране остаются расширение ассортимента, качества и сферы услуг по цифровым платежам путем усиления институциональной и правовой базы данных услуг, повышения инфраструктурных возможностей, а также обеспечения массовости их использования. Расширение сферы применения цифровых платежей в условиях прозрачности экономических оборотов будет способствовать сокращению издержек, связанных с наличными деньгами, операционных трат банков и учреждений, что, в свою очередь, откроет возможности использования современных финансовых услуг и, как результат, обеспечит экономический рост.

Выводы. Развитие цифрового банкинга — путь к прозрачности экономики, сокращению теневой экономики, увеличению объема налоговых поступлений, количества рабочих мест и росту ВВП. Центральный банк Азербайджана (ЦБА) предпринимает ряд системных мер, которые направлены на расширение цифровой трансформации банковского сервиса и платежной системы. Внедрение и развитие инновационных банковских продуктов должно найти отражение в стратегиях всех банков. Цифровизация может стать одним из драйверов развития банковской системы, а также повысит уровень доверия между вкладчиками и банками обеспечит прозрачность в секторе. Однако основным препятствием в цифровой трансформации является дефицит компетентных специалистов, а также отсутствие понимания в вопросе о необходимости срочного трансформирования бизнеса на основе цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация экономики, цифровой банк, цифровая трансформация, цифровые финансовые услуги, развитие безналичных платежей.

Для цитирования: Аббасов А. М., Мамедов З. Ф., Алиев С. А. Цифровизация банковского сектора: новые вызовы и перспективы // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 81–89. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-81-89.

DIGITALIZATION OF THE BANKING SECTOR: NEW CHALLENGES AND PROSPECTS

Ali M. Abbasov

*Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku)
Istiglaliyat St. 30, Baku, Azerbaijan, AZ1001*

Zakhid F. Mamedov

*Azerbaijan State University of Economics (Baku)
Istiglaliyat St. 6, Baku, Azerbaijan, AZ1001, e-mail: prof.zahid.mamed@mail.ru*

Sattar A. Aliev

*Azerbaijan State University of Economics (Baku)
Istiglaliyat St. 6, Baku, Azerbaijan, AZ1001*

The presented study examines the digital banking model in the context of globalization.

Aim. The study aims to analyze the nature and current state of digital banking and to determine perspective directions for its development in Azerbaijan.

Tasks. The authors examine the major trends in the development of digital banking, determine its classification relative to the Russian digital banking market, and identify perspective directions for its development in Azerbaijan.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition to examine in various aspects the models of development, its trends, characteristic features, and perspective directions in Azerbaijan.

Results. The progress of both Internet banking and mobile banking is closely associated with e-commerce. Out of 30 banks operating in Azerbaijan, 27 use Internet banking and 25 use mobile banking. At this point, 25% of current account transactions in Azerbaijani banks are conducted via electronic payments. According to the UNCTAD B2C E-commerce Index, Azerbaijan ranks 68th among 144 countries in terms of e-commerce development. Therefore, the most important strategic priorities for the country include improving the variety, quality, and services in the field of digital payments by consolidating the institutional and legal framework of these services, increasing the infrastructure capacity, and facilitating mass use. Expanding the scope of application of digital payments in the context of transparent economic transactions would reduce the costs associated with cash and operating losses of banks and institutions, which would in turn open up new opportunities for modern financial services, thus enhancing economic growth.

Conclusions. Development of digital banking is a path toward economic transparency, shrinking of the underground economy, and an increase in tax revenues, the number of jobs, and GDP. The Central Bank of Azerbaijan (CBA) is taking systemic measures aimed at expanding the digital transformation of the banking service and payment system. The implementation and development of innovative banking products should be reflected in the strategy of every bank. Digitalization could become one of the forces driving the development of the banking system and increase the level of trust between depositors and banks, making this sector more transparent. However, there is one major obstacle: a lack of understanding that business should be urgently transformed using digital technology.

Keywords: digitalization of the economy, digital bank, digital transformation, digital financial services, development of non-cash payments.

For citation: Abbasov A. M., Mamedov Z. F., Aliev S. A. Tsifrovizatsiya bankovskogo sektora: novye vyzovy i perspektivy [Digitalization of the Banking Sector: New Challenges and Prospects]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 81–89. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-81-89.

Развитие цифровой трансформации мировая экономика переживает, адаптируясь к реалиям и интересам общества цифровой экономики [1, с. 77]. Как предполагают ведущие мировые аналитики, к 2020 г. четверть мировой экономики будет цифровой¹ и внедрение технологий цифровизации позволит правительству, предпринимательскому сектору и гражданскому обществу эффективно взаимодействовать. Современный этап развития банковской индустрии способствует цифровой трансформации.

Банковские продукты, услуги, маркетинг и продажи, клиентское обслуживание и операционные процессы переводятся в цифровую среду.

Цифровой банк, используя цифровые каналы, предлагает большую часть своих продуктов и услуг в цифровом виде. По оценкам исследователей, за последние два года доля проектов в сети Интернет в маркетинговых

¹ К цифровой экономике относится деятельность, в которой, в отличие от традиционных форм хозяйствования, эффективность производства, применения технологий, работы оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг существенно повышается за счет обработки больших объемов данных и использования результатов их анализа.

бюджетах коммерческих банков превысила 75 %. Это свидетельствует о том, что внедрение цифровых технологий в банковском маркетинге превалирует над использованием традиционных видов маркетинговых коммуникаций [2].

Мобильность, ориентированность на клиента, персонализация предложения — основные составляющие концепции цифрового банка [3]. В последние годы на банковский рынок Азербайджана активно проникают цифровые финансовые услуги. Сегодня в 27 из 30 банков Азербайджана существует интернет-банкинг, в 25 — мобильный банкинг. В «Стратегической дорожной карте по развитию финансовых услуг» Азербайджана отражено развитие цифровых каналов продаж, интернет- и мобильного банкинга в стране. Ожидается, что в 2020 г. вследствие цифровой трансформации ВВП страны увеличится на 135 млн манатов и на 20 % с учетом цифровизации возрастут совокупные доходы банков. Вместе с тем на проведение этих работ банкам понадобятся инвестиции в размере около 100 млн манатов [4]. Основные тенденции цифровизации банков — автоматизирование бэк-офисных операций и операционных процессов, развитие технологий электронных платежей, внедрение аналитики и трансформация на облачные технологии. В связи с этим очевидны преимущества, заключающиеся в следующем:

- 1) автоматизирование бэк-офисных операций позволяет уменьшить издержки и снизить тарифы на обслуживание, увеличит скорость их запуска и трансформацию, а также улучшить клиентский опыт и облегчить соответствие законодательным требованиям;
- 2) автоматизирование операционных процессов помогает быстрее выявлять «аномалии», снизить риск от мошеннических операций; с помощью автоматизации повторяющихся задач со значительным вовлечением объемных данных экономия составит до 25 % расходов. Программа Contract intelligence (COIN) уменьшает количество просчетов, допущенных банком, которые могли случиться ввиду ручного процесса;
- 3) существенные изменения в технологиях вынуждают банки инвестировать в цифровизацию системы корпоративных платежей; основное внимание нацелено на стандарти-

зацию корпоративных платежей, их более «умную» обработку, полнофункциональные сервисные платежные хабы, позволяющие гибко и в режиме реального времени обрабатывать платежи (подобный пилотный проект корпоративных платежей реализует BNP Paribas, а также DBS, запустивший мобильное платежное решение Ideal для клиентов, которое превращает телефон в виртуальный токен, используемый с целью авторизации);

- 4) внедрение предсказательной аналитики позволяет качественно проводить системы оценки кредитоспособности физических и юридических лиц, эффективнее управлять рисками, уменьшая расходы и увеличивая рентабельность кредитования;
- 5) многие банки перевели так называемые некритичные задачи в публичное облако; внедрение гибридной модели облачного сервиса выросло с 2014 по 2017 г. до 31 %. Подобные инициативы меняют затраты с CAPEX на OPEX, предоставляя банкам больше возможностей для оптимизации бюджетов, снижая затраты на обслуживание, создавая масштабируемую платформу, позволяя проводить быстрые изменения в продуктах и сервисах при соблюдении высоких стандартов безопасности [5]. Этот факт доказывает опыт ведущих цифровых банков мира, как показано в таблице 1.

По подсчетам Juniper, в 2021 г. 3 млрд жителей Земли будут пользоваться банковскими сервисами на смартфонах и компьютерах [6]. Эксперты провели анализ и установили, что заметного успеха в цифровой трансформации [7] добились Bank of America и Barclays BNP Paribas¹. Эксперты подразделения международной консалтинговой компании Deloitte (Deloitte Digital) включили Россию в пятерку стран, признанных лидерами цифрового банкинга в регионе ЕМЕА, включающем в себя Европу, Ближний Восток и Африку. Исследование ЕМЕА — Digital Banking Maturity 2018 — проведено в 38 странах. В итоге охвачено 238 банков и десять финтех-компаний; в лидирующую группу также вошли Швейцария, Испания, Польша и Турция. Эксперты Deloitte протестировали 12 российских банков, в том числе Сбербанк, Альфа-банк, Тинькофф Банк, Райффайзенбанк, Рокетбанк и др. По результатам Российская Федерация

¹ Bank of America протестировал первые банковские отделения без обслуживающего персонала. Они оснащены только банкоматами и специальными комнатами для видеоконференцсвязи с банковскими работниками (если необходимо обсудить детали персонально). Сначала банк протестирует реакцию клиентов на такие мини-отделения, но в будущем, возможно, перейдет на робо-банкинг. Barclays, у которого насчитывается 6,5 млн пользователей мобильных приложений (каждый в среднем логинится в нем 26 раз в месяц), планирует открыть еще один цифровой канал обслуживания — Facebook. BNP Paribas принял решение потратить на цифровую трансформацию 3 млрд евро. Перевод обслуживания клиентов в цифровые каналы позволил банку на 10 % сократить количество розничных отделений во Франции.

Ведущие цифровые банки мира по размеру клиентской базы

Банк	Материнская компания	Страна	Количество клиентов, млн
ING Diba	ING Group	Германия	8,5
Capital One 360	Capital One Financial	США	7,8
USAA Bank	USAA	США	7
FNBO Direct	First National of Nebraska	США	6
Rakutenbank	Rakuten	Япония	5
Tinkoff Bank	–	Россия	5
TIAA Direct	TIAA–CREF Trust Company	США	3,9
Discover Bank	Discover Financial Services	США	3,5
Alior Bank	–	Польша	3
DKB AG	–	Германия	3

Источник: www.tadviser.ru

обошла Великобританию, Францию и Австрию [8].

По оценкам рейтингового агентства Moody's Investors Service, Россия «занимает явное лидирующее положение» среди стран СНГ по цифровизации банковских услуг и сохранит лидирующие позиции в дальнейшем. Эксперты агентства считают, что российское государство способно сохранить лидерство среди стран СНГ в данной сфере по мере увеличения использования смартфонов в платежах и распространения банковских услуг в интернете [9].

Модели цифрового банкинга

Эксперты IBM отмечают, что банковский сектор — это во все времена консервативная сфера с большим количеством юридических правил и относительно высокими ограждениями для входа оппонентов из необанкинга. Однако развитие цифровых технологий, в том числе облачных, мобильных и аналитических систем, способствует появлению новых игроков. Этому содействуют и регуляторы многих стран, которые с помощью законодательных изменений стимулируют внедрение инноваций в банковской сфере. Аналитики в докладе Designing a Sustainable Digital Bank IBM указывают, что инфраструктура цифрового банка оптимизирована для цифровых взаимодействий в реальном времени, а внутренняя культура подразумевает высокую скорость изменения цифровых технологий. IBM рассматривает цифровой банкинг по четырем направлениям:

1) модель А — цифровой банковский бренд (Рокетбанк) — банки производят инноваци-

онные бренды и продукты, адаптированные к потребностям современного общества;

2) модель В — банк с цифровыми каналами (Talkbank) — подобные банки внедряют бэк-офис банковскую лицензию действующих банков, перепродают их продукты посредством более удобного пользовательского интерфейса;

3) модель С — цифровой филиал банка (Touchbank) — объединяет два подхода: цифровой пользовательский опыт и новые бизнес-процессы;

4) модель D — цифровой банк (Тинькофф Банк) — такие банки разрабатывают свои продукты на основе цифровых технологий [10].

Согласно исследованию Bloomchain «Финтех в России–2018: в поисках нового рынка», именно банки остаются главными драйверами развития финтех-отрасли в российском государстве. Речь идет и о традиционных представителях сектора, и о необанках. В то же время не обошлось без поправки на особенности развития российского рынка. Изучая методологию IBM, Bloomchain выделена еще одна стратегия развития под условным названием «Модель Е»¹. Соответствующая категория вводится для некредитных организаций, которые занимают долю на рынке необанкинга в сегменте платежных операций. Представитель этой модели — сервис «Яндекс. Деньги». Если сравнить полученные на основании классификации сведения о стоимости отечественных необанков, то становится очевидным тот факт, что наибольшего успеха в России добились создатели нативного цифрового банка (модель D). По данным Bloomchain Research, в конце 2017 г. совокупная стоимость семи

¹ Компании «Модели Е» могут заниматься расчетно-кассовыми операциями, эквайрингом, выпуском собственных карт. Услуги они оказывают через цифровые каналы. Для таких компаний характерно отсутствие банковской лицензии или банка-партнера, который предоставлял бы для их деятельности свою инфраструктуру. Симбиоз приоритета цифровых технологий, ограниченного набора банковских услуг и отсутствия необходимости в использовании инфраструктуры банка-партнера позволяет выделить подобные компании в отдельную группу.

крупнейших российских небанков превысила 240 млрд руб. Из них 227,93 млрд руб. приходится на Тинькофф Банк. На втором месте в списке — Модульбанк (3,57 млрд руб.). Оба игрока пошли по пути создания полноценного цифрового банка [11].

Стратегия развития цифровых финансовых услуг в Азербайджане

По сведениям Ассоциации банков Азербайджана (АБА), в 2012–2017 гг. банки израсходовали около 310 млн манатов (8 % от непроцентных расходов) на внедрение финансовых технологий. Очевидно, что цифровизация требует от банков огромных капиталовложений. Если в 2010 г. объем операций, проводимых поверх межбанковских платежей, составил 85 млрд манатов, то в 2018 г. этот показатель достиг 255 млрд манатов [12]. В Азербайджане еще в 1997 г. приняты концептуальные основы и стратегия развития платежных систем. Этапами ее реализации стали создание первого карточного процессингового центра ООО «Азерикард» при Международном банке Азербайджана (МБА) в 1997 г.; основы современной национальной платежной системы — азербайджанской межбанковской платежной системы в режиме реального времени (Azerbaijan Interbank Payments System, AZIPS) в начале 2001 г.; расчетно-клиринговой системы розничных платежей (BCSS) в конце 2002 г. [13–14]. ЦБА 11 июля 2008 г. ввел в промышленную эксплуатацию государственную систему учета и оплаты коммунальных платежей (Azeri Payment Utility Service, APUS). Это дало следующие преимущества: повышение уровня сбора коммунальных платежей; интеграция коммунальных организаций в инфраструктуру платежных систем; привлечение финансовых средств в банковскую сферу; создание удобства для населения (возможность оплатить услуги в ближайших пунктах оплаты с использованием различных механизмов оплаты) [14, с. 58].

В 2009 г. крупнейший банк МБА с целью расширения денежного обращения между РФ и Азербайджаном внедрил систему IBA-Express, подготовленную МБА-Москва. С развитием филиальной сети МБА-Москва расширилась география этой системы, возросло число операций. Услугой IBA-Express можно воспользоваться не только в России (Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Краснодаре, Уфе и других городах), но и в Грузии, Таджикистане, Кыргызстане.

17 июня 2010 г. ЦБА принято решение о применении международного номера банковского счета IBAN в банковских расчетах финансовых институтов в Азербайджане. Согласно этому плану, корреспондентские и субкорреспондентские счета, открытые для участников платежных систем, с марта 2012 г. были переведены в структуру IBAN и начали использоваться в режиме реального времени. С 7 января 2013 г. все банковские счета, необходимые при межбанковских расчетах в Азербайджане, переведены на стандартный номер счета IBAN. Этот шаг предпринят в целях совершенствования идентификации банковских клиентов на пространстве электронных платежей, повышения уровня автоматизации во время переработки платежей и для устранения разрозненности в структуре банковских расчетов [15]. В 2013 г. в республике увеличилось число компаний, осуществляющих прием оплаты коммунальных услуг через специальные терминалы. Если раньше к ним относились PayPoint и компания GoldenPay¹, то в настоящее время в Азербайджане представлена широкая сеть терминалов Million² компании Komtech и платежных киосков E-manat компании Modenis. Сегодня в Азербайджане на рынке пластиковых карт распространены и совершенствуются такие услуги, как Mobil Bank, SMS-Notification, E-commerce, Internet Banking. Например, с декабря 2013 г. держатели банковских карт, обслуживаемых процессинговым центром AzeriCard, получили возможность применять услугу СМС-уведомлений не только в сетях национальных мобильных операторов (Bakcell, Azercell Telecom и Azerfon), но и за пределами Азербайджана. Услуга стала доступна в сетях 800 операторов мобильной связи в 190 странах мира.

Кроме того, в августе 2013 г. запущена в эксплуатацию новая версия системы Internet Banking. Ввиду этого появилась возможность просматривать сумму оплаты за пользование услугами национального оператора водоснабжения и канализации Азербайджана ОАО «Азерсу», а также ПО «Азеригаз» (в сфере реализации и распределения газа) и АО «Бакыэлектрикшебеке», занимающегося распределением и продажей электроэнергии в Баку. В итоге жители стали оплачивать услугу (потребление газа) в системе интернет-банкинга процессингового центра AzeriCard [16]. В начале 2014 г. доходная кредитная карта Worldcard активизировала в республи-

¹ Перешла в сферу безналичных платежей посредством интернет-ресурса hesab.az.

² Сеть терминалов Million начала работать в начале марта 2013 г. как универсальное, доступное и безопасное средство моментальной оплаты любых видов услуг — от коммунальных платежей и услуг связи до авиабилетов и пополнения баланса онлайн-игры. Million работает 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, без перерывов, выходных и праздников, что делает эту систему более удобной для потребителей.

ке услугу под названием «SMS-банкинг». Воспользовавшись данной услугой, можно получать короткие SMS-сообщения по счетам Worldcard и PulKart. При этом каждый клиент значительно экономит личное время, поскольку оперативно получает интересующую информацию о своем счете, не посещая филиал и не совершая звонков.

Интернет-банкинг в Азербайджане предлагают 27 банков из 30. Наиболее распространены среди азербайджанцев такие услуги интернет-банкинга, как выписка по счету, «с карту на карту» (card to card), блокировка карты, коммунальные услуги, операторы мобильной связи, интернет-провайдеры, телефонная связь, кабельное телевидение, страховые услуги. В 2012 г. банки в Азербайджане начали предоставлять услуги в рамках мобильного банкинга. Среди них — выписка по счету, SMS-извещение, коммунальные услуги, операторы мобильной связи, телефонная связь.

Азербайджан стал глобальным лидером по расширению сети денежных переводов «Золотая корона» с участием ООО «Азерпочт». Благодаря партнерству с почтовым оператором AP сеть сервиса мгновенных денежных переводов «Золотая корона» в Азербайджане увеличилась на 100 единиц (до 800 пунктов обслуживания), т. е. в восемь раз за полгода. С 2012 г. Азербайджан в лице ООО «Азерпочт» стал первой страной в СНГ, внедрившей систему срочных денежных переводов STEFI¹.

Развитие интернет- и мобильного банкинга тесно коррелируется со сферой электронной торговли. Правовые основы для организации и осуществления электронной торговли, права и обязанности, а также ответственность ее участников за нарушение законодательства в этой сфере определены Законом Азербайджанской Республики «Об электронной торговле» от 10 мая 2005 г. Электронная торговля стала в Азербайджане реальностью. Если несколько лет назад электронная коммерция была практически неизвестна многим обывателям, то сегодня, благодаря социальным сетям и интернету, а также компаниям, активно интегрирующим современные технологии в свой

бизнес, население постепенно учится пользоваться безналичными платежами. Объем электронной торговли в первом квартале 2019 г. составил 573 млн манатов, а в аналогичный период прошлого года — 266 млн манатов. Но по мере роста числа пользователей интернета², активного применения таких мобильных устройств, как смартфоны, планшеты и др., доступ населения к глобальной сети расширился, а значит, появился рынок потенциальных покупателей в виртуальной среде³. В первом квартале 2019 г. доля электронных операций составила в целом 31 %, а в аналогичный период прошлого года — 22 %. В соответствии с данными ЦБА, в январе — сентябре 2018 г. оборот по платежным картам через банкоматы и POS-терминалы равен 14,11 млрд манатов, что на 19,78 % превышает показатель аналогичных девяти месяцев прошлого года. Общее число операций с платежными картами за отчетный период достигло 9,55 млн (очевиден рост на 20,35 %).

По состоянию на конец сентября 2018 г. число платежных карт в сравнении с соответствующим показателем в начале года выросло на 9,7 % (до 6,36 млн). Большая часть карт (около 5,47 млн) относится к дебетовым, в том числе 2,5 млн — к социальным, 1,9 млн — зарплатным, 0,98 млн — прочим. Количество кредитных карт на указанную дату составило 887 тыс. К первому октября 2018 г. в Азербайджанской Республике функционировали 2 479 банкоматов, из них 1 333 — в Баку, 1 146 — в других городах и районах страны. Общее их число с начала года выросло на 48 банкоматов (2 %). Число POS-терминалов в стране составило 65 970, из которых 38 677 установлены в Баку, 27 293 — в других городах и районах. Количество POS-терминалов с начала года в Азербайджане увеличилось на 499 (0,76 %), а сегодня в обороте — 6,8 млн карт [17].

Некоторые показатели, характеризующие электронный банкинг в этой республике, приведены на рисунках 1 и 2.

В январе — сентябре 2018 г. 25 % операций по текущим счетам в азербайджанских банках проведено посредством электронных

¹ Система электронных почтовых переводов Secured Transfer of Electronic Financial Information (STEFI) разработана Центром почтовых технологий Международного почтового союза (UPU) и позволяет осуществить переход от бумажного обмена международными почтовыми переводами к электронному.

² По данным Moody's, Азербайджан значительно опережает страны СНГ по проникновению интернета: 79 % населения являются пользователями глобальной сети, а средний показатель в СНГ — 68 %. По этому показателю Азербайджан занимает первое место среди стран СНГ.

³ Согласно обзору использования мобильных телефонов в целях электронной торговли в странах Европейского союза (ЕС), число пользователей, предпочитающих электронную торговлю, за последний год увеличилось на 43 %. При этом 20 % пользователей в Европе заходят в интернет-магазины посредством смартфонов, а также используют специальные приложения для осуществления покупок в сети. Из них 14 % реализовали покупки в интернете с помощью мобильного телефона. Самые высокие показатели мобильных продаж зафиксированы в Испании (рост 66,5 %) и Италии (рост 61,1 %). Наибольшее число пользователей смартфонов, осуществляющих онлайн-покупки, зафиксированы в Германии (9,9 млн) и Великобритании (9,7 млн).

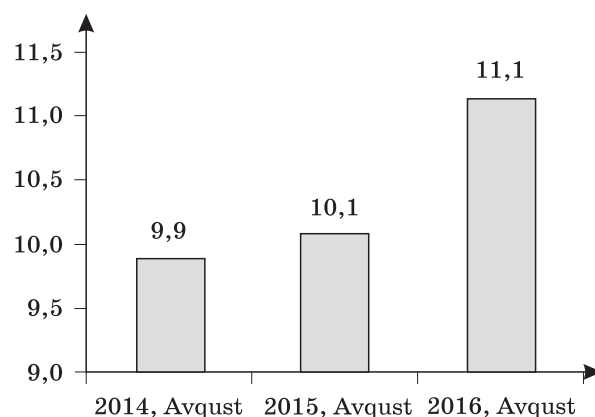

Рис. 1. Объем безналичных операций, приходящихся на одну карту, манат

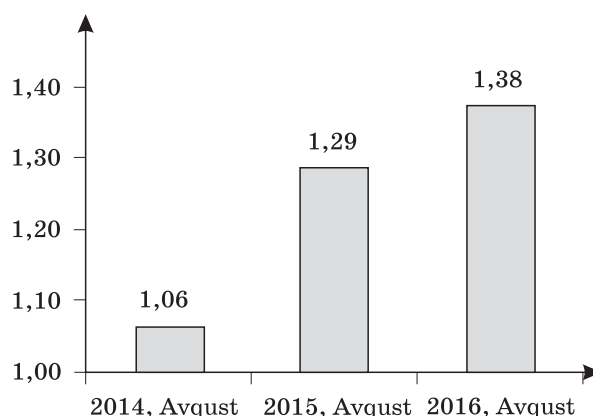

Рис. 2. Доля безналичных операций в ВВП, %

платежей, что в 3,3 раза больше, чем за аналогичный период прошлого года. В 2016 г. в республике розничный оборот электронной коммерции составил 25 613 тыс. манатов, а в 2017 г. — 46 227. В настоящее время, согласно индексу электронной торговли В2С ЮНКТАД, Азербайджан находится на 68-м месте среди 144 стран мира по ее развитию [12]. В современных условиях в Азербайджане начинается новый этап экономической либерализации, структурных реформ, где основная задача — расширение сферы возможностей цифровизации экономики. Азербайджан проводит комплексную работу в отношении применения системы безналичных платежей в стране. Распоряжением Президента Азербайджанской Республики утверждена «Государственная программа по расширению цифровых платежей в Азербайджанской Республике в 2018–2020 гг.». Ее стратегическая цель заключается в укрупнении среды безналичных платежей среди граждан, субъектов предпринимательства и государственных структур, сведении до минимума объема наличного оборота и, как результат, укреплении базы финансовых ресурсов банковского сектора.

Поэтому важнейшими стратегическими приоритетами в стране остаются расширение ас-

сортимента, качества и сферы услуг, связанных с цифровыми платежами, путем усиления институциональной и правовой базы данных услуг, повышения инфраструктурных возможностей, а также обеспечения массовости их использования. Применение цифровых платежей обеспечит прозрачность экономических оборотов, будет способствовать сокращению расходов, связанных с наличными деньгами, операционных расходов банков и учреждений, что придаст импульс экономическому росту. Полагаем, повсеместное внедрение системы безналичных платежей приведет к прозрачности экономики, сокращению теневой экономики, увеличению налоговых поступлений, количества рабочих мест и положительно повлияет на рост ВВП.

Итак, монетарные органы Азербайджана предпринимают ряд системных планов, ориентированных на расширение цифровой трансформации банковского сервиса и платежной системы. Цифровизация может стать одним из драйверов развития банковской системы, а также повысит, на наш взгляд, уровень доверия между вкладчиками и банками, обеспечив прозрачность в секторе. Однако главным барьером на пути цифровой трансформации является дефицит квалифицированных специалистов с соответствующим багажом знаний.

В числе актуальных проблем — отсутствие понимания в вопросе о необходимости срочного трансформирования бизнеса на основе цифровых технологий.

Литература

1. В СПбУТУиЭ обсудили развитие финансовых отношений в период становления цифровой экономики // Экономика и управление. 2019. № 3 (161). С. 77–79.
2. Неретина Е. А., Лашина М. В. Розничный банкинг в эпоху перехода к цифровой экономике // Маркетинг в России и за рубежом. 2018. № 5. С. 83–89.
3. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. М.: Российская академия наук, 2017. 63 с.
4. Гасанли А. Итоги 2018 года: Банки Азербайджана взяли курс на рост [Электронный ресурс] // Агентство международной информации Trend. 2019. 14 янв. URL: <https://www.trend.az/business/economy/3004467.html> (дата обращения: 07.03.2019).
5. Назаров А. Почему банкиры больше не могут игнорировать технологии [Электронный ресурс] // Ведомости. 2018. 20 нояб. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/characters/2018/11/20/786533-bankiri-ignorirovat> (дата обращения: 10.03.2019).
6. Банковская цифровизация [Электронный ресурс] // First Line Software. 2017. 20 февр. URL: <https://firstlinesoftware.ru/798-bankovskaya-tsifrovizatsiya/print/> (дата обращения: 15.05.2019).
7. Олейник Л. Цифровая трансформация банковского сектора ускорится [Электронный ресурс] // Finance.uz. 22 февр. 2019. URL: <https://finance.uz/index.php/ru/fuz-menu-technology-ru/4286-tsifrovaya-transformatsiya-bankovskogo-sektora-uskoritsya> (дата обращения: 10.03.2019).
8. Михеева А. Россия вошла в топ-5 лидеров цифрового банкинга в Европе [Электронный ресурс] // РБК. 2018. 17 апр. URL: <https://www.rbc.ru/finances/17/04/2018/5ad473779a7947ebfc5fa05e> (дата обращения: 10.03.2019).
9. Россия сохранит лидерство в СНГ по цифровизации банковских услуг [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. 2019. 13 мая. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/119071> (дата обращения: 15.05.2019).
10. Нуридзулы М. IBM предложил классификацию цифровых банков [Электронный ресурс] // Forbes. 2019. 18 янв. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/371421-ibm-predlozhit-novuyu-klassifikatsiyu-cifrovyyh-bankov> (дата обращения: 19.03.2019).
11. Сколько в России «настоящих цифровых банков»? [Электронный ресурс] // FutureBanking.ru. 2019. 4 февр. URL: <http://futurebanking.ru/post/3757> (дата обращения: 19.03.2019).
12. Мамедов З. Ф. Становление и развитие цифрового банкинга в Азербайджане // Каспий в эпоху цифровой экономики: междунар. науч.-практ. форум. 2019. 24–25 мая.
13. Аббасов А. М., Мамедов З. Ф. Цифровизация финансов: э-деньги, э-банкинг, э-рынок ценных бумаг: монография. Баку: Изд-во БГУ, 2004. 175 с.
14. Аббасов А. М., Мамедов З. Ф. Электронизация финансовой индустрии в условиях сетевой экономики. Баку: Азернешр, 2007. 336 с.
15. Мамедов З. Ф. Основные тенденции развития денежно-кредитной системы Азербайджана // Финансы и кредит. 2008. № 4 (292). С. 66–79.
16. Мамедов З. Ф. Денежно-кредитная система Азербайджана // Общество и экономика. 2009. № 3. С. 82–106.
17. Мамедли И. Банки: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // World economics magazine. Азербайджанский журнал об экономике, финансах, бизнесе. 2019. 7 янв. URL: <https://www.wem.az/ru/news/tsifry/12184.html> (дата обращения: 19.03.2019).

References

1. V SPbUTUiE obsudili razvitie finansovykh otnosheniy v period stanovleniya tsifrovoy ekonomiki [The development of financial relations in the period of formation of the digital economy was discussed in St. Petersburg University of Management Technologies and Economics]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 3 (161), pp. 77–79.
2. Neretina E. A., Lashina M. V. Roznichnyy banking v epokhu perekhoda k tsifrovoy ekonomike [Retail banking in the digital transition epoch]. *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2018, no. 5, pp. 83–89.
3. Ivanov V. V., Malinetskiy G. G. *Tsifrovaya ekonomika: mify, real'nost', perspektiva* [Digital economy: Myths, reality, perspective]. Moscow: Russian Academy of Sciences, 2017. 63 p.
4. Gasanli A. *Results of 2018: Banks of Azerbaijan set a course for growth*. Trend News Agency. 2019. Available at: <https://www.trend.az/business/economy/3004467.html>. Accessed 07.03.2019. (in Russ.).
5. Nazarov A. Why bankers can no longer ignore technology. *Vedomosti*, no. 36, 20 Nov., 2018. Available at: <https://www.vedomosti.ru/partner/characters/2018/11/20/786533-bankiri-ignorirovat>. Accessed 10.03.2019. (in Russ.).
6. *Banking digitalization*. First Line Software. 20 Feb., 2017. Available at: <https://firstlinesoftware.ru/798-bankovskaya-tsifrovizatsiya/print/>. Accessed 15.05.2019. (in Russ.).

7. Oleynik L. *Digital transformation of the banking sector will accelerate*. Finance.uz. 22 Feb., 2019. Available at: <https://finance.uz/index.php/ru/fuz-menu-technology-ru/4286-tsifrovaya-transformatiya-bankovskogo-sektora-uskoritsya>. Accessed 10.03.2019. (in Russ.).
8. Mikheeva A. *Russia entered the top 5 leaders of digital banking in Europe*. RBC. 17 Apr., 2018. Available at: <https://www.rbc.ru/finances/17/04/2018/5ad473779a7947ebfc5fa05e>. Accessed 10.03.2019. (in Russ.).
9. *Russia will maintain its leadership in the CIS in digitalization of banking services*. Vesti: Economics. 13 May, 2019. Available at: <https://www.vestifinance.ru/articles/119071>. Accessed 15.05.2019. (in Russ.).
10. Nuridenuly M. *IBM proposed classification of digital banks*. Forbes. 18 Jan., 2019. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/371421-ibm-predlozhil-novuyu-klassifikaciyu-cifrovyyh-bankov>. Accessed 19.03.2019. (in Russ.).
11. *How many "real digital banks" are there in Russia?* FutureBanking.ru. 4 Feb., 2019. Available at: <http://futurebanking.ru/post/3757>. Accessed 19.03.2019. (in Russ.).
12. Mamedov Z. F. Stanovlenie i razvitie tsifrovogo bankinga v Azerbaydzhane [Formation and development of digital banking in Azerbaijan]. In: *Kaspiy v epokhu tsifrovoy ekonomiki: mezhdunar. nauch.-prakt. forum (Astrakhan', 24–25 Maya, 2019)* [Caspian in the era of digital economy. Proc. Int. sci.-pract. forum (Astrakhan, 24–25 May, 2019)].
13. Abbasov A. M. Mamedov Z. F. *Tsifrovizatsiya finansov: e-den'gi, e-banking, e-rynok tsennykh bumag* [Digitalization of finance: e-money, e-banking, e-securities market]. Baku: BSU Publ., 2004. 175 p.
14. Abbasov A. M., Mamedov Z. F. *Elektronizatsiya finansovoy industrii v usloviyakh setevoy ekonomiki* [Electronization of the financial industry in a network economy]. Baku: Azerneshr, 2007. 336 p.
15. Mamedov Z. F. Osnovnye tendentsii razvitiya denezhno-kreditnoy sistemy Azerbaydzhana [Main trends in the development of the monetary system of Azerbaijan]. *Finansy i kredit*, 2008, no. 4 (292), pp. 66–79.
16. Mamedov Z. F. Denezhno-kreditnaya sistema Azerbaydzhana [Azerbaijan's monetary system]. *Obshchestvo i ekonomika*, 2009, no. 3, pp. 82–106.
17. Mamedli I. Banks: Problems and prospects. *World Economics Magazine*. 7 Jan. 2019. Available at: <https://www.wem.az/ru/news/tsifry/12184.html>. Accessed 19.03.2019. (in Russ.).

ПОТРЕБНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ОБЛИГАЦИЯХ ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-90-94

УДК 334.021

Горовой Александр Андреевич

профессор Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, доктор экономических наук, доцент

197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., д. 49

Сорокина Виктория Александровна

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а, e-mail: viktoria_sorokin@mail.ru

Статья посвящена важнейшей проблеме нашего времени — необходимости создания механизма инфраструктурной ипотеки для поддержания и воспроизводства инфраструктурных ресурсов.

Цель. Рассмотреть возможность применения инфраструктурных облигаций для проектов государственно-частного партнерства.

Задачи. Выделить особенности инфраструктурных облигаций, провести краткий анализ зарубежного опыта их использования, схематично описать инфраструктурный муниципальный заем.

Методология. В статье с помощью общих методов научного познания рассмотрена возможность применения инфраструктурных облигаций для проектов государственно-частного партнерства.

Результаты. В качестве финансового инструмента для инфраструктурного развития, а также первого ипотечного взноса могут выступать инфраструктурные облигации, выпускаемые для проектов государственно-частного и муниципально-частного партнерства. Инфраструктурные облигации должны быть долгосрочными и целевыми, выпускаться под соответствующие инфраструктурные проекты. Компетентный подход к подготовке и реализации муниципального инфраструктурного займа заключается в том, что профессиональные агенты эмитента должны сформулировать оптимальную концепцию займа, затем реализовать ее на практике, опираясь на оптимальные параметры эмиссии, определяемые по итогам маркетинга займа среди потенциальных инвесторов.

Выводы. Выпуск инфраструктурных облигаций позволит удовлетворить потребности государственно-частного партнерства в инвестиционных ресурсах и устойчивых инвестиционных проектах. В схеме инфраструктурной ипотеки важно учитывать интересы как инвестора, так и пользователей инфраструктуры.

Ключевые слова: ипотека, инфраструктурные облигации, инвестиционные ресурсы, инфраструктурные проекты, муниципально-частное партнерство.

Для цитирования: Горовой А. А., Сорокина В. А. Потребности государственно-частного партнерства в инфраструктурных облигациях для муниципального развития // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 90–94. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-90-94.

DEMAND OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS FOR INFRASTRUCTURE BONDS FOR MUNICIPAL DEVELOPMENT

Aleksandr A. Gorovoy

St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

Kronverkskiy Ave 49, St. Petersburg, Russian Federation, 197101

Viktoriya A. Sorokina

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103, e-mail: viktoria_sorokin@mail.ru

The presented study examines the crucial problem of our time — the need to develop an infrastructure mortgage mechanism that would maintain and reproduce infrastructure resources.

Aim. The study aims to consider the possibility of using infrastructure bonds for public-private partnership projects.

Tasks. The authors determine the features of infrastructure bonds, briefly analyze foreign experience of their use, and outline an infrastructure municipal loan.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition to consider the possibility of using infrastructure bonds for public-private partnership projects.

Results. Infrastructure bonds issued for public-private and municipal-private partnership projects can serve as a financial tool for infrastructure development or as a mortgage payment. Infrastructure bonds should be long-term and targeted, issued for the corresponding infrastructure projects. A competent approach to the preparation and implementation of an infrastructure loan requires the issuer's professional agents to formulate the optimal loan concept and then put this concept into practice based on the optimal issuance parameters determined according to loan marketing among potential investors.

Conclusions. The issuance of infrastructure bonds will make it possible to meet the demand of public-private partnerships for investment resources and sustainable investment projects. An infrastructure mortgage scheme should accommodate the interests of both the investor and infrastructure users.

Keywords: mortgage, infrastructure bonds, investment resources, infrastructure projects, municipal-private partnership.

For citation: Gorovoy A. A., Sorokina V. A. Potrebnosti gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v infrastrukturykh obligatsiyakh dlya munitsipal'nogo razvitiya [Demand of Public-Private Partnerships for Infrastructure Bonds for Municipal Development]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 90–94. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-90-94.

В настоящее время инфраструктура общественного пользования на региональном и муниципальном уровнях требует развития и модернизации, поэтому испытывает большую потребность в финансовых ресурсах. Региональные и муниципальные бюджеты не способны обеспечить ее расширенное воспроизводство.

Один из способов привлечения внебюджетных средств в экономику государства и муниципалитета — государственно-частное партнерство (далее — ГЧП). Частный капитал в инфраструктурные проекты ГЧП привлекается посредством различных форм (механизмов). Создание новых форм ГЧП и совершенствование применяемых в России (например, инфраструктурные облигации) имеет большое значение для развития долгосрочного инвестирования.

Существующие инструменты ГЧП можно объединить в несколько групп. К первой группе следует отнести бюджетное инвестирование (федеральные целевые и адресные, инвестиционные программы, особые экономические зоны, др.) и бюджетное финансирование (контракты жизненного цикла, др.). Во вторую группу входит инвестирование частным партнером (соглашения инвестиционные, концессионные, иные, инициированные частными предпринимателями). Третья группа — смешанное финансирование, в том числе инвестиционные соглашения с участием, например, предприятия с государственным акционерным капиталом более 51% [1].

В настоящее время внедряется новый инструмент долгового финансирования — инфраструктурные облигации. Расширение перечня форм для финансирования инфраструктурных проектов — одно из важнейших направлений развития ГЧП [2]. Вопрос этот является крайне актуальным и требует научного исследования. Дискуссия о необходимости появления инфра-

структурной ипотеки проводилась на Петербургском экономическом форуме в 2017 г.

Большое внимание вопросам классификации форм (инструментов) ГЧП, разработке моделей концессионных соглашений уделялось отечественными учеными М. Ю. Аловым, В. Г. Варнавским, В. А. Кабашкиным, М. В. Климович, С. Н. Лариным, Х. М. Салиховым, А. А. Чернышевым и др. Среди зарубежных ученых, чьи труды отражены в статье, — Г. Дж. Александер, Дж. В. Бейли, К. Рэй [3], У. Ф. Шарп [4] и др.

Учитывая актуальность проблемы, т. е. необходимость создания в стране механизма инфраструктурной ипотеки, практическую значимость инфраструктурных облигаций для финансирования долгосрочных капиталоемких проектов ГЧП, рассмотрим их характерные признаки, зарубежный и отечественный опыт применения, краткую схему муниципального заимствования. Объектом исследования являются инфраструктурные облигации проектов ГЧП. Они предназначены для финансирования проектов строительства, реконструкции объектов инфраструктуры, могут выпускаться как для проекта в целом, так и для его стадий и фаз [2].

В мировой практике инфраструктурные облигации, как правило, представлены в виде муниципальных целевых облигаций и корпоративных инфраструктурных облигаций. Корпоративные облигации выпускают частные организации. Выпуск публичных целевых облигаций осуществляется государством или муниципалитетом [2].

К характерным признакам инфраструктурных облигаций можно отнести следующие: целевое назначение (выпускаются под конкретный инвестиционный проект), долговременный характер обращения (на срок строительства / модернизации и окупаемости инфраструктур-

ного объекта, более 15–20 лет), обеспечение возвратности средств (под государственные или муниципальные гарантии), структурирование под институциональное инвестирование (паевые инвестиционные фонды, страховые компании, коммерческие банки) [2]. При этом по данным облигациям инвестор несет риски, связанные только с определенным инфраструктурным проектом. В настоящее время выпускаются концессионные облигации, которые имеют большой спрос со стороны негосударственных пенсионных фондов [2].

Инфраструктурные облигации применяются во всем мире. Они используются для различных проектов: реновации жилья, развития инженерной и транспортной инфраструктур, модернизации объектов жилищно-коммунального хозяйства, строительства социальных объектов и др. Инфраструктурные облигации выпускаются также для целей трансформации экономики и комплексной санации территорий монопрофильных поселений и депрессивных районов населенных пунктов [5].

В США муниципалитеты выпускают инфраструктурные облигации в виде «специальных целевых облигаций», т. е. под те или иные инфраструктурные проекты, генерирующие денежный поток. Эмитируются доходные облигации (revenue bonds). Если объектом эмиссии выступает проект в области образования, медицины или социального назначения, выпускаются облигации общего покрытия (general bonds) [5]. Вплоть до конца шестидесятых годов прошлого века рынок муниципальных облигаций в соответствии с принципами Конституции США имел безналоговый статус и не регулировался федеральным законодательством. Впоследствии введены ограничения. Нормативными актами 1960–1980 гг. установлены требования о раскрытии информации, соответствии выпуска ценных бумаг региональному, местному законодательству, безналоговому статусу и получении соответствующего правового заключения [6]. Однако федеральное законодательство сегодня, как и прежде, не регулирует эмитентов в отношении условий и объемов выпуска муниципальных ценных бумаг, и этот факт придает им дополнительную инвестиционную привлекательность.

Объем выпуска муниципальных облигаций, как правило, увеличивается в период экономического роста и снижается во время спадов экономики. В 1990-е гг. рынок муниципального долга в США переживал подъем. Рост дефолтов обусловил развитие рынка облигационного страхования в США [6]. Из статистических данных известно, что в 2016 г. общий объем эмиссии американских муниципальных облигаций составил приблизительно \$ 4 трлн,

или около 10 % от общей суммы задолженности по облигациям.

В Канаде муниципальные инфраструктурные займы регламентируются законами провинций, т. е. любая эмиссия муниципалитета должна быть санкционирована конкретной провинцией [6]. В России муниципальные инфраструктурные займы могут стать важнейшей функциональной составляющей финансово-инвестиционного процесса сектора рациональной экономики, если будет применяться компетентный подход к подготовке и реализации проекта муниципального займа со стороны эмитента и его профессиональных агентов [6].

Такой подход заключается в том, что профессиональные агенты эмитента должны сформулировать оптимальную концепцию займа, исходя из возможностей региона и прогнозной макроэкономической ситуации, а затем реализовать данную концепцию на практике, опираясь на оптимальные параметры эмиссии. Последние определяются в той или иной ситуации по итогам маркетинга займа, осуществляющегося среди потенциальных инвесторов.

Схема муниципального займа следующая. Во-первых, эмитентом устанавливается количество средств, необходимых для привлечения, и в соответствии с этим выпускается определенное количество ценных бумаг. Во-вторых, выпущенные ценные бумаги передаются для реализации генеральному агенту эмитента — инвестиционной компании. В-третьих, генеральный агент распространяет ценные бумаги, заключая от имени эмитента соответствующие договоры.

На Петербургском экономическом форуме в 2017 г. обсуждалась тема инфраструктурных облигаций для капиталоемких объектов общественной инфраструктуры. Финансирование и поддержание общественных благ в таких областях экономики, как транспорт, социальная инфраструктура, коммунальные услуги, государственные учреждения, в рамках ГЧП становится очень популярным в мире. В России также активно разрабатываются механизмы государственно-частного партнерства для финансирования инфраструктурных капиталоемких проектов общественного пользования, структурированных под институциональных инвесторов [1]. В схеме инфраструктурной ипотеки важно соблюсти интересы как инвестора, так и пользователей инфраструктуры.

В 2010 г. размещены первые концессионные облигации под транспортные проекты, согласно распоряжению Правительства РФ от 27 февраля 2010 г. № 240-р:

- 1) автомобильная дорога «Западный скоростной диаметр»;
- 2) автомобильная дорога, дублер автомобильной дороги М-10 Москва — Санкт-Петербург;

3) автомобильная дорога М-1 «Беларусь» Москва — Минск.

Первый выпуск зарегистрированных Федеральной службой по финансовым рынкам (ФСФР) концессионных облигаций состоялся в середине 2010 г., эмитент — ОАО «Главная дорога», объем 300 млн руб. [2].

Общая стоимость проекта по концессионному соглашению, подписанному в 2009 г. Федеральным дорожным агентством министерства транспорта РФ и ОАО «Главная дорога» на 30 лет, составляла 32,4 млрд руб. Всего предусмотрено шесть займов для привлечения 60 % требуемых средств для строительства. Размещение облигаций АО «Главная дорога» состоялось через котировальный список «А1». Покупателями выступили негосударственные пенсионные фонды, управляющие компании и банки.

Из приведенных данных видно, что облигациям АО «Главная дорога» присущи основные характеристики инфраструктурных облигаций: целевое назначение, зафиксированное документально в концессионном соглашении; характер инвестиций долговременный — 30 лет; обеспечены государственной гарантией РФ, структурированы под институциональных инвесторов. Государство гарантировало компенсацию основной суммы долга и процентных платежей по облигациям в случаях расторжения концессионного соглашения, дефолта концессионера, а также при негативных (незапланированных) изменениях в ходе реализации проекта [2]. К числу первых инфраструктурных проектов государственно-частного партнерства, созданных с размещением концессионных облигаций, относятся [7]:

- строительство Ледового дворца в городе Ульяновске;
- создание физкультурно-оздоровительных комплексов в Нижегородской области;
- строительство мусоросортировочного комплекса в Саратовской области, г. Чебоксары;
- строительство полигона твердых бытовых отходов в городе Новочебоксарске;
- реконструкция объектов водоснабжения и теплоснабжения в городе Волгограде и др.

Следует отметить, что спрос на концессионные облигации в настоящее время высок в основном со стороны негосударственных пенсионных фондов. Страховые компании и банки пока большого интереса к концессионным облигациям не проявляют, но в обращении их мало. Эксперты считают, что это связано с дефицитом качественно структурированных под них инфраструктурных проектов, а также с тем, что часто в проект изначально закладывается кредит, отсекая облигации и др. [8–10]. Лидером по выпуску концессионных облигаций под инфраструктурные проекты в 2018 г. была сфера жилищно-коммунального

хозяйства. Объемы выпусков концессионных облигаций колебались в пределах от 1,0 до 8,5 млрд руб., срок обращения имел пределы от 10 до 49 лет. Средняя ставка по купону — 7,79 % [8–10].

Результаты научных исследований, связанные с возможностью применения инфраструктурных облигаций для проектов ГЧП, нашли отражение при подготовке документов для городов Мурманской области («План оперативного управления развитием города. Финансово-кредитный механизм воспроизводства инфраструктуры города»), а также обсуждались на Международной научно-практической конференции в городе Санкт-Петербурге 26 мая 2014 г.

Основные результаты данного научного исследования заключаются в следующем. Во-первых, расширение перечня форм для финансирования инфраструктурных проектов является одним из важнейших направлений развития ГЧП. Во-вторых, вырученные от реализации инфраструктурных облигаций финансовые средства направляются исключительно на финансирование того или иного инфраструктурного проекта. В-третьих, для привлечения капитала в воспроизводство капиталоемких инфраструктурных объектов необходимо использовать «инфраструктурную ипотеку». В-четвертых, инфраструктурные облигации, выпускаемые для проектов государственно-частного и муниципально-частного партнерства, должны стать основой формирования рынка долгосрочных инвестиций. В-пятых, выпуск инфраструктурных облигаций позволит удовлетворить потребности ГЧП в инвестиционных ресурсах.

Финансовым инструментом для инфраструктурного развития, а также первого ипотечного взноса могут стать инфраструктурные облигации, выпускаемые для проектов государственно-частного и муниципально-частного партнерства. Инфраструктурные облигации должны быть долгосрочными и целевыми, выпускаться под определенные инфраструктурные проекты. Компетентный подход к подготовке и реализации муниципального инфраструктурного займа заключается в том, что профессиональные агенты эмитента должны сформулировать оптимальную концепцию займа и затем реализовать ее на практике, опираясь на оптимальные параметры эмиссии, определяемые по итогам маркетинга займа среди потенциальных инвесторов.

Подводя итог, следует отметить, что выпуск инфраструктурных облигаций позволит удовлетворить потребности государственно-частного партнерства в инвестиционных ресурсах и устойчивых инвестиционных проектах. В схеме инфраструктурной ипотеки важно учитывать интересы и инвестора, и пользователей инфраструктуры.

Литература

1. Аржаник Е. П. Финансовое моделирование проектов государственно-частного партнерства: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2014. 176 с.
2. Макаревич К. А. Инфраструктурные облигации: иностранный опыт и нормативно-правовое регулирование в России // Вопросы экономики и права. 2011. № 32. С. 207–214.
3. Рэй К. И. Рынок облигаций: торговля и управление рисками. М.: Дело, 1999. 599 с.
4. Шарп У. Ф., Александер Г. Дж., Бэйли Дж. В. Инвестиции. М.: Инфра-М, 2001. 1028 с.
5. Инфраструктурные облигации. Текущее состояние [Электронный ресурс] // Source CBonds, Collective of authors, VEGAS LEX. URL: <https://www.vegaslex.ru/> (дата обращения: 10.02.2019).
6. Кузьмина Е. И. Практика выпуска и размещения муниципальных займов // Проблемы и задачи информатизации бизнеса: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 26 мая 2014 г. СПб.: ГУМРФ им. адмирала С. О. Макарова, 2014. С. 101–105.
7. Мажукина Е. С. Концессионные облигации как основа формирования рынка долгосрочных инвестиций в инфраструктуру России [Электронный ресурс] // Вестник ИЭАУ. 2017. № 15. URL: <http://www.ieay.ru/assets/files/vestnik/15/mazhukina-e.s.pdf> (дата обращения: 10.02.2019).
8. Белоусова О., Мокин С. Концессионные облигации: особенности регулирования и перспективы развития инструментов долгосрочного инвестирования // Рынок ценных бумаг. 2017. № 2. С. 56–58.
9. Якунина Е., Галактионова А. Бонды для инфраструктуры [Электронный ресурс] // INFRAONE. 2017. URL: https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2019/bondy_dlya_infrastruktury_infraone_research.pdf (дата обращения: 26.02.2019).
10. Якунина Е., Галактионова А. Бонды для инфраструктуры [Электронный ресурс] // INFRAONE. 2018. URL: https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2019/bondy_dlya_infrastruktury_2018_infraone_research.pdf (дата обращения: 26.02.2019).

References

1. Arzhanik E. P. *Financial modeling of public-private partnership projects. Cand. econ. sci. diss.* St. Petersburg: SPb. State Univ., 2014. 176 p.
2. Makarevich K. A. *Infrastrukturnye obligatsii: inostrannyi opyt i normativno-pravovoe regulirovanie v Rossii* [Infrastructure bonds: Foreign experience and legal regulation in Russia]. *Voprosy ekonomiki i prava*, 2011, no. 32, pp. 207–214.
3. Ray C. I. *The bond market: Trading and risk management*. Burr Ridge, IL: Irwin Professional Publ., 1992. 562 p. (Russ. ed.: Ray C. I. *Rynok obligatsiy. Torgovlya i upravlenie riskami*. Moscow: Delo Publ., 1999. 599 p.).
4. Sharpe W. F., Alexander G. J., Bailey J. V. *Investments*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall Publ., 1995. 962 p. (Russ. ed.: Sharpe W. F., Alexander G. J., Bailey J. V. *Investitsii*. Moscow: Infra-M Publ., 2001. 1028 p.).
5. *Infrastructure bonds. Current state*. Source CBonds. Collective of authors. VEGAS LEX. Available at: <https://www.vegaslex.ru/> Accessed 10.02.2019. (in Russ.).
6. Kuz'mina E. I. *Praktika vypuska i razmeshcheniya munitsipal'nykh zaymov* [The practice of issuing and placing municipal loans]. In: *Problemy i zadachi informatizatsii biznesa: Sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (SPb., 26 maya 2014 g.)* [Problems and tasks of business informatization: Coll. sci. pap. Int. sci.-pract. conf. (St. Petersburg, 26 May, 2014)]. St. Petersburg: Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, 2014, pp. 101–105.
7. Mazhukina E. S. *Kontsessionnye obligatsii kak osnova formirovaniya rynka dolgosrochnykh investitsiy v infrastrukturu Rossii* [Concession bonds as the basis for the formation of a market for long-term investments in the infrastructure of Russia]. *Vestnik IEAU*, 2017, no. 15. Available at: <http://www.ieay.ru/assets/files/vestnik/15/mazhukina-e.s.pdf>. Accessed 10.02.2019. (in Russ.).
8. Belousova O., Mokin S. *Kontsessionnye obligatsii: osobennosti regulirovaniya i perspektivy razvitiya instrumentov dolgosrochnogo investirovaniya* [Concession bonds: regulatory features and prospects for the development of long-term investment instruments]. *Rynok tsennykh bumag*, 2017, no. 2, pp. 56–58.
9. Yakunina E., Galaktionova A. *Infrastructure bonds*. InfraONE. 2017. Available at: https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2019/bondy_dlya_infrastruktury_infraone_research.pdf. Accessed 26.02.2019. (in Russ.).
10. Yakunina E., Galaktionova A. *Infrastructure bonds*. InfraONE. 2018. Available at: https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2019/bondy_dlya_infrastruktury_2018_infraone_research.pdf. Accessed 26.02.2019. (in Russ.).

ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЕ СМЫСЛЫ РАБОТНИКОВ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СФЕРЫ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-95-101

УДК 331.101.4

Вельмисова Дарья Владимировна

аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21, e-mail: daria-babiy@yandex.ru

Статья является результатом исследования ценностно-мотивационных смыслов работников финансово-кредитной сферы, проведенного автором в 2017–2019 гг.

Цель. Провести социологический анализ ценностно-мотивационных смыслов и обосновать их регулятивную роль в повышении эффективности деятельности работников финансово-кредитного сектора.

Задачи. На основании предложенной методики диагностики ценностно-мотивационных смыслов представителей финансово-кредитной сферы осуществить эмпирический анализ смыслов профессиональной деятельности различных категорий работников; выявить наиболее значимые ориентации и предпочтения; разработать программу действий из пяти последовательных шагов по усилению мотивирования сотрудников в профессиональной деятельности.

Методология. Теоретико-методологической основой исследования стали разработки отечественных и зарубежных авторов в области изучения ценностных систем, мотивов, смысловых приоритетов личности, их формирования, динамики, воздействия на процессы индивидуального и общественного развития.

Результаты. Определена сущность ценностно-мотивационных смыслов; разработана уточненная методика диагностики ценностно-мотивационных смыслов сотрудников финансово-кредитной сферы; проведен сравнительный анализ ценностно-мотивационных смыслов, в том числе обнаружены статистически значимые различия в зависимости от принадлежности работников к профессионально-квалификационным и статусным группам; выявлены закономерности, характеризующие динамику ценностно-смыслового пространства организаций финансово-кредитной сферы в аспекте социально-трудовых отношений.

Выводы. Основной вывод, который сделан по итогам исследования, состоит в том, что в структуре ценностно-мотивационных смыслов, являющихся атрибутом качества и результативности труда работников финансово-кредитного сектора, существуют значимые различия в зависимости от принадлежности сотрудника к той или иной статусной либо профессионально-квалификационной группе. Анализ, моделирование, мониторинг ценностно-мотивационных смыслов, характеризующих те или иные социально-профессиональные роли, осмысление этой информации и применение в регулировании социально-трудовых отношений — важнейшие компоненты, необходимые в процессе управления качеством труда и эффективностью организаций.

Ключевые слова: ценностно-мотивационные смыслы, ценности, управление эффективностью, качество труда, работники финансово-кредитной сферы, социальные роли.

Для цитирования: Вельмисова Д. В. Ценностно-мотивационные смыслы работников финансово-кредитной сферы // Экономика и управление. 2019. № 6 (164). С. 95–101. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-95-101.

VALUE AND MOTIVATIONAL ASPECTS OF EMPLOYEE PERSONALITY IN THE MONETARY AND FINANCIAL SECTOR

Dar'ya V. Vel'misova

St. Petersburg State University of Economics
Sadovaya St. 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023, e-mail: daria-babiy@yandex.ru

The presented study examines the value and motivational aspects of employee personality in the monetary and financial sector in 2017–2019.

Aim. The study aims to perform a sociological analysis of value and motivational aspects and to substantiate their regulatory role in improving employee performance in the monetary and financial sector.

Tasks. Based on the proposed methodology for the diagnostics of the value and motivational aspects of employee personality in the monetary and financial sector, the author performs an empirical analysis of the professional activity of different employee categories, identifies the major orientations and preferences, and develops a five-step plan to improve employee motivation in professional activity.

Methods. The theoretical and methodological basis of this study includes findings of Russian and foreign authors in the field of value systems, motives, personal priorities, their formation, dynamics, and impact on individual and social development.

Results. The study determines the essence of value and motivational aspects; develops a refined methodology for the diagnostics of the value and motivational aspects of employee personality in the monetary and financial sector; performs a comparative analysis of value and motivational aspects, including detection of statistically significant differences depending on employee affiliation with professional qualification and status groups; identifies patterns in the dynamics of the value-semantic space of monetary and financial organizations in the field of social and labor relations.

Conclusions. The main conclusion to be drawn from this study is that the structure of value and motivational aspects, which are an attribute of the quality and performance of employee labor in the monetary and financial sector, differs significantly depending on employee affiliation with a certain status or professional qualification group. Analysis, modeling, and monitoring of the value and motivational aspects that characterize certain social and professional roles, interpretation of this information and its application in the regulation of social and labor relations are the crucial components of management of labor quality and organizational performance.

Keywords: value and motivation aspects, values, performance management, quality of labor, employees in the monetary and financial sector, social roles.

For citation: Vel'misova D. V. Tsennostno-motivatsionnye smysly rabotnikov finansovo-kreditnoy sfery [Value and Motivational Aspects of Employee Personality in the Monetary and Financial Sector]. *Ekonomika i upravlenie*, 2019, no. 6 (164), pp. 95–101. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-95-101.

Человек, выступая субъектом общественных отношений, является носителем различных социальных ролей. Среди них — семейно-бытовые, профессионально-статусные, общественно-политические. В контексте социально-трудовых отношений согласованность выполняемых индивидами ролей определяет жизнеспособность организации. При этом согласованность социальных и профессиональных ролей во многом зависит от того, в какой степени они соотносятся с присущими индивиду мотивами, потребностями, ценностями, мировоззренческими составляющими личности. Эффективность развития организаций и предприятий в современных условиях связана с принятием управленческих решений, базирующихся на понимании глубинных смысловых основ ролевого поведения людей. Следовательно, процесс управления качеством труда находится не только в предметном, но и в смысловом поле, поскольку для его реализации требуется знание характеристик системы ценностно-мотивационных координат, в рамках которой работниками осмысливается социально-трудовая реальность.

В 2018–2019 гг. нами проведено эмпирическое исследование ценностно-мотивационных смыслов работников финансово-кредитной сферы (N = 290), представляющих различные статусные и профессионально-квалификационные группы. В итоге выявлены ценностно-мотивационные смыслы работников указанной сферы, являющихся носителями различных социальных и профессиональных ролей. Применение в исследовании структурно-функционального подхода, а также принципов понимающей социологии дает возможность анализировать такие переменные, как социальные статусы и роли, соотнося их с характерными

ценностно-мотивационными смыслами, присущими носителям данных ролей и порождаемыми в процессе социального взаимодействия на уровне макро-, мезо- и микросреды.

Нами методологически разработан подход к анализу ценностных составляющих личности М. Рокича [1], адаптированный к российской действительности В. А. Ядовым, А. Гоштаусом, А. А. Семеновым [2], исследовавшими ценности терминального и инструментального ряда. С учетом доработки, концептуального развития теории, уточнения методики данный подход приобрел оригинальный характер, имеющий ряд отличительных черт.

Во-первых, основной диагностический конструкт в разработанном нами инструментарии — ценностно-мотивационные смыслы, т. е. динамичная система смысло-жизненных и поведенческих приоритетов, определяющая восприятие индивидами окружающей действительности, своей роли в ней, структурирующая поведение и мышление. Осуществленный нами концептуальный переход к интегративному понятию «ценностно-мотивационный смысл» позволил учесть факт наличия динамичного «смыслового единства» в пересечении личностных ценностей, мотивов, социального опыта как определяющих способ интерпретации реальности и вектор поведения индивида в рамках социально-трудового контекста.

Во-вторых, в отличие от «ценностей» в концепции М. Рокича и «ценностных ориентаций» в концепции В. А. Ядова, имеющих устойчивый характер, ценностно-мотивационные смыслы понимаются нами как динамичная система, способная к изменению. Это обуславливает возможности разработки принципов и методов управленческого воздействия на процесс

их формирования на уровне макро-, мезо- и микросреды.

В-третьих, ценностно-мотивационные смыслы как «смысловое единство» характеризуются отсутствием полной степени осознанности индивидом. Как известно, методика диагностики ценностей М. Рокича основана на положении о том, что индивиды способны оценить степень относительной важности для себя той или иной ценности и организовать их в стройную иерархическую систему. В разработанной нами методике перед респондентами не ставится задача ранжировать перечень предложенных ценностно-мотивационных смыслов. Опрошенные оценивали для себя субъективную значимость каждой позиции по шкале от 0 до 5.

В-четвертых, в отличие от исследовательской группы ученых под руководством В. А. Ядова, которые рассматривали «ситуацию деятельности как относительно устойчивую», предлагаем исследовать ценностно-мотивационные смыслы в процессе модернизации общественных отношений, более того, в период, кризисный для финансово-кредитной сферы.

Проведенное в 2017 г. пилотное исследование ценностных ориентаций работников финансово-кредитной сферы (N = 160) при помощи методики М. Рокича, а также изучение и анализ других методик диагностики ценностно-смысловых и мотивационных ориентиров личности позволили определить их преимущества и недостатки. Вследствие этого обоснована целесообразность и разработана авторская методика диагностики ценностно-мотивационных смыслов для изучения социально-профессиональной группы работников финансово-кредитной сферы, представляющая собой опросник их ценностно-мотивационных смыслов.

Значительное внимание уделено интерпретации содержательного наполнения ценностно-мотивационных смыслов, уточнению процедуры диагностики. Посредством анализа, уточнения понятий, их эмпирической операционализации, нами создан опросник, состоящий из четырех разделов, раскрывающих социально-демографические, профессиональные, статусные, квалификационные, ценностно-мотивационные характеристики респондентов. Важная особенность опросника заключается в том, что ситуация выбора ценностно-мотивационных приоритетов смоделирована нами в проблемном поле социально-трудовой реальности. Этому способствовали предпочтенные нами формулировки вопросов в методике, смысловые акценты на ситуации «выбора нового места работы» и необходимости оценивания качеств «успешного работника».

Заполнение опросника испытуемыми проводилось поэтапно. На первом этапе, согласно инструкции, респонденты отвечали на вопросы

о социально-демографических характеристиках, указывали специализацию, статусную принадлежность и оценивали степень удовлетворенности текущей работой по шкале от 1 до 5. На втором этапе им предлагался перечень «мотивирующих факторов», каждый из которых также необходимо было оценить по шкале значимости, но не в контексте существующей жизненной и рабочей ситуации, а в воображаемой ситуации выбора нового места работы. На третьем этапе перед испытуемыми поставлена задача оценить важность определенных поведенческих установок, значимых для успешного работника. Подобная формулировка, по нашему мнению, активизирует механизм психологической проекции, когда человек оценивает не себя лично, а предполагаемого «другого», перенося на него свои личностные установки.

По итогам исследования получены следующие результаты:

- 1) проведен анализ системы терминальных и инструментальных ценностно-мотивационных смыслов работников различных профессионально-квалификационных и статусных групп, в том числе выявлены статистически значимые различия между группами;
- 2) выявлен ряд закономерностей, характеризующих динамику ценностно-смыслового пространства финансово-кредитной сферы в аспекте социально-трудовых взаимоотношений.

Исследование показало, что наиболее устойчивые ценностно-мотивационные смыслы терминального ряда, получившие вследствие консолидации групповых данных наименьшие и наибольшие ранги, сходны у руководителей и подчиненных в каждой профессионально-квалификационной группе. Групповой ранг рассчитывался как среднее арифметическое по данным рангов всех представителей группы. Смыслу с наибольшим значением приписывался ранг 1 и т. д.

Выявленные различия ценностно-мотивационных смыслов по статусным группам относятся к таким позициям, как «власть», «продуктивная жизнь», «свобода», «безопасность», «активная деятельная жизнь». Последние опредмечиваются в наличии ряда возможностей: для карьерного роста, руководства работой других людей, самостоятельного планирования рабочего времени и приоритетов в выполнении сложных целей и нестандартных задач, а также в развитии корпоративной культуры, ориентированной на продуктивность в широком понимании, как показано в таблице 1. Данные позиции имеют большее значение в интерпретации социально-трудовой реальности руководителями, чем рядовыми работниками.

Выявлено, что в финансово-кредитной сфере преобладает восприятие смысла трудовой

Статистически значимые различия в ранговом распределении терминальных ценностно-мотивационных смыслов по статусным группам

Терминальные ценностно-мотивационные смыслы	Средний групповой ранг в статусной группе «специалисты»	Средний групповой ранг в статусной группе «руководители»	Уровень значимости различий по критерию Краскела—Уоллиса ($p =$)
Активная деятельная жизнь	10	9	0,032
Продуктивная жизнь	11,5	9	0,015
Безопасность	3	1	0,046
Свобода	7	5	0,035
Власть	11,5	6	0,016

деятельности работниками прежде всего как источника высокого дохода и материального благополучия, безопасности, стабильности, социальных гарантий, а не с точки зрения возможностей профессионального развития и творческой самореализации. Познание, творчество, жизненная мудрость, принадлежность к социальной группе, альтруизм, общественное признание в слабой степени представлены в смысловой структуре личности работника финансово-кредитного сектора.

В этом контексте нельзя не обратить внимание на факт ценностно-смыслового сближения профессиональных групп работников «фронт-офис» и «бэк-офис», выполняющих профильные финансово-кредитные функции, и разграничения их с группой «сопровождающих нефинансовых подразделений», отличающихся по функциональному содержанию работы¹. Для профессиональной группы работников сопровождающих нефинансовых подразделений в сравнении с другими более высокое значение имеют «социальные контакты» ($p = 0,037$), «свобода» ($p = 0,025$), «творчество» ($p = 0,001$). На рисунках 1–3 отражены результаты сопоставления терминальной части ценностно-мотивационных смыслов (ЦМС) руководителей и рядовых работников по указанным профессионально-квалификационным группам.

В процессе исследования инструментального ряда ценностно-мотивационных смыслов работников можно сделать вывод о том, что поведение, способствующее достижению успеха, интерпретируется финансово-кредитными работниками как ориентированное на исполнительность, эффективность в делах, ответственность, рационализм. Это определяет общие черты эффективного ролевого поведения, основанного на чувстве долга, умении держать

слово, дисциплинированности, трудолюбии, продуктивности в работе, способности здраво и логически мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения. При этом у руководителей и рядовых работников в рамках профессионально-квалификационных подгрупп зафиксировано значительное сходство инструментального смыслового ряда. Поведенчески наиболее сплоченной является группа подразделений бэк-офиса, а наименее сплоченной — группа сопровождающих нефинансовых подразделений, в которой у руководителей и подчиненных значительно различаются ранги инструментальных ценностно-мотивационных смыслов, что находит отражение на рисунках 4–5.

Кроме того, в ходе анализа выявлены ценностно-мотивационные смыслы, выполняющие роль интеграторов ценностно-смыслового пространства финансово-кредитной организации: «интересная работа», «материально обеспеченная жизнь», «безопасность», «ответственность», «исполнительность», «самоконтроль», «эффективность в делах», «рационализм». Последние в значительной степени обуславливают интерпретацию социально-трудовой действительности работниками всех исследуемых групп.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что работникам финансово-кредитного сектора не свойственно восприятие социально-трудовой действительности в парадигме со-зависимых взаимоотношений, ориентации на людей, единомышленников, коммуникацию, информационный обмен. Такие ценностно-мотивационные смыслы, воплощающие ориентацию на взаимодействие, как «наличие единомышленников и друзей в коллективе», «широта взглядов, умение понять чужую точку зрения», «терпимость к взглядам и мнениям других, умение прощать другим ошибки и заблуждения»,

¹ Данная классификация предложена автором и основана на профессионально-функциональных различиях в деятельности. К фронт-офису относятся отделы, управления и департаменты, главной целью которых является осуществление функций, направленных на предоставление услуг клиентам (потребителям финансово-кредитных услуг) и непосредственно влияющих на финансовый результат и величину объемных показателей предоставляемых услуг. К бэк-офису относятся подразделения, главная цель которых – осуществление сервисных функций для удовлетворения потребностей клиентов и всех подразделений банка в тех или иных сервисах, но не имеющих непосредственного влияния на финансовый результат. Подгруппа «сопровождающие нефинансовые подразделения» выделена из группы сопровождающих организационных единиц и включает в себя подразделения, осуществляющие сопровождающие функции, не специфичные для финансово-кредитной сферы, а имеющие универсальный производственный характер (управление персоналом, администрирование, служба безопасности, архив и др.).

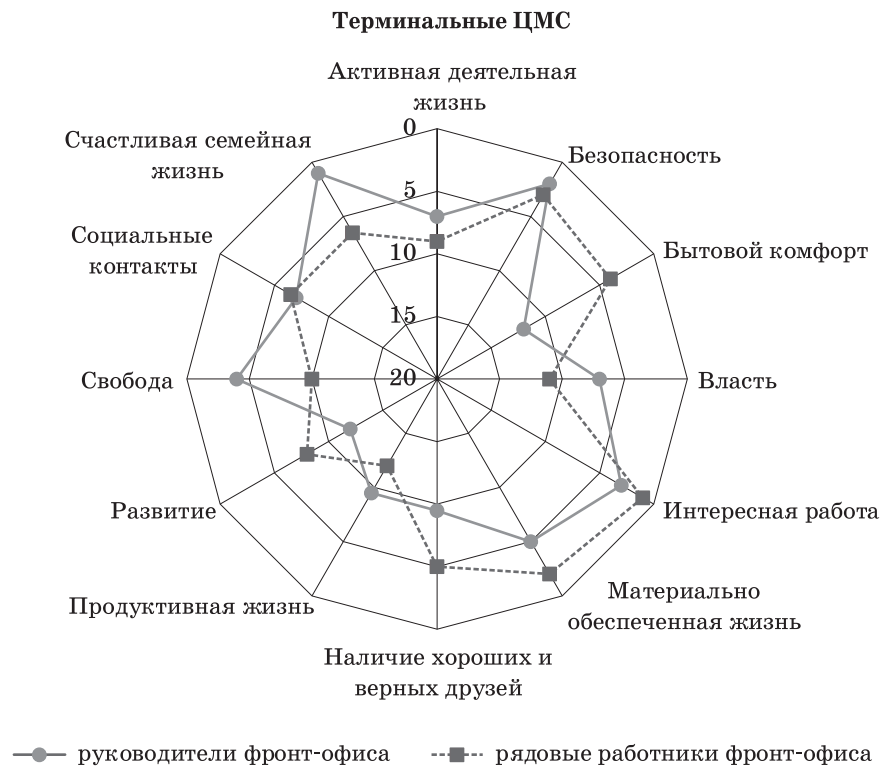

Рис. 1. Сопоставление терминальной части ценностно-мотивационных смыслов руководителей и рядовых работников фронт-офиса

Рис. 2. Сопоставление терминальной части ценностно-мотивационных смыслов руководителей и специалистов бэк-офиса

«чуткость», не входят в число значимых. В сознании работников финансово-кредитного сектора социально-трудовая действительность интерпретируется в первую очередь посредством ценностно-смысловой ориентации на дело, труд, исполнительное и ответственное выполнение своих задач, рационализм.

Анализ исследований в соответствующей области позволяет сделать вывод о том, что

управление эффективностью финансово-кредитных организаций строится прежде всего на ресурсном усилении значимых аспектов деятельности, в частности риск-менеджмента, информационной и экономической безопасности, правовом обеспечении. Мало изучена проблема формирования такого организационного и социально-психологического контекста, который будет соответствовать цели укрепления жи-

Рис. 3. Сопоставление терминальной части ценностно-мотивационных смыслов руководителей и специалистов сопровождающих нефинансовых подразделений

Рис. 4. Сопоставление инструментальной части ценностно-мотивационных смыслов руководителей и специалистов фронт-офиса

неспособности организации через соотнесение ценностно-мотивационных смыслов всех групп работников как атрибута качества их индивидуального и совместного труда.

По мысли А. И. Пригожина, социальный порядок определяет качество взаимодействия элементов среды, включая в себя ряд составля-

ющих: «очередность расположения элементов или их действий; соответствие требованиям или критериям; распределенность функций, ресурсов; подчинение по иерархии; согласованность целей и действий» [3]. Степень совпадения общей направленности интересов личности, ее социальных установок и ценностно-мо-

Рис. 5. Сопоставление инструментальной части ценностно-мотивационных смыслов руководителей и специалистов бэк-офиса

тивационных смыслов с целями и ценностями, транслируемыми организацией во внешнюю и внутреннюю среду, является одним из оснований формирования системы факторов социального самочувствия работников, которые группируются вокруг пяти основных типов по степени открытости к происходящим изменениям и позитивного отношения к ним: решительное, обычное, неопределенное, тревожное (напряженное), безразличное (решительный и обычный типы социального самочувствия относятся к созидательным, а тревожный и безразличный — к типам торможения преобразований) [4].

Продолжая и развивая эту мысль, полагаем, что гармоничное сочетание ролевых ценностно-мотивационных смыслов работников, формирование единого смыслового пространства в организации, моделирование его не стихийно, а целенаправленно обеспечивает базу для эффективного и слаженного взаимодействия всех подсистем. Моделирование, анализ, мониторинг ценностно-мотивационных смыслов, характеризующих те или иные социально-профессиональные роли, осмысление этой информации и применение в трудовой сфере — важнейшие компоненты в процессе управления качеством труда и эффективностью организаций.

Литература

1. Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values: a Theory of Organization and Change. San Francisco: Jossey-Bass, 1968. 214 p. DOI: 10.18334/rp.16.16.608.
2. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция: коллективная монография. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 376 с.
3. Пригожин А. И. Деорганизация: причины, виды, преодоление. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 402 с.
4. Потемкин В. К. Самоактуализация профессиональной деятельности работников предприятий. СПб.: Инфо-Да, 2018. 214 с.

References

1. Rokeach M. *Beliefs, attitudes and values: A theory of organization and change*. San Francisco: Jossey-Bass, 1968. 214 p.
2. *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniya lichnosti: dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-regulation and prediction of social behavior of a person: Dispositional concept]. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 2013. 376 p.
3. Prigozhin A. I. *Dezorganizatsiya: prichiny, vidy, preodolenie* [Disorganization: Causes, types, overcoming]. Moscow: Alpina Business Books, 2007. 402 p.
4. Potemkin V. K. *Samoaktualizatsiya professional'noy deyatel'nosti rabotnikov predpriyatiy* [Self-actualization of professional activities of enterprise employees]. St. Petersburg: Info-Da, 2018. 214 p.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ВЛОЖЕНИЯ В ТРАНСПОРТНУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-102-107

УДК 330.322:656

Семенов Александр Викторович*аспирант Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а, e-mail: alexandr29354@yandex.ru*

Исследование направлено на изучение государственно-частного партнерства по отношению к вложениям в инфраструктуру России.

Цель. Оценить возможность применения государственно-частного партнерства для инвестиций в транспортную инфраструктуру страны.

Задачи. Исследовать прогнозируемые объемы инвестиций в транспортную инфраструктуру России, выделить наиболее нуждающийся в инвестициях сегмент транспортной инфраструктуры, рассмотреть возможные виды применения государственно-частного партнерства для вложений в транспортную инфраструктуру. Изучить существующие правовые конструкции для реализации механизма государственно-частного партнерства при вложениях в транспортную инфраструктуру.

Методология. В исследовании применены такие методы, как анализ, синтез, сравнение.

Результаты. Автором выявлены основные направления инвестирования в транспортную инфраструктуру, определено приоритетное направление применения государственно-частного партнерства в инфраструктуру — транспортная инфраструктура, в которой установлено ведущее направление для применения государственно-частного партнерства — автомобильные дороги. Рассмотрены виды реализации механизма государственно-частного партнерства для строительства автомобильных дорог.

Выводы. Определена постоянно возрастающая потребность в применении механизма государственно-частного партнерства для развития инфраструктуры страны, в частности, ее транспортного направления, показаны главные механизмы реализации государственно-частного партнерства при строительстве автомобильных дорог.

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, транспортная инфраструктура, автомобильные дороги, концессия, риски.*

Для цитирования: Семенов А. В. Государственно-частное партнерство: вложения в транспортную инфраструктуру // *Экономика и управление*. 2019. № 6. С. 102–107. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-6-102-107.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP: INVESTMENTS IN TRANSPORT INFRASTRUCTURE

Aleksandr V. Semenov*St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103, e-mail: alexandr29354@yandex.ru*

The presented study examines public-private partnership with respect to investments in the Russian infrastructure.

Aim. The study aims to assess the feasibility of using public-private partnership for investments in the country's transport infrastructure.

Tasks. The author examines the projected investments in the Russian transport infrastructure, determines the segment of the transport infrastructure that needs the most investment, and analyzes the possible applications of public-private partnership for investments in transport infrastructure. The task is to examine the existing legal framework for the implementation of public-private partnership in the investments in transport infrastructure.

Methods. The study uses such methods as analysis, synthesis, and comparison.

Results. The author identifies the major directions for investments in transport infrastructure, determines the priority area in the implementation of public-private partnership in infrastructure — transport infrastructure, in which roads are the main area for the application of public-private partnership. The types of implementation of public-private partnership for the construction of roads are examined.

Conclusions. It is established that there is an increasing need to apply public-private partnership to the development of the country's infrastructure and its transport sector, and the major mechanisms for the implementation of public-private partnership in the construction of roads are revealed.

Keywords: *public-private partnership, transport infrastructure, roads, concession, risks.*

Громадные пространства России нуждаются в развитии транспортной инфраструктуры. Основным ее элементом являются автомобильные дороги.

Строительство и эксплуатация автомобильных дорог сопровождаются большими затратами. Соответственно, в этом аспекте становится выгодным привлечение заемного (частного) капитала, который может предоставить предприниматель, что определяет идею государственно-частного партнерства. Последнее, по мнению автора, служит своего рода рычагом для скорейшего возведения транспортной инфраструктуры страны. Поэтому данное направление нуждается в тщательном исследовании.

Для масштабов государства и его партнеров в лице крупного бизнеса уместен системный подход. Основы системного подхода изложены в работах В. М. Никонорова [1; 2]. Приведем некоторые определения понятия «государственно-частное партнерство». Министерство экономического развития РФ трактует данное понятие как сотрудничество государственного (публичного) и частного партнера, обладающее рядом признаков:

- 1) юридически оформленное на основе соглашения о государственно-частном партнерстве;
- 2) определенный срок действия;
- 3) объединение ресурсов;
- 4) распределение рисков между сторонами государственно-частного партнерства;
- 5) цель — привлечение в экономику страны частных инвестиций [3].

Д. В. Зубайдуллина под государственно-частным партнерством подразумевает «взаимодействие государственного (публичного) и частного секторов с соответствующим разделением рисков, ответственности и компетенций для строительства, технического обслуживания, эксплуатации, модернизации инфраструктуры в целях социально-экономического развития страны» [4]. В. Г. Варнавский считает, что государственно-частное партнерство — это «юридически оформленное взаимодействие государства и частного бизнеса для создания государственных и муниципальных объектов, производства государственных и частных услуг» [5].

Инфраструктура, по данным института Global Infrastructure Hub, включает в себя следующие направления:

- 1) энергетическая — строительство электростанций, линий электропередачи;

- 2) транспортная — строительство автомобильных и железных дорог, мостов, аэропортов, портов;

- 3) коммунальная — строительство объектов водоснабжения и водоотведения;

- 4) IT-инфраструктура — развитие информационно-телекоммуникационных технологий [6].

Следует отметить, что основные вложения направляются в транспортную инфраструктуру. В дальнейшем потребность в ее развитии будет только возрастать, что находит отражение на рисунке 1. При этом значительная часть инвестиций в транспортную инфраструктуру будет направлена в строительство автомобильных дорог (подразумевается техническое обслуживание, эксплуатация, модернизация), о чем свидетельствует рисунок 2.

Заинтересованность бизнеса в сфере транспортной инфраструктуры вполне очевидна: это долгосрочный и стабильный бизнес (с учетом технического обслуживания, эксплуатации, модернизации). Заинтересованность страны в государственно-частном партнерстве объясняется стратегической важностью транспортной инфраструктуры, что следует из таблицы 1. Данные, представленные в таблице 1, указывают на необходимость строительства транспортной инфраструктуры в дальнейшем, в частности автомобильных дорог. Вместе с тем наблюдается дефицит финансовых ресурсов, что подтверждают сведения, содержащиеся в таблице 2.

Соответственно, вложения в транспортную инфраструктуру будут возрастать. Рассмотрим основные формы государственно-частного партнерства, приведенные в таблице 3. В качестве основной формы государственно-частного партнерства на территории Российской Федерации выступает договор концессии, учитывая, что по концессионному соглашению в нашей стране накоплена значительная судебная и правоприменительная практика. Определим виды государственно-частного партнерства в случае строительства автомобильных дорог. Для реализации государственно-частного партнерства при строительстве автомобильных дорог реализуются различные варианты инвестиционного механизма, как показано в таблице 4 [9].

В соответствии с таблицей 3 основные формы государственно-частного партнерства в России — это договор концессии, операторский контракт и контракт жизненного цикла (разновидность договора концессии). В аспекте транспортной инфраструктуры, в частности

Глобальные инвестиции в основные отрасли инфраструктуры, \$ млрд

Рис. 1. Прогноз инвестиций в инфраструктуру (Global Infrastruktura Hub) [6]

Динамика инвестиций в транспортную инфраструктуру до 2040 г., \$ млрд

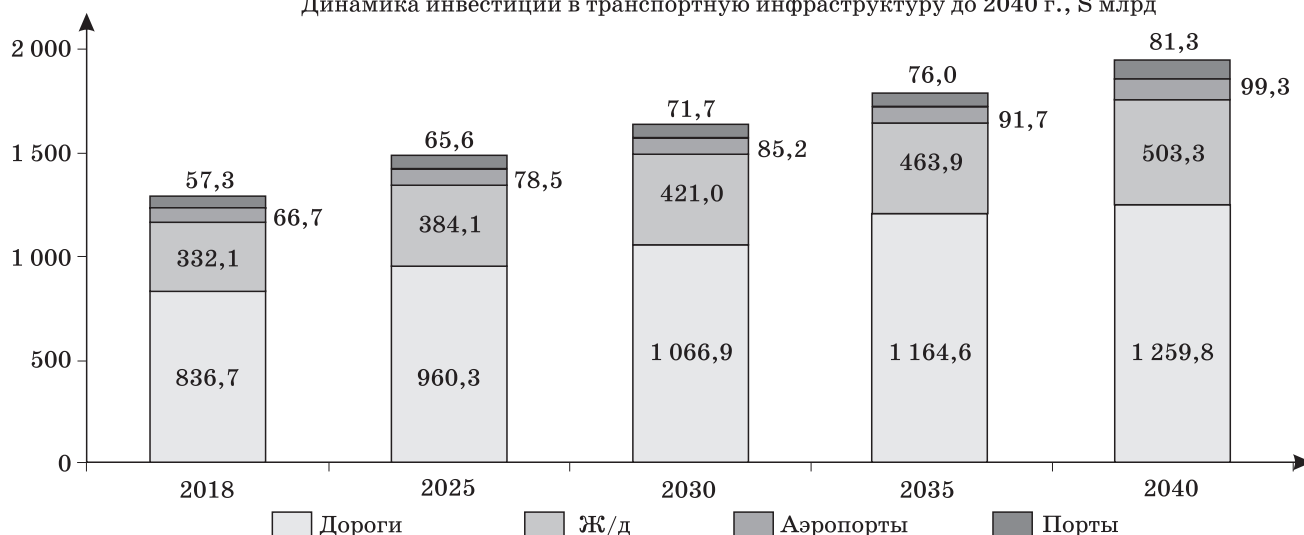

Рис. 2. Прогноз инвестиций в транспортную инфраструктуру (Global Infrastruktura Hub) [6]

Таблица 1

Плотность автомобильных дорог в 2016 г. [7]

№	Страна	Все дороги, тыс. км	Плотность автомобильных дорог, км на 1 000 км ² территории	ВВП на душу населения, долл. США
1	Россия	1 507,8	88,0	27 964
2	Китай	4 696,3	489,2	16 682
3	Польша	427,3	1 366,8	29 722
4	Франция	1 103,4	2 000,7	44 168
5	Финляндия	111,8	330,6	44 492
6	Швеция	221,7	492,6	51 180
7	Япония	1 221,0	3 231,2	42 819

автомобильных дорог, в странах с развитой рыночной экономикой существуют следующие виды договоров:

- 1) договор на обслуживание автомобильной дороги;
- 2) договор на управление объектом «автомобильная дорога»;
- 3) аренда автомобильной дороги;

- 4) договор концессии;
- 5) переуступка эксплуатации автомобильной дороги;
- 6) переуступка актива «автомобильная дорога».

На наш взгляд, подобное разнообразие правовых конструкций уместно было бы применять и в отечественной практике. Нормативно-правовая база для договора концессии заложена в Фе-

Объем частных инвестиций за 2014–2018 гг. [8]

№	Год	Объем частных инвестиций, млрд руб.	Число проектов государственно-частного партнерства с коммерческим закрытием
1	2014	298,7	316
2	2015	286,8	593
3	2016	300,2	1 202
4	2017	247,5	620
5	2018	451,7	353

Таблица 3

Основные формы государственно-частного партнерства

Форма	Соглашение о государственно-частном партнерстве	Концессионное соглашение
Нормативно-правовая база	Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»	Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»
Стороны договора	Публичный партнер и частный партнер	Концедент (публичный партнер) и концессионер (частный партнер)

деральном законе № 115-ФЗ от 21 июля 2005 г. [10]. Нормативно-правовая база для контракта жизненного цикла содержится в Федеральном законе № 44-ФЗ от 22 марта 2013 г. [11].

Контракт жизненного цикла (Availability Payments) — это разновидность государственно-частного партнерства, при которой частный партнер вкладывает финансовые ресурсы на стадиях проектирования, строительства и финансирования объекта; это Private Finance Initiative (PFI) — частная финансовая инициатива. Допустим вариант, реализуемый в настоящее время в России, при котором частный партнер участвует на стадиях проектирования, строительства и эксплуатации объекта. Деньги за проезд частный партнер может брать только в том случае, если рядом находится дублирующая дорога. Иначе затраты по жизненному циклу частному предпринимателю возмещает государство в виде траншей за каждый заранее определенный период. В этом случае частный партнер принимает на себя и соответствующие риски, что снижает рисковую нагрузку на государственного партнера. Затраты по контракту жизненного цикла включают в себя:

- 1) расходы на приобретение земельного участка;
- 2) расходы на проектно-изыскательские работы;
- 3) оформление пакета разрешительной документации на строительство;
- 4) строительно-монтажные работы;
- 5) ввод объекта в эксплуатацию;
- 6) расходы, связанные с эксплуатацией объекта;
- 7) возможные расходы в связи с продлением жизненного цикла объекта (модернизация);
- 8) расходы на ликвидацию объекта.

В случае применения контракта жизненного цикла собственником объекта выступает государство. Операторский контракт (O&M contract) предполагает, что частный предпри-

ниматель вправе взять объект (т. е. автомобильную дорогу) в долгосрочную аренду, содержать и эксплуатировать его. ГК «Автодор» оплачивает оператору расходы на эксплуатацию дороги, оператор собирает платежи в пользу ГК «Автодор». Средний срок операторского соглашения 8–10 лет. Например, в нашей стране оператором второй секции (км 225–км 633) трассы М-4 «Дон» является компания «Объединенные системы сбора платы», совместное предприятие ОАО «Мостотрест» и компании Kapsch.

В настоящее время, как нам кажется, для инвесторов более привлекательно операторское соглашение, поскольку при этом частному предпринимателю предстоит работать с построенной автомобильной дорогой. В случае контракта жизненного цикла у частного партнера возникают производственные и финансовые риски, которые могут привести к недострою автомобильной дороги. Строительство скоростных автомагистралей приоритетно для нашей страны. Поэтому, возможно, потребуются более выгодные условия для инвестора и, соответственно, новые правовые конструкции, новые инструменты финансирования.

Учитывая сложность и высокую стоимость строительства автомобильных дорог, государство планирует привлекать и успешно привлекает частный бизнес, что является одним из приоритетов Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 г. [12]. Складывается частно-государственное предпринимательство в сфере транспортной инфраструктуры. Соответственно, в 2009 г. создана новая структура «Российские автомобильные дороги» (ГК «Автодор»), главная задача которой — привлечение частного партнера для создания сети высокоскоростных автомагистралей. В настоящее время один из крупнейших проектов частно-го-

Варианты инвестиционного механизма для государственно-частного партнерства при строительстве автомобильных дорог

Инвестиционный механизм	Сущность	Особенности
Инвестиционный механизм 1	Государственно-частное партнерство в форме договора концессии	Концедент принимает на себя часть расходов по инвестиционному проекту на инвестиционной стадии. Концессионер часть доходов от деятельности перечисляет концеденту. Плата за проезд по дороге не предусмотрена
Инвестиционный механизм 2	Государственно-частное партнерство в форме договора концессии	Концедент не принимает на себя часть расходов по инвестиционному проекту на инвестиционной стадии, инвестиции частные. Концессионер часть доходов от деятельности перечисляет концеденту. Плата за проезд по дороге не предусмотрена
Инвестиционный механизм 3	Государственно-частное партнерство в форме договора концессии	Концедент принимает на себя часть расходов по инвестиционному проекту на инвестиционной стадии, а также возмещает инвестиционные и эксплуатационные расходы концессионера. Плата за проезд по дороге не предусмотрена
Инвестиционный механизм 4	Государственно-частное партнерство в форме договора концессии	Концедент не принимает на себя часть расходов по инвестиционному проекту на инвестиционной стадии, но гасит инвестиционные и эксплуатационные расходы концессионера. Инвестиции частные. Плата за проезд по дороге не предусмотрена
Инвестиционный механизм 5	Государственно-частное партнерство в форме договора концессии	Концедент принимает на себя часть расходов по инвестиционному проекту на инвестиционной стадии. Инвестиции частные. Плата за проезд по дороге не предусмотрена
Инвестиционный механизм 6	Государственно-частное партнерство в форме контракта жизненного цикла	На инвестиционной стадии инвестиционного проекта частные инвестиции, далее эти инвестиции компенсирует государство на эксплуатационной стадии инвестиционного проекта регулярными платежами. Плата за проезд по дороге не предусмотрена
Инвестиционный механизм 7	Государственно-частное партнерство в форме договора концессии	Концедент принимает на себя часть расходов по инвестиционному проекту на инвестиционной стадии. Инвестиции частные. Плата за проезд по дороге распределяется между концедентом и концессионером
Инвестиционный механизм 8	Государственно-частное партнерство в форме договора концессии	Концедент не принимает на себя часть расходов по инвестиционному проекту на инвестиционной стадии. Инвестиции частные. Плата за проезд по дороге распределяется между концедентом и концессионером
Инвестиционный механизм 9	Государственно-частное партнерство в форме договора концессии	Концедент принимает на себя часть расходов по инвестиционному проекту на инвестиционной стадии. Инвестиции частные. Плата за проезд по дороге – доход концедента. Концедент возмещает инвестиционные и эксплуатационные расходы концессионера
Инвестиционный механизм 10	Государственно-частное партнерство в форме договора концессии	Концедент не принимает на себя часть расходов по инвестиционному проекту на инвестиционной стадии. Инвестиции частные. Плата за проезд по дороге – доход концедента. Концедент возмещает инвестиционные и эксплуатационные расходы концессионера
Инвестиционный механизм 11	Государственно-частное партнерство в форме договора концессии	Концедент принимает на себя часть расходов по инвестиционному проекту на инвестиционной стадии. Инвестиции частные. Плата за проезд по дороге – доход концессионера
Инвестиционный механизм 12	Государственно-частное партнерство в форме контракта жизненного цикла	На инвестиционной стадии инвестиционного проекта частные инвестиции. Далее эти инвестиции компенсирует государство на эксплуатационной стадии инвестиционного проекта регулярными платежами. Плата за проезд по дороге предусмотрена и является доходом владельца дороги

сударственного предпринимательства — строительство скоростной автомагистрали М-11 между Москвой и Санкт-Петербургом. Длина трассы 669 км, стоимость приблизительно 160 млрд руб. Опережает этот проект Центральная кольцевая автомобильная дорога (ЦКАД) длиной 530 км и стоимостью 300 млрд руб. В таблице 5 отражены крупнейшие для нашей страны проекты частно-государственного предпринимательства при строительстве автомобильных дорог.

Итак, по итогам проведенного анализа прогноза инвестиций в инфраструктуру выделено основное направление — транспортная инфраструктура. Установлено, что в транспортной инфраструктуре приоритетным направлением настоящих и будущих вложений являются автомобильные дороги. Исследованы основные формы реализации механизма государственно-частного партнерства при строительстве автомобильных дорог. Изучены виды инвестиционного механизма в случае концессионного соглашения.

**Крупнейшие проекты частно-государственного предпринимательства при строительстве
автомобильных дорог**

№	Проект	Длина трассы, км	Стоимость про- екта, млрд руб.	Концессионер
1	Скоростная магистраль М-11 между Москвой и Санкт-Петербургом	684	160	ООО «Северо-Западная концессионная компания»
2	Центральная кольцевая автомобильная дорога (ЦКАД)	530	350	ООО «Крокус Интернешнл»
3	Обход Хабаровска	50	40	Группа «ВИС»
4	Мост через Чусовую	12	14	ООО «Пермская концессионная компания»
5	Мост через Обь	6	40	Группа «ВИС»

Литература

1. Никоноров В. М. Системы: сущность и свойства // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16, № 16. С. 2499–2508. DOI: 10.18334/rp.16.16.608.
2. Никоноров В. М. Устойчивость системы: экономический аспект // Современная научная мысль. 2017. № 3. С. 154–158.
3. Государственно-частное партнерство [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/privgov-partnerdev> (дата обращения: 11.05.2019).
4. Зубайдуллина Д. В. Контракт жизненного цикла как инструмент государственно-частного партнерства // Управление экономическими системами. 2014. № 72. С. 223–227.
5. Варнавский В. Г., Клименко А. В., Королев В. А. Государственно-частное партнерство: теория и практика. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 287 с.
6. Forecasting infrastructure investment [Электронный ресурс] // Global Infrastructure Hub. URL: <http://www.gihub.org> (дата обращения: 11.05.2019).
7. Транспорт в России 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 101 с.
8. Об инвестициях в инфраструктуру и государственно-частное партнерство в России [Электронный ресурс] // Национальный центр государственно-частного партнерства. URL: <http://www.pppcenter.ru> (дата обращения: 11.05.2019).
9. Об утверждении методики о структурировании инвестиционного проекта [Электронный ресурс]: распоряжение Министерства транспорта РФ № 1714-р от 08.09.2014 г. URL: <http://www.mintrans.ru> (дата обращения: 11.05.2019).
10. О концессионных соглашениях [Электронный ресурс]: федер. закон № 115-ФЗ от 21.07.2005 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.05.2019).
11. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс]: федер. закон № 44-ФЗ от 22.03.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.05.2019).
12. О транспортной стратегии РФ до 2030 г. [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ № 1734-р от 22.11.2008 г. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 11.05.2019).

References

1. Nikonorov V. M. Sistemy, sushchnost' i svoystva [Systems, their nature and properties]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo*, 2015, vol. 16, no. 16, pp. 2499–2508. DOI: 10.18334/rp.16.16.608.
2. Nikonorov V. M. Ustoychivost' sistemy: ekonomicheskii aspekt [Sustainability of the system: Economic aspect]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, 2017, no. 3, pp. 154–158.
3. *Public-private partnership*. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Available at: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/privgovpartnerdev>. Accessed 11.05.2019. (in Russ.).
4. Zubaydullina D. V. Kontrakt zhiznennogo tsikla kak instrument gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Life cycle contract as an instrument of public-private partnership]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, 2014, no. 72, pp. 223–227.
5. Varnavskiy V. G., Klimenko A. V., Korolev V. A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: teoriya i praktika* [Public-private partnership: Theory and practice]. Moscow: HSE Publ., 2010. 287 p.
6. *Forecasting infrastructure investment*. Global Infrastructure Hub. Available at: <http://www.gihub.org>. Accessed 11.05.2019.
7. *Transport v Rossii 2018: Stat. sb.* [Transport in Russia 2018: Stat. coll.]. Moscow: Rosstat, 2018. 101 p.
8. *On investments in infrastructure and public-private partnerships in Russia*. PPP Development Center. Available at: <http://www.pppcenter.ru>. Accessed 11.05.2019. (in Russ.).
9. *On approval of the methodology for structuring an investment project. Decree of the Ministry of Transport of the Russian Federation No. 1714-r dated 08.09.2014*. Available at: <http://www.mintrans.ru>. Accessed 11.05.2019. (in Russ.).
10. *On concession agreements. Federal Law No. 115-FZ of July 21, 2005*. Available at: <http://www.consultant.ru>. Accessed 11.05.2019. (in Russ.).
11. *On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs. Federal Law No. 44-FZ of March 22, 2013*. Available at: <http://www.consultant.ru>. Accessed 11.05.2019. (in Russ.).
12. *On the transport strategy of the Russian Federation up to 2030. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1734-r dated November 22, 2008*. Available at: <http://www.garant.ru>. Accessed 11.05.2019. (in Russ.).

ПРЕДСТАВИТЕЛИ СПБУТУиЭ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ В ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФОРУМЕ

ПМЭФ'19
ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

6 июня в Санкт-Петербурге стартовал международный экономический форум. Тысячи участников из разных стран мира собрались в Северной столице, чтобы обсудить проблемы мировой экономики, промышленности, общества и культуры. Главная тема форума в этом году — «Формируя повестку устойчивого развития». На форуме запланировано более 150 деловых мероприятий. Среди них — сессия «Российское образование. Глобальная конкурентоспособность и экспортный потенциал», участником которой стал ректор СПБУТУиЭ, доктор экономических наук, доцент О. Г. Смешко.

На сессии обсуждались вопросы о том, за счет чего российские вузы привлекают иностранных студентов, а также лучшие практики ведущих российских университетов. Развитие системы кампусов, зарубежных филиалов и представительств, летних и зимних школ, международных образовательных программ, формирование англоязычной среды в вузах, разработка онлайн-курсов, внедрение современных

технологий способствуют повышению конкурентоспособности ведущих университетов России на международной арене. Основные направления экспорта отечественного образования назвал в своем выступлении министр науки и высшего образования РФ М. М. Котюков. В их числе внешняя независимая оценка качества образовательных программ, рынок труда, демографические процессы. Экспорт образования — это вызов и для университетов, и для того города, в котором они находятся. Министр отметил, что содержание образовательных программ сегодня соответствует требованиям мирового уровня и вызовам цифровых технологий.

Ректор СПБУТУиЭ О. Г. Смешко также присутствовал на торжественной церемонии открытия, где с приветственной речью выступил временно исполняющий обязанности губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Беглов. На форуме в центре внимания были темы, созвучные стратегическим планам развития Петербурга.

В рамках Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) состоялся Российский форум малого и среднего предпринимательства — 2019, в котором приняли участие представители СПБУТУиЭ.

Докладчики Российского форума малого и среднего предпринимательства — 2019, прошедшего в рамках ПМЭФ

Участники сессии «Российское образование. Глобальная конкурентоспособность и экспортный потенциал»

Директор Института экономики, менеджмента и информационных технологий СПбУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. Ф. Щипанов и заведующий кафедрой менеджмента и государственного и муниципального управления СПбУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. В. Ушакова приняли участие в инвестиционном треке «Инновации, меняющие мир. Кто вкладывает в технологические стартапы», обучающем треке «История бизнес-прорывов: лайфхаки от дореволюционных предпринимателей», а также пленарной дискуссии «Вовлечение в предпринимательство». Ключевыми вопросами, которые обсуждались на этих мероприятиях, стали проблемы внедрения инновационных проектов в различные сферы экономики, взаимодействия бизнеса и государства.

На площадках форума представителями Университета проведены предварительные переговоры о возможных перспективах сотрудничества в образовательной и научной сферах с директором блока предпринимательских программ бизнес-школы «Сколково» Еленой Бондаренко, представителями Северо-Западного банка Сбербанка России, Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», «ИС» и др. Кроме того, на встрече с заместителем министра экономического развития, кандидатом юридических наук РФ В. А. Живулиным достигнута договоренность об участии представителей Минэкономразвития РФ в научно-образовательных мероприятиях, проводимых СПбУТУиЭ.

Представители СПбУТУиЭ приняли участие в мероприятиях третьего дня форума, посвященного технологиям будущего и диалогу с властью молодого поколения предпринимателей, а также специалистов в разных областях.

Тематические секции и сессии посетили первый проректор — проректор по учебно-методической работе и качеству образования студентов СПбУТУиЭ, кандидат технических наук, доцент С. В. Авдашкевич, директор Института экономики, менеджмента и информационных технологий СПбУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. Ф. Щипанов, заведующий кафедрой менеджмента и государственного и муниципального управления СПбУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. В. Ушакова, директор Института международных программ, кандидат экономических наук, доцент А. Ю. Румянцева, начальник управления организации совместных исследований и внедрения научных разработок в производство В. В. Юшкова.

На сессии «Образовательные стартапы как новый драйвер трансформации образования» обсуждали вопросы, связанные с обеспечением интеграции новых практик и старых образовательных институтов, современных проектов профориентации. Генеральный директор Благотворительного фонда В. Потанина Оксана Орачева сообщила о принципах

его работы. Руководитель D Notation Андрей Баянжан рассказал о важном аспекте работы со стартапами — поддержке менторов в бизнес-инкубаторах. Бизнес-сообщество сплоченное, акселераторы имеют широкий круг знакомств, и именно работа в инкубаторе может способствовать преодолению трудностей за счет приобретения партнеров. По мнению Андрея Лобанова, генерального директора ООО «Алгоритмика», без крупных инноваторов в системе образования не получится что-либо изменить в лучшую сторону.

На сессии «Создание региональных экосистем формирования национальных технологических лидеров» речь шла о способах преодоления технологического отставания российской экономики. Это предполагает единовременное решение ряда задач, направленных на технологическое обновление, цифровую трансформацию и завоевание новых рынков, экспорт продукции и технологий. По словам участников, решить их невозможно в отсутствие принципиально новой комплексной образовательной и кадровой политики в отношении

следующего поколения инженеров-инноваторов, изобретателей и технологических предпринимателей. Среди тех, кто отметил, что для региона требуются молодые кадры с новыми компетенциями, был Д. А. Ялов — вице-губернатор Ленинградской области, обладающей значительным технологическим потенциалом.

Дебаты на тему «Открытое государство в цифровой реальности: мониторинг национальных целей» провел глава Счетной палаты РФ, доктор экономических наук А. Л. Кудрин. Модератором мероприятия выступила гендиректор АНО «Центр перспективных управленческих решений», научный руководитель Центра подготовки руководителей цифровой трансформации РАНХиГС М. С. Шклярчук. В рамках данного мероприятия министр экономического развития РФ М. С. Орешкин выразил уверенность, что цифровизация и доступность информации поможет сделать большой шаг.

Секция, в которой участвовала директор Института международных программ А. Ю. Румянцев, посвящалась теме «Возможен ли искусственный интеллект без математики?». Подробно обсуждались вопросы дефицита теоретических разработок и несоответствия понимания ряда существенных аспектов: когда и почему работает машинное оборудование, насколько надежны его решения и каковы ограничения на фоне впечатляющего прогресса в области развития искусственного интеллекта. Освещались вопросы, связанные с ограничениями в применении математических методов при работе с нейронными сетями, искусственным интеллектом и современным этапом его развития. Спикерами выступили профес-

сор факультета компьютерных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель лаборатории машинного обучения Центра искусственного интеллекта Samsung Electronics в России Дмитрий Ветров; руководитель службы компьютерного зрения и технологий искусственного интеллекта компании «Яндекс» Александр Крайнов; старший вице-президент по развитию бизнеса АО «Тинькофф Банк» Артем Яманов; помощник президента РФ Андрей Фурсенко.

8 июня в рамках ПМЭФ-2019 состоялся Международный молодежный экономический форум. Его соорганизаторами выступили Фонд «Росконгресс» и Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). В работе форума приняли участие и представители СПбУТУиЭ. Одно из ключевых мероприятий форума — пленарная сессия «Up and up — как мы будем готовить лидеров, способных не только менять мир, но и делать его лучше». Ее участники обсудили вопросы о системе подготовки кадров, способных не только к решению профессиональных задач, но и осознающих ответственность за глобальное развитие российского государства. По окончании пленарной сессии представители Университета организовали рабочую встречу с руководителем Федерального агентства по делам молодежи, кандидатом технических наук А. В. Бугаевым, руководителем направления по взаимодействию с партнерами АНО «Россия — страна возможностей», кандидатом социологических наук А. В. Сериковым и председателем комитета по молодежной политике Санкт-Петербурга Ю. С. Аблец, на которой обсуждались перспективы сотрудничества с Университетом.

В СПБУТУиЭ ПРОШЛА МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ»

На конференции, которая проходила 20 июня в Белом зале Мраморного дворца, обсудили вопросы современного состояния, перспектив развития правового и институционального обеспечения государственной региональной политики. Состоялся обмен опытом российских и немецких экспертов в области государственной региональной политики, ее планирования, прогнозирования и международной интеграции.

Открывая пленарное заседание, ректор СПБУТУиЭ, доктор экономических наук, доцент О. Г. Смешко отметил, что совместно с немецкими партнерами Университет ежегодно проводит научно-практические конференции. Их ведущая тема — «Модернизация российской экономики: прогнозы и реальность». Очередная Международная научно-практическая конференция посвящена — государственной региональной политике — теме, актуальной не только для Российской Федерации и Германии, но и для других государств, которые имеют значительные территории. По мнению О. Г. Смешко, вопросами регионального развития необходимо заниматься основательно. Глубина разработки данной проблемы требует не только практических шагов, но и существенных научных изысканий, и мероприятие было организовано именно для того, чтобы участники могли внести свой вклад в ее решение.

На конференции выступили представители учреждений науки и образования, бизнес-структур и общественных организаций России и Германии. Немецкую сторону представляли почетные профессора СПБУТУиЭ: вице-президент Европейской академии наук и искусств, координатор рабочей группы «Наука и образование», доктор юриспруденции, профессор Вильфрид Бергманн, почетный консул РФ в Ганновере Хайно Визе и генеральный консул почетного консульства Тоголезской республики в Ганновере Герд Нельке. В. Бергманн в приветственном слове отметил, что немецкие коллеги рады в очередной раз принимать участие в конференции, которую проводит Университет. По мнению господина Бергманна, в России не все регионы имеют достаточное количество ресурсов для какой-либо автономии. Свои коррективы вносит глобализация. Подобные встречи дают возможность обмениваться опытом.

С основными докладами, помимо немецких коллег, на пленарном заседании выступили директор Института проблем региональной экономики РАН, доктор экономических наук, профессор С. В. Кузнецов и вице-президент Общероссийской общественной организации «Инвестиционная Россия» Д. И. Веселов. Доклад профессора Кузнецова был посвящен региональной политике российского государства в условиях реализации стра-

тегии научно-технологического развития субъектов, многофакторных вызовов и рисков. Д. И. Веселов охарактеризовал особенности инвестиционной политики регионов.

После каждого выступления докладчикам задавали множество вопросов, в том числе связанных с политическими аспектами. Например, главы некоторых федеральных земель Германии напрямую ведут переговоры с российскими регионами, выступая против санкций по отношению к России. Хайно Визе предложил провести в России или Германии семинар на тему эмигрантского кризиса. Он сообщил и о возможности сотрудничества университета в Ганновере с СПБУТУиЭ. Кроме того, в соответствии с решением Ученого совета университета господину Нельке вручен диплом почетного профессора СПБУТУиЭ.

Дипломов удостоены победители конкурса на лучший научный проект и конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу среди студентов и аспирантов Университета. После пленарного заседания участники продолжили работу на заседаниях научных секций, где более подробно обсудили государственную инвестиционную политику как инструмент пространственного и устойчивого развития регионов России, а также механизмы реализации государственных экологических программ макрорегиона «Северо-Запад».

Ректор СПБУТУиЭ, доктор экономических наук, доцент О. Г. Смешко вручает диплом почетного профессора СПБУТУиЭ генеральному консулу почетного консульства Тоголезской республики в Ганновере Герду Нельке

Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление»

Журнал издается Санкт-Петербургским университетом технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ) под научно-методическим руководством Отделения общественных наук Российской академии наук с 1995 г.

Российский научный журнал «Экономика и управление» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются экспертными советами по экономике, а также управлению, вычислительной технике и информатике Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. В 2009 г. РНЖ «Экономика и управление» удостоен высокого звания лауреата всероссийского конкурса журналистов «Экономическое возрождение России» в номинации «Лучшее специализированное информационно-аналитическое издание по инновационной тематике».

Для публикации в журнале «Экономика и управление» принимаются статьи на русском языке, содержащие описание актуальных фундаментальных технологий, результаты научных и научно-методических работ, посвященных проблемам социально-экономического развития, а также отражающие исследования в области экономики, управления, менеджмента и маркетинга. Предлагаемый материал должен быть оригинальным, не публиковаться ранее в других печатных изданиях, тематически соответствовать профилю журнала.

Обязательные требования к содержанию статей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

Чтобы статья успешно прошла научное рецензирование и была принята для публикации в журнале, она должна иметь следующую структуру.

1. Актуальность проблемы, ее сущность и общественно-научная значимость.
2. Освещение данной проблемы и опыта ее решения в зарубежной и отечественной литературе, анализ законодательства и нормативно-правовой базы (если это в русле авторского замысла).
3. Критический анализ имеющихся в литературе, экономической и управленческой практике подходов к решению проблемы.
4. Научно обоснованные предложения автора по решению проблемы (систематизированное изложение авторской идеи (идей): методов, концептуальных положений, моделей, методик и пр., направленных на разрешение проблемы. Эти взгляды должны быть аргументированы и обоснованы, по возможности подтверждены расчетами, фактами, статистикой и пр. При необходимости в качестве элементов обоснования приводятся формулы, таблицы, графики и др.
5. Краткие выводы, резюмирующие проведенные исследования, отражающие основные их результаты.
6. Научная и практическая значимость материала статьи с изложением рекомендаций (как, где авторские предложения могут быть использованы, что для этого следует сделать) и теоретического развития авторских идей в дальнейшем.

Основные требования к сдаче в издательство рукописей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

1. Статья должна содержать:

- 1.1. Аннотацию (расширенную; в аннотации должны отражаться цель, задачи, методология, результаты, выводы).
- 1.2. Ключевые слова (от 5 до 7 слов), разделенные запятой.
- 1.3. Сведения об авторе: место работы каждого автора (если таковое имеется) в именительном падеже, его должность и регалии, контактную информацию (почтовый адрес, e-mail).
- 1.4. Внешнюю рецензию на статью с подписью и печатью.

2. Оформление статьи

- 2.1. Объем статьи должен составлять от 0,4 до 1 а.л. (1 а.л. — 40 000 знаков, считая пробелы).
- 2.2. В верхнем правом углу первой страницы статьи должна содержаться информация об авторе: Ф.И.О. (полностью), должность, название организации и ее структурного подразделения, адрес. Ученая степень, ученое звание, почетное звание (если таковые имеются).

2.3. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пунктов. Поля: 2,5 — левое и по 2 см — остальные, печать текста на одной стороне листа, оборот листа — пустой. Страницы должны быть пронумерованы.

2.4. Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминающихся в статье, расположенные в порядке упоминания в квадратных скобках, и не должен включать в себя работы, на которые в тексте отсутствуют ссылки. Все ссылки в статье, должны быть затекстовыми (расположенными в конце статьи), с указанием в основном тексте порядкового номера источника и упоминаемых страниц. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать страницы: в случаях ссылки на публикацию в журнале, газете, сборнике (периодическом издании) — интервал страниц, а в случаях ссылки на монографию, учебник, книгу — общее число страниц в этом издании.

3. Иллюстративный материал

3.1. Рисунки, диаграммы, таблицы и графики должны быть вставлены в текст статьи на соответствующее им место.

3.2. Если иллюстрации отрисованы авторами самостоятельно в формате Word или Excel, то не следует заверстывать их в другие программы!

3.3. Остальные иллюстрации также присылать только в исходном формате:

- отсканированные с разрешением на 300 dpi иллюстрации в формате .tif либо .jpg вставляются в текст статьи на соответствующее место и дополнительно отправляются отдельными файлами, не вставленными в текст;
- иллюстрации из сети Интернет вставляются в текст статьи и дополнительно присылаются отдельными файлами в том формате, в котором были скачаны.

3.4. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого.

3.5. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

Статья представляется в электронном виде (по электронной почте или на носителе информации) в формате Microsoft Word.

Для получения полной информации о требованиях к публикации просьба обращаться в издательство. Адрес электронной почты издательства СПбУТУиЭ: izdat-ime@yandex.ru; тел.: (812) 448-82-50.

Basic Conditions and Requirements for Research Articles Submitted to the Russian Academic Journal "Economics and Management"

The Basic Requirements to script submissions for publisher of Economics and Management

1. Contents

- Summary should contain the aim, tasks, methods and results of research. Please find the Summary Guidance on *Economics and Management* web-site
- List of key words should contain 5 to 7 items separated by semicolon
- Information about the author should contain job position, regalia and location using subjective case together with personal details and contact information
- One signed photograph. Electronic version should contain .tif or .jpg formats only
- External review signed and sealed

2. Layout

- Size should be not less than 0.4 and not more than 1 author's list
- Personal information should be placed in the top right corner of the front page starting with the name, position, regalia, company name with full address, etc.
- Please use the Times New Roman size 14 with 2.5 cm border on the left and 2 cm on the right, top and bottom sides
- List of references should contain bibliography on all publications mentioned in the article. Please use square brackets for numbers in the order of their appearance in the article. The sources not mentioned in the article should not be used in this list. All the references should be positioned at the very end of the article using numbers shown in square brackets with detailed position in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number (s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication

3. Graphics

- All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article
- Please use .doc or .exe formats in case illustrations were made by the author personally in the same format
- For all the other illustrations please use the original format
- Illustrations scanned in .tif or .jpg using 300 dpi apart from being placed in the text should be sent separately in attached file
- Illustrations copied from Internet should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format
- The picture in the article should be of the same size as it is shown in original source
- Recommended amount of pictures and illustrations should not exceed three items

**Please send all the articles printed on A4 paper format together
with electronic version using Microsoft Word.
Both versions should be identical.**

Contact details:
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103
Publishing house
of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics.

Tel.:
+7 (812) 448-82-50

E-mail:
izdat-ime@yandex.ru